

Жизнь и творчество В.Х.Кандинского

Л.Л.Рохлин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга о жизни и творчестве отечественного психиатра В. Х. Кандинского представляет собой самостоятельный раздел русской и мировой истории психиатрии. Она, как и каждое историческое исследование, устанавливает преемственность прошлого с современностью. В. Х. Кандинский, вместе с С. С. Корсаковым, — признанный основоположник отечественной психиатрии. Его научное творчество стало неисчерпаемым источником для последующих, вплоть до наших дней, исследований многих поколений психиатров. Синдром имени Кандинского, во всех вариантах его проявления, постоянно описывается в тысячах историй болезни.

Познавательное значение этого синдрома неизмеримо возросло в настоящее время, когда перед психиатрами настоятельно встала проблема синтеза обще-патологических и частно-патологических закономерностей патологии психической деятельности. Решение ее связано с обнаруженным В. Х. Кандинским патогенетическим взаимоотношением истинных галлюцинаций и псевдогаллюцинаций — с проблемой генерализации проявлений психического расстройства и ее ограничением в развитии психозов, их динамике.

Его творческое наследие не исчерпывается психопатологическим исследованием природы псевдогаллюцинаций, не менее значительно его учение о неувяемости, ставшее основой развития отечественной судебной психиатрии. В нем В. Х. Кандинский одним из первых привлек внимание к проблеме психопатий. Неоспоримо влияние В. Х. Кандинского на развитие материалистического воззрения на природу психических болезней, их нозологию. Наиболее

ценный итог научной деятельности В. Х. Кандинского заключается в развитии одного из самых существенных разделов общей психиатрии — учения о галлюцинациях, псевдогаллюцинациях и галлюцинаторном бреде. Не менее ценно его совершенствование клинического метода исследований психических болезней, ставшего теперь оригинальной особенностью отечественной психиатрии.

Перед автором книги о В. Х. Кандинском, исследователем его жизни и творчества стояла труднейшая задача. Он, по утверждению П. Б. Ганнушкина, как историк психиатрии, не только должен 'быть психиатром, но обязан обладать большими, почти универсальными знаниями в целом ряде дисциплин. Эта ответственнейшая задача для автора книги о В. Х. Кандинском была осложнена значительными пробелами в существующих публикациях с его жизни. После трагической смерти В. Х. Кандинского прошло почти сто лет. Знавших его современников уже давно нет в живых. Автору понадобилось потратить много сил и времени на поиск в государственных и частных архивах документов и материалов, восполняющих пробелы в биографии В. Х. Кандинского. В результате это ч трудоемкой работы были обнаружены совершенно неизвестные ранее данные о его жизни и деятельности.

В книге изложены общественно-политические особенности, со всеми их противоречиями, времени жизни В. Х. Кандинского. Те годы в России, с одной стороны, значительны осуществленными реформами, разраставшимся революционным движением, интенсивным развитием науки, в том числе и психиатрии, а, с другой стороны,— неуклонным наступлением реакции. Вне своего времени общественно-врачебная, научная и экспертная деятельность В. Х. Кандинского не может быть понята. Вот почему автор книги с полным основанием посвятил этому весь первый раздел своего исследования. В нем живо передан, помимо описания семьи В. Х. Кандинского, его окружения, образования, господствовавший в университете и врачебной среде дух той эпохи.

Второй раздел книги полностью отведен научной деятельности В. Х. Кандинского. С полным основанием этот раздел начинается с анализа фундаментальной основы научных воззрений В. Х. Кандинском, его философских и общественно-политических взглядов. Эрудиция В. Х. Кандинского в области философии и психологии была исключительна.

Он в свое время перевел на русский язык «Физиологическую психологию» Вундта, снабдив ее обильными комментариями и примечаниями, свидетельствующими о его стихийно материалистических позициях. Исследования в этой области В. Х. Кандинского были устремлены на обнаружение

взаимосвязи психологии и психиатрии, области по-прежнему трудной и актуальной вплоть до нашего времени. Превосходное знание физиологии и психологии, вкупе с талантом психиатра позволили В. Х. Кандинскому осуществить классические психопатологические и клинические исследования, вошедшие в золотой фонд мировой психиатрии. В этом разделе книги автор последовательно описывает этапы научных исследований В. Х. Кандинского, сопровождая их» подробным анализом, устанавливая преемственную связь с развитием современной психиатрии. Ценность этого раздела такова, что без него в будущем не сможет обойтись ни один автор учебника, руководства по психиатрии, истории психиатрии, не говоря уже об авторах научных исследований.

Книга о В. Х. Кандинском представляет собой тот литературный источник, знание которого обязательно для каждого психиатра, вне зависимости от характера его деятельности — научной или практической.

Герой социалистического труда,

академик АМН СССР

профессор А. В. СНЕЖНЕВСКИЙ

ОТ АВТОРА

Жизнь и творчество В.Х.Кандинского

Л.Л.Рохлин

Эта книга посвящена описанию жизни и творческой деятельности выдающегося русского психиатра второй половины XIX столетия, одного из основоположников отечественной психиатрии Виктора Хрисанфовича Кандинского.

«... когда перед советской страной встали новые громадные задачи, требующие дальнейшего усиленного развития науки и техники,— справедливо писал академик С. И. Вавилов в предисловии к сборникам «Люди русской науки»,— особенно важно оглянуться на прошлое нашей науки.

Это прошлое дает нам немало замечательных образцов вдохновенного научного исследования, смелого творческого дерзания. Они послужат поучительным примером для молодого поколения советских ученых».

Эти слова академика С. И. Вавилова в полной мере относятся к такой сложной и важной области медицинской науки, как психиатрия и к столь видному ее представителю как В. Х. Кандинский.

Касаясь первой части книги, в которой сообщаются основные биографические данные о В. Х. Кандинском, следует указать, что его жизнь была сложна и противоречива, судьба трагична,

поведение было полно сподвижничества, а в личности имелось много рыцарского. Много страниц в книге его жизни оказались вырванными и неизвестными, и потому в ней имеется ряд обширных белых пятен.

Несмотря на огромное уважение и любовь, которыми пользовался В. Х. Кандинский у своих сослуживцев и товарищей и бесспорное признание его заслуг со стороны выдающихся представителей отечественной и зарубежной психиатрии того времени, биографические данные о В. Х. Кандинском весьма скудны, его научное наследие не получило полного освещения, а его имя на длительное время было незаслуженно забыто.

Н. В. Иванов, которому советские психиатры обязаны в восстановлении надлежащего понимания значения и приоритета Кандинского, справедливо писал по этому поводу в одной из своих статей: «Собрать подробные биографические материалы о Кандинском теперь крайне трудно. Местонахождение его личного архива неизвестно, воспоминания современников не опубликовывались, служебного дела также не удалось найти».

Эти обстоятельства и побудили нас заняться поисковым исследованием с целью обнаружения новых материалов о жизни и творчестве Кандинского для выполнения столь ответственной и трудной задачи, как подготовка его научной биографии.

Однако лишь часть из приводимых нами в настоящей книге данных о жизни Кандинского может быть признана подлинно новой. К ним относятся некоторые из обнаруженных нами архивных материалов, отдельные воспоминания современников и потомков Кандинского и сведения, любезно предоставленные рядом исследователей истории Сибири, занимавшихся также в этом плане и семьей Кандинских.

Другая часть приведенного в настоящей работе материала является новой только в том смысле, что она публиковалась ранее в мало известных психиатрам изданиях.

По ходу изложения, мы также вынуждены были сообщить некоторые данные о В. Х. Кандинском, знакомые психиатрам по ранее опубликованным работам, чтобы обеспечить целостность и последовательность изложения.

И еще одно разъяснение следует сделать, касаясь первого раздела книги, относящегося к биографии В. Х. Кандинского. Нельзя дать убедительную характеристику жизни ученого в отрыве от исторической обстановки, в условиях которой он жил и творил. Если жизнь ученого может в определенной мере характеризовать то историческое время, которому она

принадлежит, то только надлежащее понимание и анализ исторической эпохи, когда он жил, даст возможность правдиво объяснить его жизнь, глубже познать деятельность и ярче нарисовать его образ человека и ученого.

Рано ушедший от нас талантливый психиатр и историк психиатрии О. В. Кербиков подверг справедливой критике тот неправильный подход, когда корифеев ученых-психиатров рассматривали вне исторической преемственности и исторической обстановки, их порождающей, в плане самозарождения и спонтанного развития их творческих талантов.

Вот почему в нашей книге рассматриваются не только те или иные факты, имеющие прямое отношение к биографии В. Х. Кандинского, но также дается и краткая характеристика общественно-политической жизни, основных исторических условий и тенденций развития науки и психиатрии того времени.

Общей характеристике научного наследия В. Х. Кандинского, отдельных его сторон, и рассмотрению особенностей научного творчества посвящены главы второго раздела книги.

Здесь необходимо подчеркнуть огромное теоретическое и клиническое значение творческого научного наследия В. Х. Кандинского. Оно велико и многогранно, охватывает различные важные разделы психиатрии как сложной и разветвленной медицинской дисциплины. Оно ценно для современной психиатрии разрешением ряда актуальных ее проблем не только в плане их исторических основ и преемственности, но и как содержащие талантливые исследования, опережающие свое время и оплодотворяющие практику современного периода развития психиатрии.

Важно подчеркнуть, и об этом в книге подробно рассказывается, что В. Х. Кандинский в области философии и психологии был убежденным материалистом.

В своих клинических воззрениях он выступал как основоположник клинико-нозологического направления в психиатрии и вписал в нее ряд новых разделов. В области психопатологии ему принадлежит приоритет открытия некоторых важных психопатологических феноменов и заслуги в формировании общей психопатологии в самостоятельную научную дисциплину.

Наконец, можно считать общепризнанным, что в истории отечественной судебной психиатрии научные труды В. Х. Кандинского имели выдающееся значение и положены в

основу современного законодательства в этой области.

Если жизнь В. Х. Кандинского была сложна и противоречива, то в творчестве нашего замечательного психиатра можно отметить удивительную последовательность, фундаментальность, глубину мысли, предельную ясность и точность изложения.

Мы благодарны за ценные консультации по различным вопросам, освещаемым в нашей книге: академику Академии медицинских наук СССР Андрею Владимировичу Снежневскому, много сделавшему в раскрытии значения научного наследия В. Х. Кандинского и внедрения его идей в психиатрическую науку и практику; профессору Николаю Владимировичу Иванову, одному из первых психиатров уделивших большое внимание истории жизни и творчества нашего выдающегося психиатра; Евгению Дмитриевичу Петряеву, видному исследователю истории культуры Забайкалья, предоставившего в наше распоряжение ряд ценных материалов, в частности, о семье Кандинских; Виктору Васильевичу Сорокину, известному своими работами по истории Москвы и Московского университета; Марии Юрьевне Барановской, оказавшую большую помощь в установлении связи с оставшимися в живых представителями семьи Кандинских и в получении ряда важных фотодокументов.

Глава первая. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХИАТРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Жизнь и творчество В.Х.Кандинского

Л.Л.Рохлин

Быстрый рост капитализма в России. Годы революционного подъема. Развитие материалистической философии и борьба с идеализмом. Успехи естествознания и медицины. Историческая преемственность отечественной психиатрии второй половины XIX столетия. Становление психиатрии как самостоятельной научной дисциплины. Ее материалистическая направленность. В. Х. Кандинский — выдающийся психиатр второй половины XIX столетия.

Виктор Хрисанфович Кандинский—один из выдающихся русских психиатров второй половины XIX столетия. Наряду с И. М. Балинским, И. П. Мержеевским, С. С. Корсаковым, В. М. Бехтеревым он принадлежит к числу основоположников отечественной психиатрии.

Биография и научное наследие В. Х. Кандинского отражают социально-экономические условия, уровень культуры, науку и состояние психиатрии того времени, когда он жил и работал. Видный земский психиатр П. И. Якобий справедливо указывал, что: «Психиатры — сыны своего времени, психиатрические больницы — продукты своей эпохи». Вот почему мы считаем

целесообразным прежде всего обратиться к рассмотрению этого периода в социально-историческом, общекультурном и психиатрическом аспектах.

Вторая половина XIX столетия характеризовалась в Царской России быстрым развитием капитализма. В. И. Ленин писал: «... развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века».

Потребности растущего промышленного производства и усовершенствования техники делали актуальным развитие точных наук и опытного знания. Для них открылись широкие горизонты и перспективы.

Подтверждались слова Ф. Энгельса: «Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов...»

Несмотря на господствующую в те годы политическую реакцию, на арену научной и общественной деятельности выдвинулась блестящая плеяда ученых в области естественных наук и медицины. Это был период замечательных успехов русского естествознания, достижения которого приумножали своими трудами А. М. Бутлеров и Д. М. Менделеев, И. М. Сеченов и К. А. Тимирязев, А. О. и В. О. Ковалевские и И. И. Мечников. В медицине тогда громко звучали имена знаменитого хирурга Н. И. Пирогова, выдающегося терапевта С. П. Боткина и многих передовых ученых.

Если в нашей литературе, относящейся к истории психиатрии, жизнь и творчество выдающихся отечественных психиатров второй половины XIX столетия получили достаточное освещение, то общей характеристики развития психиатрии в столь значительный для нее период еще не дано.

Обобщенный анализ русской психиатрии XIX столетия — дело сложное и трудное. Мы не можем в короткой вводной главе дать развернутую, полную характеристику развития психиатрии того времени, но все же должны осветить основные тенденции ее эволюции. Без этого, мы полагаем, будет невозможно надлежащим образом попятить и оценить оригинальный научный вклад, внесенный в психиатрию В. Х. Кандинским.

Первое, что хотелось бы отметить, это целесообразность рассмотрения состояния отечественной психиатрии второй половины XIX столетия в исторической преемственности с предшествующим ее развитием.

Историю развития научной психиатрии в России можно

проследить с конца XVIII века, а в первую половину XIX столетия она уже по праву может гордиться рядом научных достижений. Это отмечено в дореволюционное время Л. А. Прозоровым и в работах ряда советских психиатров: О. В. Кербикова, Д. Д. Федотова, Т. И. Юдина и других авторов.

Творческая деятельность в области психопатологии и клинической психиатрии, организации психиатрической помощи и судебной психиатрии таких выдающихся психиатров первой половины XIX столетия, как В. Ф. Рюль, З. И. Кибальчич, В. Ф. Саблер, Ф. И. Герцог, П. П. Малиновский, А. Н. Пушкарев, хорошо показана в нашей литературе.

Убедительно также проанализировано влияние и отражение в работах названных психиатров революционно-демократических воззрений В. Г. Белинского и материалистических взглядов И. Е. Дядьковского и М. Я. Мудрова. Можно согласиться с Т. И. Юдиным «... что уже с 20-х годов XIX столетия в России начинает развиваться психиатрическая мысль, выходит ряд научно-ценных работ, поднимаются вопросы практической психиатрии,, производится перепись психически больных во всей России, строится образцовая психиатрическая больница «Всех скорбящих»...⁵ Важно подчеркнуть, что линия исторической преемственности характеризовала классические труды основоположников отечественной психиатрии. Например, взгляды С. С. Корсакова на социальную этиологию психических заболеваний созвучны с высказываниями П. П. Малиновского, а И. М. Балинский и И. П. Мержеевский в своей деятельности в «Медицинском Совете» являлись преемниками и продолжателями ценных начинаний в области организации психиатрической помощи и судебно-психиатрической экспертизы И. Ф. Рюля и Ф. И. Герцога.

Для правильного понимания и оценки творческого наследия В. Х. Кандинского важно также выяснить отношения между отечественной и зарубежной психиатрией, как происходил взаимный обмен научным опытом и какие установились связи между русскими и зарубежными учеными именно в тот исторический период, когда жил и творил В. Х. Кандинский.

Можно сказать определенно, что это было время самых интенсивных и тесных связей между отечественной и зарубежной психиатрией, активного взаимного обмена опытом, широких творческих контактов русских и зарубежных психиатров. Именно в эти годы был осуществлен перевод на русский язык ведущих учебных руководств и монографий, авторами которых являлись такие выдающиеся зарубежные психиатры, как В. Гризингер, Г. Шюле, Р. Крафт-Эбинг, Т. Мейнерт, Г. Модели, С. Клоустон. Переведены также книги по вопросам детской и судебной психиатрии (В. Айрленд, Р. Крафт-

Эбинг, Г. Модели). Широко практиковались длительные заграничные командировки русских ученых для ознакомления с состоянием психиатрии за рубежом, для участия в международных конгрессах. Проводились совместные научные работы. Установилась тесная дружба ряда выдающихся отечественных ученых с учеными разных стран.

Интенсивность и различные организационные формы связей отечественной психиатрии того периода с зарубежной психиатрией имели своей содержательной стороной не только взаимное ознакомление с клинико-эмпирическими данными и результатами исследования патогенеза психических заболеваний. Сближение и взаимное обогащение отечественной и зарубежной психиатрии базировалось еще на известной общности теоретических воззрений передовых психиатров под влиянием выдающихся достижений и прогресса естествознания, в особенности биологии и физиологии.

Общность теоретических воззрений получила свое наглядное выражение в следующем:

1. В признании материалистических основ психических расстройств, рассмотрение последних как проявлений патологии мозга, нарушений его структуры или функциональной деятельности.
2. В решительной поддержке и активной борьбе за утверждение учения Ч. Дарвина о происхождении видов и эволюции органического мира с распространением идеи развития и единства организма и среды на психическую деятельность.
3. В укреплении связи психиатрии с соматической медициной, рассмотрении психиатрии как неотъемлемой части медицины. Важным моментом в таком подходе является заимствование психиатрией из соматической медицины ряда клинических принципов и понятий, в частности нозологического принципа с подразделением на его основе клинических форм психических расстройств.

Однако, кроме общих материалистических тенденций отечественной и прогрессивной зарубежной психиатрии анализируемого нами исторического периода, следует отметить и ряд различий. Они выражались прежде всего в большей последовательности и более воинствующем характере естественно-исторического материализма основоположников отечественной психиатрии по сравнению с естественно историческим материализмом прогрессивных зарубежных психиатров.

Отмечались также существенные различия взглядов

отечественных и зарубежных психиатров в отношении современной им психологии и происходящей в ней идеологической борьбе. Близкая к психиатрии научная дисциплина — психология имеет для нее важное значение, поскольку знание закономерностей нормальной психической деятельности необходимо для установления проявлений психической патологии и выяснения механизмов ее возникновения. Поэтому отнюдь не безразлично, что зарубежные психиатры того периода опирались в основном на эмпирическую психологию, ведущее положение в развитии которой занимала Англия, или на психологию с ее физиологическими обоснованиями Вильгельма Вундта, не преодолевая идеалистических ее уклонов.

Отечественная психиатрия опиралась на материалистическую сеченовскую психологию с рефлекторной концепцией психики. И. М. Сеченов оказал огромное влияние на отечественную психиатрию. Он в определенной мере зарядил ведущих отечественных психиатров свойственным ему воинствующим духом, что и в рамках естественно-исторического материализма больше приблизило их к последовательному материализму Маркса — Энгельса — Ленина.

«У главных направлений передовой общественной мысли России,— писал В. И. Ленин в своей знаменитой статье «О значении воинствующего материализма»,— имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция.. от которой... отступали назад нередко в погоне за модными реакционными философскими учениями, поддаваясь мишуре якобы «последнего слова» европейской науки и не умея разобрать под этой мишурой той или иной разновидности прислужничества буржуазии, ее предрассудкам и буржуазной реакционности». В этом высказывании В. И. Ленина существуют в единстве два положения: о наличии в русской общественной мысли «солидной материалистической традиции» и «нередких отступлений от нее».

Оба эти положения имеют прямое отношение к нашей отечественной психиатрии второй половины XIX столетия. Они глубоко отражают жизнь русских психиатров того времени. Можно полностью согласиться с Т. И. Юдиным, когда он пишет: «В условиях разрастающейся борьбы реакционной, идеалистической философии с философией материалистической развивалась русская научная психиатрия во вновь созданных центрах науки — клиниках, и во всех ее работах — и теоретических, и практических — ясно видны элементы этой борьбы материализма с реакционным идеализмом, либеральным соглашательством, виден и нажим на науку полицейско-бюрократических правящих кругов».

Мы привели некоторые общие данные об организационных формах и идеологических отношениях отечественной и зарубежной психиатрии второй половины XIX столетия, потому что они должны помочь нам лучше понять конкретные факты, относящиеся по этому вопросу непосредственно к В. Х. Кандинскому. Как мы увидим в дальнейшем в ряде глав книги, посвященных творческой деятельности В. Х. Кандинского, он, с одной стороны, сыграл огромную роль в приобщении русских психиатров к опыту прогрессивной зарубежной психиатрии, а с другой, — имел неоценимые заслуги в обогащении мировой психиатрии своими оригинальными психопатологическими концепциями. Он содействовал признанию авторитета и приоритета русской психиатрической науки на международной арене.

Характеризуя состояние отечественной психиатрии в тот период, когда развевалась творческая деятельность В. Х. Кандинского, необходимо указать, что это было время формирования психиатрии в самостоятельную медицинскую дисциплину. Показатели этого формирования разные.

Один из них, весьма важный — организация кафедр в университетах и в других высших учебных заведениях.

Как отдельный предмет преподавания психиатрия была включена в учебные планы русских университетов еще в первую половину XIX столетия, но самостоятельные кафедры открыты только во вторую половину XIX столетия.

Создание кафедр психиатрии, т. е. университетской психиатрии, имело значение не только для подготовки врачей психиатров и преподавателей во все расширяющейся сети высших медицинских учебных заведений. Оно сыграло полезную роль и в улучшении организации психиатрической помощи, которая в 1864 году с переходом психиатрических учреждений из Приказа общественного призрения в земства, переживала период реорганизации и обновления. Кафедры психиатрии оказывали действительную помощь земствам в разработке проектов строительства психиатрических больниц, консультациями по построению внутреннего их режима и т. д. Следует отметить, что для того времени было весьма характерно тесное содружество кафедр психиатрии и крупных больниц, многие из которых представляли собой не только учреждения, ведущие практическую лечебную работу, но и являлись еще с первой половины XIX века также центрами плодотворных научных исследований. Можно согласиться с А. В. Снежневским в том, что: «Отечественная научная психиатрия создавалась не только в клиниках и научно-исследовательских институтах, — не менее ценные исследования, определившие развитие отечественной и мировой психиатрии, были созданы больничными врачами... в

обычных психиатрических больницах, где критерий практики беспощаден в отношении всех теорий».

К анализируемому периоду развития отечественной психиатрии относится также появление впервые в России периодической психиатрической печати. Издание специальных регулярно выходящих журналов по психиатрии и примыкающим к ней специальностям нельзя переоценить. Такое издание является показателем того, что психиатрия достигла определенного уровня оформления как медицинская специальность. Оно, в то же время, важный фактор развития психиатрической науки и практики. Ведь журнал несет с собой регулярную и расширенную информацию, обмен опытом с зарубежными странами, является важным средством внедрения в практику достижений науки, организатором ряда ценных начинаний, трибуной обсуждения различных научных концепций и практических мероприятий.

Специальные научные психоневрологические журналы возникли в России в конце XIX столетия. Из них три журнала выходили в 80-х годах, еще при жизни В. Х. Кандинского. Первый русский психиатрический журнал «Архив психиатрии, неврологии, судебной психопатологии» издавался в Харькове под редакцией профессора П. И. Ковалевского и просуществовал с 1883 до 1889гг. Второй журнал, начавший выходить в свет немного позже, но в том же 1883 году и издававшийся в Петербурге примерно в те же сроки, был «Вестник клинической и судебной психиатрии и неврологии». Он редактировался Мержеевским. Кроме того, в Петербурге короткое время, с 1885 по 1886 гг. существовал журнал «Медико-педагогический вестник» под редакцией И. В. Маляревского. Остальные журналы были созданы уже после смерти В. Х. Кандинского.

Первые два журнала: харьковский — Ковалевского и петербургский — Мержеевского были очень хорошо организованы. В них печатались оригинальные научные статьи, большой реферативный раздел русской и зарубежной литературы, а также иная обширная информация. В петербургском журнале регулярно появлялись протоколы заседаний Петербургского общества психиатров, возглавляемого И. П. Мержеевским.

Характеризуя отечественную психиатрию второй половины XIX столетия, нельзя также обойти молчанием столь важные организационные формы развития науки, как научная общественность. Указанный период был знаменателен созданием и активной деятельностью различных видов психиатрической научной общественности: научных обществ психиатров, 1-го съезда отечественных психиатров, проведением заседаний секции нервно-психических заболеваний на

Пироговских съездах.

В 80 - 90-е годы, — годы особенно усилившейся реакции, роль и ответственность медицинской общественности в развитии психиатрической науки и практики чрезвычайно возросли. Необходимо считаться и с тем, что деятельность общественных организаций, даже медицинских, проходила в крайне трудных условиях. Научные общества, съезды и другие научные, общественные организации обеспечивали, кроме столь ценной в научной работе коллективности, выполнение еще ряда других, предъявляемых жизнью требований. Они являлись трибуной для борьбы за право ученых на творчество, за возможность служить народу своими открытиями, быть местом решительного отпора реакции.

Эта борьба политического характера была неразрывно связана с борьбой идеологической, мировоззренческой.

Особенно активную деятельность развернули вновь возрожденное в 1881 году под председательством И. П. Мержеевского Петербургское общество психиатров (4) и организованное в 1890 году Московское общество под председательством А. Я. Кожевникова (при секретаре С. С. Корсакове).

Психиатрия является сложной, комплексной дисциплиной. Процесс дифференциации, образование различных ответвлений, использование в недрах ее метода мульти-дисциплинарных исследований является закономерным, необходимым условием прогресса.

Вторая половина XIX столетия в отечественной психиатрии характеризовалась выраженной тенденцией к указанной дифференциации психиатрии, выделением ряда ее областей со специальными целями и методами исследования.

Остановимся на наиболее важных специализированных разделах, имеющих большое теоретическое и практическое значение.

Характер психического расстройства, его клинические проявления определяются различными условиями и влиянием разных факторов. К ним принадлежит и такой важный фактор, как возраст. Ресурсы психики, психическое развитие, характер и личность человека в его взаимоотношениях с окружающей природной и социальной средой различны в разные возрастные периоды. Человек в каждом возрасте имеет свои психические особенности, ему свойственны разные потребности и интересы, он располагает различными возможностями адаптации, защитными средствами и формами своего утверждения в жизни.

Поэтому, когда у него возникает то или иное психическое расстройство, возраст накладывает свою печать на проявления этого расстройства, на биологические и социальные последствия, на преодоление и компенсацию и на перспективы лечения и излечения.

Статистика также подчеркивает выраженные различия в возрастном распределении тех или иных форм психической патологии.

Вот почему, отвечая на запросы жизни, возникла психиатрия детского возраста. В России ее основы были заложены опять-таки во второй половине XIX столетия. Сравнительно рано были развернуты научно-исследовательская работа по изучению различных психических аномалий в детском возрасте и обслуживание психиатрами психически больных детей. Этот важный раздел психиатрии с самого начала его возникновения получил столь необходимую дифференциацию. Последняя проводилась по принципу деления детского возраста на более дробные возрастные периоды и путем классификации психических расстройств на три основные группы: врожденную умственную отсталость, различные психозы детского возраста, пограничные состояния.

Представляет интерес, что в сети психоневрологических учреждений для детей, при всей ее ограниченности, также проявлялась тенденция по принципу дифференцированного обслуживания.

Другую специализированную область психиатрии представляет судебно-психиатрическая экспертиза. Вторая половина XIX столетия — важный этап в оформлении судебной психиатрии, разработки ее специальных методов.

Выше мы отмечали, что важным фактором успешного развития психиатрии является применение в ней мультидисциплинарного метода исследования, комплексирования с другими науками.

Судебная психиатрия в этом отношении может быть наглядным примером. Она возникла на стыке психиатрии с юридическими науками — правоведением в широком смысле этого слова.

Специфика судебной психиатрии определяется внедрением ее в судопроизводство, в деятельность органов прокуратуры и надзора. В то же время правовые науки включают свою компетенцию и методы в психиатрию, тем самым определяя отличия судебной психиатрии от общей клинической психиатрии. Важным моментом, стимулировавшим развитие судебной психиатрии, в интересующий нас исторический

период, является проведенная в 1864 г. судебная реформа, утверждающая гласность суда, вводящая в судебное разбирательство новый институт— присяжных заседателей, улучшающая весь процесс судопроизводства.

Вопросам судебной психиатрической экспертизы в то время психиатры уделяют большое внимание. Всесторонне изучаются и разрабатываются формы и методы проведения экспертизы, отношение клинических, психологических и правовых моментов в экспертных заключениях, уточняются права и обязанности психиатра – судебного эксперта. В связи с мероприятиями правительства по упорядочению законодательства, в частности Уложения о наказаниях, в обществах психиатров и юристов проводится специальное всестороннее совместное обсуждение формулировок статей, относящихся к судебно-психиатрической экспертизе. Следствием этого является определение основной принципиальной линии развития судебной психиатрии, ее отношений с клинической психиатрией. Важным. моментом в развитии судебной психиатрии оказалось проведение судебных экспертиз психиатрами, что остро поставило перед ними задачу уточнения классификации психических расстройств.

Именно судебно-психиатрическая практика определила клиническую разработку учения о пограничных состояниях и, в частности, обусловила выделение как самостоятельной клинической формы в последних — психопатию. С высоко развитым чувством нового, жизненно важного и способностью на него откликаться В. Х. Кандинский, как мы увидим ниже, сыграл большую роль в развитии такого важного раздела психиатрии, как судебная психиатрия.

Тот же 1864 год, в который была проведена судебная реформа, явился годом передачи земству в 34 губерниях России психиатрических учреждений, находившихся ранее в ведении Приказа общественного призрения.

Передачу психиатрического обслуживания из ведения государства в руки местных самоуправлений—земств, даже при учете идентичности их сословного состава с правящими кругами Российской империи, не следует рассматривать как формальный или технический акт. Эта перемена в организации и управлении психиатрической помощи населению соответствовала их демократизации. Она открыла собой новую славную страницу в истории отечественной психиатрии, определяемую понятием «земская психиатрия».

Демократизация дела психиатрического обслуживания населения, конечно, не являлась автоматически последствием указанной смены управления. Она только постепенно выявлялась в результате упорной и самоотверженной борьбы

демократически настроенных земских врачей-психиатров, с консервативными гласными в земствах. Новая свежая струя в строительстве психиатрических больниц, новые принципы их структуры и режима, новое в системе лечения и ухода за душевнобольными — все это, с одной стороны, требовало от земских врачей-психиатров огромной и упорной организаторской деятельности, пронизанной гуманизмом и человеколюбием, с другой — научной разработки проблем социальной психиатрии и психогигиены. В этом последнем деле «земской психиатрии» была оказана действенная помощь со стороны «университетской психиатрии».

Вопросы тактики психиатрического обслуживания: на кого ориентироваться — на недавно заболевших или хронические контингента больных, как строить психиатрические учреждения, каковы должны быть их структура и режим, как организовать учет, как предупредить рецидивы болезни, накопление «хроников» в населении — все это стало предметом исследования как ведущих психиатров, представителей «университетской психиатрии», так и самих «земцев-психиатров». Из последних вырастали ученые, социальные гигиенисты, применительно к психиатрии, определяемые как психогигиенисты, учитывая ответвления под названием «социальная психиатрия» или «психогигиена». Эти же темы были предметом страстного обсуждения на обществах психиатров Москвы и Петербурга. Важно подчеркнуть, что этот организационный и профилактический раздел психиатрии не может быть отделен от клинической психиатрии, а должен базироваться на ней и во многом определяться ее успехами. Например, проведенный в докторской диссертации И. П. Мержеевского¹ анализ газообмена у маниакально-возбужденных больных показал целесообразность организации при психиатрических больницах «двориков» для прогулок как одного из элементов лечения этих больных. Так протягиваются нити от клиничко-лабораторного изучения к организационным формам обслуживания больных и устройству психиатрических больниц.

Некоторые данные этой важной главы психиатрии приведены нами, потому что либерально-демократическая деятельность земских психиатров оказала известное влияние на В. Х. Кандинского, проявившего интерес к земской психиатрии уже на раннем этапе своей врачебной деятельности.

Краткая характеристика отечественной психиатрии во второй половине XIX столетия была необходима, чтобы установить, в каких условиях протекала творческая деятельность В. Х. Кандинского. Подведем некоторые итоги.

Как указывалось отмеченный важный исторический период

экономического и политического развития России определялся бурным ростом капитализма. На этом фоне и в условиях борьбы реакции с растущим революционным движением в то же время наблюдался расцвет духовной культуры: науки, литературы, искусства. Огромные успехи естествознания и медицины в отечественной и зарубежной науке получили отражение и в психиатрии в больших научных и практических достижениях и в оформлении ее в самостоятельную медицинскую дисциплину.

Сохраняя историческую преемственность с научным развитием первой половины XIX столетия и поддерживая тесную связь с прогрессивной зарубежной психиатрией, основоположники русской психиатрии второй половины XIX столетия развивали психиатрию на материалистических основах и в тесных взаимоотношениях с соматической медициной. Перенимая опыт последней, они перестраивали психиатрию на клинично-нозологических основах.

В организации психиатрического обслуживания населения этот период характеризовался ростом и качественными изменениями сети психиатрических учреждений, а также включением в перестройку психиатрической помощи в России прогрессивной «земской психиатрии», которую характеризовали гуманизм и выраженные демократические тенденции.

Творческая деятельность В. Х. Кандинского в 70-е годы проходила в Москве главным образом в направлении разработки общемедицинских и философско-психологических проблем. В 80-е же годы, когда он начал работать в Петербурге ординатором в психиатрической больнице Николая Чудотворца, его творческие интересы сосредоточились преимущественно на исследованиях общей психопатологии и судебной психиатрии.

Глава вторая. СЕМЬЯ КАНДИНСКИХ. ДЕТСКИЕ, ОТРОЧЕСКИЕ ГОДЫ В. Х. КАНДИНСКОГО

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

Характеристика общественной и культурной жизни Забайкалья в конце первой половины XIX столетия. Нерчинский период жизни В. Х. Кандинского (1849—1862 гг.). Родословная и описание семьи Кандинских. Прогрессивное влияние на формирование мировоззрения Кандинского декабристов, польских ссыльных, передовой общественности Забайкалья. Переезд В. Х. Кандинского в Москву. Школьные годы. Третья московская гимназия (1863—1867 гг.).

В. Х. Кандинский родился в селе Бянкино Нерчинского района Забайкальской губернии 24 марта (6 апреля) 1849 года.

В его студенческом деле, хранящемся в Центральном государственном архиве г. Москвы, имеется выписка из метрики, которая гласит следующее: «Из метрик Бянкинской Троицкой Церкви оказалось: тысяча восемьсот сорок девятого года, марта двадцать четвертого дня, под № 10, у Почетного Гражданина 1-й гильдии купецкого внука Хрисанфа Иосафова Кандинского и законной жены его Августы Апполоновны родился сын Виктор, восприемником которого был Почетный гражданин 1-й гильдии купецкий внук Сильвестр Кандинский. Таинство крещения совершал протоиерей Петр Суханов. Выписка сия дана из Нерчинского духовного Правления за надлежащим подписом и с приложением казенной печати Мая 13 дня 1871 года».

В этом же деле имеется еще один документ, в котором указывается, что «объявитель сего сын Потомственного Гражданина Хрисанфа Иосафова Кандинского Виктор 13 лет православного вероисповедания, уволен на свободное проживание по всей Российской Империи, по праву Почетного гражданства, дарованного высочайшей грамотой Ноября 29 дня 1834 года, за № 332, прадеду его Хрисанфу Петрову Кандинскому с потомством...».

Из этого документа видно, что прадедом В. Х. Кандинского был известный сибирский купец-миллионер Хрисанф Петрович Кандинский, в руках которого с его сыновьями была вся торговля на Нерчинских заводах и резиденция которого была в селе Бянкино, находившемся недалеко от г. Нерчинска. Документ этот был выдан В. Х. Кандинскому 13 мая 1861 года, когда ему было 13 лет, и из этого можно заключить, что В. Х. Кандинский оставил к этому времени Бянкино. Таковы крайне скудные, формальные сведения, позволяющие установить происхождение В. Х. Кандинского и основные хронологические даты, относящиеся к началу его жизненного пути.

Нам думается, что определенный интерес должны представлять также данные о «большой семье» Кандинских, которые сообщает в ряде своих произведений известный исследователь культуры Забайкалья Е. Д. Петряев.

Приводим из его книги, посвященной г. Нерчинску, подробную справку о семье, в которой родился Кандинский, в нескольких поколениях.

«Впервые фамилия Кандинских встречается в Якутске. Там в 1752 г. после «допросов и пыток» содержался в крепости якутский посадский Петр Кандинский за кражу разной церковной утвари на огромную по тому времени сумму в 235 руб. Сын этого церковного вора Хрисанф пошел по стопам отца и угодил на каторгу на Нерчинские заводы. Здесь он выбился

сначала в податное сословие, а с 1817 г. «вступил в купечество». Доподлинно было известно, что Кандинский, занимаясь торговлей, промышлял и разбоем на больших дорогах. Однако в 1834 г. он был уже купцом первой гильдии и «почетным гражданином» через пять лет получил звание коммерции советника. Редкий портрет его, в мундире с красным воротником и золотой медалью «За усердие», относящийся к 40-м годам, хранится в фондах Нерчинского музея.

Главным местом деятельности Кандинского и его шести сыновей были Нерчинские заводы. В 1820 г. семья Кандинских состояла из 34 чел., имела 70 работников и более 100 десятин пашни. Уже тогда Кандинские считались миллионерами и к 30-м годам фактически забрали в свои руки всю торговлю Забайкалья. Сыновья Кандинского были первогильдийными купцами, торговали не только в Нерчинске, но двинулись в Кяхту, Селенгинск, Иркутск и даже в Москву, породнились с самыми богатыми купцами и золотопромышленниками Сибири. В 30—50-х годах штаб-квартира Кандинских находилась в селе Бянкино, около Нерчинска.

Почти все охотники — промышленники Забайкалья отдавали Кандинским свою пушнину в уплату за ссуды, взятые по нужде. Неустойка с охотников доходила до чудовищных процентов. В результате Кандинские получали часто пушнину почти даром. В эти комбинации были втянуты не только охотники, но и чиновники. Поэтому судебные дела против Кандинских легко прекращались подкупам и взятками.

В 50-х годах сведения о ростовщичестве этой династии проникли в печать, о злоупотреблениях Кандинских писал орган революционных демократов — «Современник»... Даже генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, приехав в 1851 г. в Нерчинск, отказался принять Кандинских и был крайне недоволен, когда ему в Нерчинском Заводе отвели квартиру в их доме. По распоряжению Муравьева все бесписьменные и явно кабальные сделки Кандинских были объявлены противозаконными. В результате этого уже через 2 года после миллионных оборотов Кандинские набрали всего 62 тысячи рублей. Вскоре имущество и дома в Бянкино пошли с торгов, и звезда Кандинских закатилась. Крах Кандинских был настолько неожиданным, что многие забайкальцы этому не верили. Долго существовала легенда о том, что Кандинские все свои капиталы в виде золотого клада зарыли в окрестностях Нерчинска возле Шивкинских («Стариковых») столбов. Много раз делались там безуспешные попытки отыскать этот клад».

В каком отношении могут представлять интерес приведенные в этой справке, столь экзвизитные данные о семье Кандинских? Возникает, естественно, вопрос: как можно объяснить, что в

купеческой семье, с чертами ростовщичества и хищничества, мог сформироваться такой утонченный облик ученого и врача гуманиста с передовыми материалистическими взглядами, высоким уровнем общественной активности и со столь высокими моральными качествами человека, каким являлся В. Х. Кандинский?

В ответ на этот вопрос можно принять во внимание ряд моментов. Во-первых, Кандинский рано и надолго оторвался от своей семьи. В отроческом возрасте он переехал из Нерчинска в Москву, где окончил гимназию, университет и ряд лет работал врачом в одной из передовых московских больниц. Это были 60—70-е годы, характеризовавшиеся ростом революционных настроений и большим влиянием на молодежь революционных демократов и передовых представителей естествознания.

Во-вторых, учась в Московском университете и в первые годы по окончании его, Кандинский оказался в тяжелом материальном положении в связи с разорением его семьи, разделял трудности жизни, нужду с товарищами студентами и это сближало его с совсем другой средой, чем та, в которой он жил прежде.

В-третьих, следует учитывать особенности профессии врача, которой посвятил себя Кандинский, характерное для нее гуманное отношение к человеку и выраженные в то время демократические «народные» тенденции, которые наблюдались в тогдашней врачебной среде.

К этому следует добавить и ту «школу жизни», которую пришлось пройти Кандинскому (военная служба с участием в русско-турецкой войне, перенесенный приступ душевного заболевания), сделавшую его человеком более глубоким и серьезным и, несомненно, повлиявшую на его мировоззрение.

Необходимо также иметь в виду, что в коллизии между семейными и более широкими общественными влияниями не так уж редко побеждают последние. Мировоззрение, общественные позиции, личность в целом, могут определяться влиянием прогрессивных революционных устремлений эпохи и исторических условий, в которых живет человек. Они могут находиться в глубоком противоречии с социальным происхождением человека, а также идеалами семьи, из которой он вышел. Представляет интерес, что такие положительные социальные влияния имели место и в ранний период жизни Кандинского еще в Нерчинске.

«Факты решительно опровергают одностороннее представление о старой Сибири как о царстве невежества, кнута и каторги», — справедливо пишет Е. Д. Петряев. «Даже в «гиблых местах» Забайкалья, особенно там, где были сосредоточены

политические ссыльные,— всюду смелая и честная мысль пробивала себе дорогу к народу, несмотря на полицейские рогатки и административный произвол». Нельзя не отметить, что часть сибирского купечества того времени характеризовалась весьма прогрессивными тенденциями. Известные семьи Боткиных, Белоголовых, многие из Кандинских, Сабашниковых, Шанявских не только занимали видное место в экономической и общественной жизни Забайкалья, но и оставили след в истории русской культуры.

Вокруг каждого из этих семейств складывались своеобразные кружки, привлекавшие местную интеллигенцию. Видную роль в них играли политические ссыльные, которых здесь принимали открыто и дружественно. Так, в городе Кяхта в салоне Серафимы Савватьевны Сабашниковой (матери будущих издателей) желанными гостями были братья Бестужевы и другие декабристы. В доме этой развитой, европейски образованной женщины бывали и известные путешественники, и политические ссыльные, и видные государственные деятели. Здесь читали и обсуждали издания «Вольной русской типографии» «Полярную звезду», «Колокол». Свидетельствами современников и исследованиями Б. Г. Кубалова, Н. Я. Эйдельмана доказано, что в течение 1856—1862 гг. между А. И. Герценом и представителями сибирского общества, несмотря на расстояние около десяти тысяч километров, установилась крепкая бесперебойная связь. Герценовские издания поступали в Кяхту двумя путями: доставлялись с чайными караванами через Китай и Монголию и привозились самими сибиряками, путешествовавшими за границей. В. С. Кандинский (отец художника В. В. Кандинского) вместе с И. Н. Сабашниковым побывали в 1862 г. на Лондонской выставке и посетили А. И. Герцена, а другой сибиряк, известный врач и общественный деятель, Н. А. Белоголовый был одним из его конспиративных корреспондентов.

Что касается непосредственных отношений семьи Кандинских с находящимися в Сибири политическими ссыльными (декабристами, петрашевцами, участниками польского восстания 1831 г., революционными демократами и др.), то для правильного освещения этого вопроса необходим дифференцированный подход с изложением конкретных данных и достаточно критический их анализ.

Семья Кандинских была многочисленной. В нее входило, в интересующий нас период, несколько поколений. Детей у Хрисанфа Петровича Кандинского (главы семьи) было много. С ним в Бянкино в конце 1820-х годов жило шесть сыновей (в семье 18 душ), но были уже отделившиеся купцы 3 гильдии Матвей, Павел и Иван Кандинские и дочь Дарья — жена казачьего офицера Разгильдеева в Акше (в их семье бывал

Вильгельм Кюхельбекер). Кроме того еще два сына — Николая (москвич и нерчинскозаводец).

Так как купеческие семьи в Сибири имели обычай родниться, Кандинские были в родстве со многими знаменитыми сибирскими купцами: Лушниковыми, Басниными, Сабашниковыми и др. В силу этого, ранее сосредоточенные в Нерчинске, они оказались впоследствии территориально разбросанными в разных областях Сибири, в Москве, Петербурге и других местах.

Указанные моменты и определили то, что в описании общественно-политических настроений семьи Кандинских и их отношений с политическими ссыльными оказалось нецелесообразным ограничиться только общей суммарной их характеристикой, а возникла необходимость дополнить ее сравнительной оценкой, если так можно выразиться, политического «микроклимата» того или иного ответвления семьи Кандинских.

Какие же факты в указанном плане нам известны? Какая идейно-политическая атмосфера окружала детство В. Х. Кандинского в Нерчинский этап его жизни в Сибири?

Прежде всего важно знать: привлекались ли политические ссыльные в Сибири к воспитанию детей в семьях Кандинских?

Общие указания на этот счет имеются. Так, С. В. Максимов указывал, что «в городах, в мещанских и купеческих семействах ссыльным полякам удалось значительно предотвратить и восполнить недостаток воспитателей [в Сибири]». Тут же он добавлял, что в устройстве «учителями при детях особенно большую помощь нашли поляки у богатых купцов Кандинских».

То же утверждает Е. Д. Петряев: «Дом Кандинских — высокое здание с колоннами, был центром культурной жизни Нерчинского завода. Здесь собирались инженеры, учителя и даже политические ссыльные — поляки (негласно они состояли воспитателями детей Кандинских). В доме имелось два фортепьяно, устраивались музыкально-литературные вечера». Характеризуя этот музыкально-литературный салон, Петряев указывает, что в нем бывал и штаб-лекарь М. А. Дохтуров — приятель Байрона.

В цитируемой нами книге Е. Д. Петряева «Впереди огни» дается также интересное описание пышных новогодних праздников, устраиваемых Кандинскими: «Гвоздем» их были конские бега. А на вечерах, когда за окнами трещали забайкальские морозы, гостям преподносили живые цветы. Специально выписанные музыканты, обилие угощений, игры, танцы — все это

дополнялось чтением стихов и дружескими беседами. Среди близких знакомых хозяев были и ссыльные».

В статье «Судьба поэта», помещенной в журнале «Сибирские огни», Петряев пишет также, что в семье Х. П. Кандинского часто бывал и дружил с одним из его сыновей «забытый прогрессивный и талантливый поэт Сибири Бальдауф, связанный с декабристами, гонимый, преследуемый». Этот поэт философ-мечтатель писал в своей поэме «Мотылек».

Что наша жизнь? — Гнилая вервь

Что человек? — Ничтожный червь.

Но из него красив, легок

Небесный выйдет мотылек.

«Своему бывшему другу Кандинскому [Николаю] разбогатевшему на торговле салом и кожами, забывшему о «мотыльке», — указывает Петряев, поэт писал иначе:

Что наша жизнь? — Свеча.

Живем пока живется.

Приходит смерть, махнет косой сплеча

Огонь погас — одно лишь сало остается

Мы привели выдержку из этой интересной статьи Петряева, и напечатанные в ней отрывки из стихов сибирского поэта Бальдауфа с целью подчеркнуть нашу мысль, что в детстве, в формировании личности Виктора Хрисанфовича Кандинского торгашеским влияниям купеческой семьи противопоставлялись и, мы думаем, побеждали влияния прогрессивных людей того времени, с которыми он общался.

Заслуживает внимания и тот факт, что еще до того как образовался «салон в доме Кандинских, с самого начала прибытия в Сибирь «декабристов», они встретили радушное гостеприимство со стороны главы семьи Кандинских Хрисанфа Кандинского. Красноречиво об этом пишет уже цитированный С. В. Максимов: «На дороге ссыльные успели воспользоваться еще кое-какими знаками участия... В селе Бянкино тамошний богач (знаменитый в Сибири Кандинский) угостил их роскошно с полным радушием, и только опасения не ввести проводников (казацких офицеров) в ответственность помешали проезжим воспользоваться радушием богатых хозяев вполне».

О помощи «декабристам» со стороны Хрисанфа Кандинского пишет и А. И. Гессен в своей книге «Во глубине сибирских руд»..., указывая, что Екатерина Федоровна Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Муравьевых «два раза в месяц, а иногда и чаще, через сибирских купцов Медведева, Мамонтова, Кандинского, переправляла в Читу и Петровский Завод обозы с провиантом, различной утварью, а также с новинками науки, литературы и искусства и корреспонденцией».

Нам, однако, представляется, что прав Е. Д. Петряев, когда он предостерегает от преувеличенной оценки либеральности старика Кандинского, опровергает приписывание ему чуть ли не оппозиционного отношения к царскому правительству и утверждает, что связи с декабристами главы семейства Х. П. Кандинского были преимущественно хозяйственно-бытовыми. Он брал подряды на постройку тюрем, жертвовал кирпич, лес на казематы для декабристов, поставлял их женам лес для изб, клеймя его буквой «К».

Богатая, насыщенная роскошью и удовольствиями жизнь «салона» Кандинских, в силу участия в нем интересных, одаренных, культурных людей, в особенности из среды ссыльных, сопровождалась, как видно из приведенного описания, обменом мнений, спорами, страстным обсуждением различных, в том числе политических, вопросов. Эти встречи по-разному воспринимались «молодыми» и «старыми» Кандинскими. Для «молодых» они обеспечивали их духовный рост, обогащение культурными ценностями, расширение общего и политического кругозора. И не случайно, что сыновья Х. П. Кандинского — Николай, Хрисанф, Христофор, жившие при нерчинских заводах, были по тому времени... относительно развитыми людьми: выписывали газеты, журналы, интересовались политикой, любили музыку, стихи.

Применяя принцип дифференцированной оценки отношений различных представителей семей Кандинских с политическими ссыльными, необходимо указать на более выраженные либерально-демократические тенденции тех членов семьи Кандинских, которые проживали в Кяхте. Речь идет в первую очередь о Клавдии Христофоровне Кандинской, жене купца А. М. Лушникова, находившегося в особенно дружественных отношениях с декабристами братьями Бестужевыми. Тетка В. Х. Кандинского — К. Х. Лушникова, по словам ее зятя, сосланного в Кяхту народовольца И. И. Попова, была «наиболее выдающейся среди кяхтинок... отдавшая немало сил и средств на просвещение... Она была передовая женщина, в школах вывела систему наказаний, устраивала беседы, праздники, интересовалась общественными вопросами...». Как и уже упоминавшаяся С. С. Сабашникова, тоже проживавшая в Кяхте, К. Х. Лушникова получала недозволенную политическую

литературу, регулярно читала вместе со своими родными и близкими доставляемые ей через Китай издания Герцена.

Ее дочь Вера Алексеевна Попова, двоюродная сестра В. Х. Кандинского, проживая в Петербурге, была тесно связана с народовольцами, находилась в близких отношениях с В. Н. Фигнер и, будучи одно время за границей, общалась с П. Лавровым.

Приведенные данные об отдельных представителях «большой» семьи Кандинских, характеризующие их общественно-политический и социально-культурный облик, представляли бы значительно большую ценность для составления научной биографии В. Х. Кандинского, если бы мы располагали сведениями о его связях и отношениях внутри этой «большой» семьи. Мы могли бы установить тогда, кто из родных В. Х. Кандинского и какую роль сыграл в его детском воспитании и пользовался значительным влиянием на него. Мы могли бы узнать, что определило те или иные его интересы и настроения, помогло в формировании взглядов и убеждений еще в детские годы. Особенно важно было бы иметь сведения, чем отличалась в общественном и культурном отношении та более узкая семья, к которой он непосредственно принадлежал и которая являлась его микросоциальной средой. К сожалению, о родителях В. Х. Кандинского, кроме их фамилий, имен и отчеств, мы ничего не знаем. По-видимому, они не так выделялись, как многие другие члены «большого» семейства Кандинских. Но как ни важна микросоциальная среда в формировании личности человека, особенно если учитывать, что широкие социальные влияния на человека тоже проходят и преломляются через эту среду, — нельзя недооценивать силу и самостоятельное значение широких общественных воздействий на личность человека вне семейных отношений. Будучи осторожным и учитывая опасность подмены произвольными субъективными суждениями и чрезмерного домысливания объективной достоверности, можно все-таки на основании всего вышеизложенного, прийти к некоторым, нам думается, определенным выводам. Первый из них состоит в том, что условия детства В. Х. Кандинского способствовали его духовному росту, реализации общей одаренности и специальных способностей, созданию тех культурных предпосылок, которые являлись важными моментами в дальнейшем получении хорошего образования и формирования выдающегося ученого психиатра.

Второй вывод заключается в предположении о том, что в детстве под влиянием семейных традиций заложены некоторые особенности личности В. Х. Кандинского, в последующем получившие развитие и определившие такие черты характера, как целеустремленность, порядочность, принципиальность.

И, наконец, третий вывод состоит в том, что естественно-научные материалистические воззрения и либерально-демократические взгляды В. Х. Кандинского явились не следствием идеологического сдвига, перестройки его личности, а имели некоторые основы, благодатную почву в условиях его детского развития.

В начале 60-х годов кончаются детские годы В. Х. Кандинского. Начинается отрочество, когда становятся актуальными вопросы образования, выбора профессии. В 186,3 году Кандинский определяется в четвертый класс 3-й Московской гимназии, расположенной в центре Москвы на Лубянке. Высокий уровень знаний, необходимый для поступления в Московскую гимназию, который, вряд ли, мог получить подросток Кандинский в сельской школе, является косвенным подтверждением предположения о том, что его учителями и воспитателями были ссыльные поляки, как это было принято в богатых купеческих семьях Сибири. Отныне Москва становится на многие годы его родным городом.

В отличие от 1-й и 2-й Московских гимназий в 3-й гимназии пансиона не было, так что подростку Кандинскому пришлось жить на частной квартире. Известно также, что к переезду Кандинского в 1863 году в Москву, в ней жили его родные братья Иван и Николай, занимавшиеся торговой деятельностью, много других родственников и близких им людей. Братья эти были значительно старше и имели уже свои семьи. Более поздние данные о Кандинском указывают, что он был ближе к семье своего брата Николая, который, женившись в Кяхте на Марфе Никитишне Сабашниковой, переехал в Москву в 50-х годах. Оба они были добрые и отзывчивые люди. Но следует учесть, что брат Николай был тяжело больной человек, слепой и умер в год переезда Кандинского в Москву. Об отношениях же его с братом Иваном мы никакими достоверными данными не располагаем.

Как бы то ни было, все же известно, что он не был одинок, так как в Москве жила близкая родня, и за ним в годы переходного возраста был тот или иной присмотр.

Если мы не располагаем конкретными и достоверными данными о жизни и быте Кандинского-гимназиста, то о гимназии, в которой он учился, характере преподавания, составе учителей и учащихся, о том общем духе, который в ней царил и, наконец, каковы были успехи самого Кандинского — обо всем этом имеются убедительные и разнообразные сведения. В сводном виде наиболее полно они представлены в книге преподавателя 3-й Московской гимназии П. А. Виноградова, выпущенной к 50-летию ее существования в 1889 году. Книга эта состоит из 5 глав: 1) учебные планы; 2) материальные средства гимназии;

3) внутренняя жизнь гимназии; 4) преподавание и преподаватели и 5) воспитанники гимназии.

Кроме биографий директоров, инспекторов и преподавателей, указаны и все их ученые и литературные труды; в списке учеников, окончивших курс учения в 3-й гимназии, отмечена их последующая профессия.

Раньше чем изложить конкретные данные о 3-й Московской гимназии, в которой учился Кандинский, следует кратко остановиться на общей политической характеристике общественной жизни России того времени. Это был период в истории, который вошел в нее со столь значимым в связи с революционным подъемом определением «шестидесятые годы». «Падение крепостного права, - писал В. И. Ленин, характеризуя 60-е годы, — вызвало появление разночинца, как вообще главного массового деятеля и освободительного движения и демократической бесцензурной печати в частности». На историческую сцену выходили новые люди — революционные демократы.

Их героической, подвижнической деятельности наша страна была обязана стремительным развитием демократической культуры. «Никогда еще думы, чаяния народа, его любовь и ненависть, его тоска по свободной жизни, пишется в книге «Русские повести XIX века», — не находили в литературе такого разностороннего и полного выражения».

Отблеск народных восстаний, бушевавших в России после цинически лживой «крестьянской реформы», придал особый колорит образам произведений Некрасова и Чернышевского, живописи передвижников, музыке «могучей кучки». Такова была идейно-политическая атмосфера, когда в 1863 году Кандинский, принадлежавший к поколению «людей 60-х годов», переехал в Москву, расставшись с селом Бянкино.

Москва в этот период переживала свое «обновление», вызванное послереформенными сдвигами в ее бурном торгово-промышленном развитии.

Бывший воспитанник юридического факультета, друг Л. Н. Толстого, Н. В. Давыдов, отсутствовавший в Москве с 1860 по 1865 год, так описывает происшедшие в ней перемены за это время. «Москва по истечении пяти лет, которые я провел вне ее, показалась мне неузнаваемой, так изменился общий ее вид, принявший почти что европейское обличье. Уже одно то, что подъезжать к Москве пришлось по железной дороге... производило сильное впечатление. Да и сама Москва преобразилась и обновилась в значительной степени. В ней, казалось, произошел за эти пять лет крутой перелом; во всем

чувствовалось что-то новое... Как в человеческом лице при неизменившихся чертах, даже без признаков постарения, появляется иногда новое выражение, совершенно меняющее характер физиономии,— выражение, зависящее от происшедшей внутренней духовной перемены, так в данном случае что-то неуловимое изменило общий вид Москвы, отняв у нее свойственные ей прежде характерные черты неподвижного захолустья, столицы сонного царства».

Мы не будем цитировать дальше подробные описания этого автора, подтверждающие перемены в быте Москвы в те годы: в одежде москвичей, во внешнем виде улиц и магазинов, в характере театров и увеселений и т. д. Приведем только его слова, относящиеся к средним учебным заведениям, которые ярко иллюстрируют также наблюдающиеся в них перемены: «Мужские гимназии реформировались: напоминавшая полицейский мундир гимназическая форма, с красным стоячим воротником, заменилась более скромной и соответствующей ученикам. Вводились и быстро прививались, значительно влияя на демократизацию Московского общества, женские гимназии. Закрывались прежние дворянского характера пансионы, но нарождались средние и высшие учебные заведения нового типа».

Само поступление подростка Кандинского, выходца из купеческого сословия далекой Сибири, в одну из лучших Московских мужских гимназий в известной мере отражало указанные нами выше изменения в общественной жизни России в 60-х годах прошлого столетия.

3-я Московская гимназия к тому времени, когда в нее поступил учиться Кандинский, насчитывала почти 25-летний срок своего существования.

В высочайшем указе, данном правительствующему сенату 29 марта 1839 года, сказано, что 3-я гимназия учреждается «как вообще для удовлетворения усиливающейся потребности в образовании юношества, так в особенности для преподавания в Москве, в сем центральном пункте внутренней промышленности, технического курса науки».

В период, который совпадает с поступлением и учением Кандинского в 3-й Московской гимназии, высочайшим уставом 19 ноября 1864 года утверждены реальные училища, которые должны были готовить юношей в высшие учебные заведения: политехнические, инженерно-строительные, агрономические, технологические и т. д. Между тем классическим гимназиям предоставлялось право готовить молодых людей к университету.

Высшая математика, механика, коммерческие науки не входили

в состав учебного курса этих гимназий. Центральным для них было преподавание гуманитарных наук, истории, географии, русского и иностранных языков. В 3-й гимназии к моменту поступления в нее Кандинского было два курса:

общеобразовательный и специальный (или реальный).

Кандинского зачислили, мы полагаем, не без его пожелания, на общеобразовательное отделение. Постановлением Совета Министров от 6 марта 1865 г. 3-я гимназия должна была быть преобразована в реальную гимназию, однако это не было проведено в жизнь. Общеобразовательный курс оказался более живучим, более сильным, чем специальный. Он пережил все видоизменения школы: с самого начала располагая несравненно большим числом учащихся, ежегодно давал выпуски, тогда как зачастую с реального отделения не кончал курс никто.

Получалось выраженное несоответствие между директивными указаниями в отношении построения учебного курса гимназии и его фактической организации. Это положение получило отклик в специальной статье, помещенной в 1867 году в журнале Министерства народного просвещения, в которой указывалось на бесперспективность существования 3-й гимназии как реальной (малочисленность учащихся, непопулярность среди родителей, трудности устройства по окончании в высшее учебное заведение соответствующего профиля). В связи с этой статьей в 1868 году 3-я гимназия была и формально определена как классическая гимназия. Несмотря на все эти неувязки, Кандинский учился в 3-й гимназии все годы и окончил ее общеобразовательное (типа классической гимназии) отделение.

Во время учебы Кандинского в 3-й Московской гимназии можно отметить в развитии средней школы два периода. Первый, начальный, с 1863 по 1866 год, который характеризовался с общественно-политической стороны как либеральный, с выраженными демократическими тенденциями. Второй, охватывающий 1866—1867 годы, правильней всего определить как реакционный, с резко усилившимися бюрократическими мероприятиями и брутальным насаждением в школе монархически-религиозного духа. Автор упоминаемого нами очерка о 3-й гимназии П. А. Виноградов, которого отнюдь нельзя относить к революционно настроенным педагогам, а правильней определить как либерала с известной долей верноподданнических чувств, в общем все же правильно характеризует эти два периода жизни средней школы в указанное время.

О первом периоде он пишет как о времени в истории русской школы, когда прежнее равнодушие к школьному делу сменилось всеобщим вниманием к его вопросам, и мертвенный застой был нарушен проникновением самых разнообразных теорий воспитания. Этот новый дух нашел себе сочувственное отношение и в печати и в обществе. «Газеты наперерыв

выставляли напоказ темные стороны прежнего времени; журналы переполнены были статьями, в которых самыми разнообразными способами решали вопросы о лучшей постановке школьного дела; общество жило радужными мечтами о наступлении золотого века в жизни школы».

Давление революционно-демократических устремлений было настолько велико, что царское правительство было вынуждено пойти на ряд либеральных актов в жизни средней школы. В этом отношении показателен циркуляр попечителя Московского учебного округа от 30 марта 1865 года, в котором рекомендуется мягкое, ласковое обхождение с учащимися, строго воспрещается грубая форма обращения «на ты».

Этому либерально-демократическому духу, повеявшему в средней, школе в пореформенное время, в 3-й Московской гимназии был обеспечен попутный ветер благодаря ее руководству и частично преподавательскому составу. Почти весь период учебы Кандинского в 3-й Московской гимназии ее директором являлся Василий Павлович Гривцов.

«Мягкий деликатный характер, пишется в цитируемой нами книге, как нельзя более соответствовал духу того времени, а его педагогический такт, его умение действовать на окружающих словом убеждения не давали в гимназии места проявлениям небрежности и распушенности... И еще одна характерная черта — бедняки были особым предметом его забот».

В. П. Гривцову гимназия была обязана рядом прогрессивных начинаний. К ним, например, относится введение им с 1864 года «Педагогических бесед», когда на педагогическом совете ставились сообщения преподавателей на различные педагогические темы и затем велась по ним широкая дискуссия. Гривцов отменил обязательное посещение учащимися уроков в 7 классе, установив контроль над их работой при помощи периодических консультаций педагогов. Была проведена педагогически продуманная реорганизация системы экзаменов. К ценным мероприятиям относится создание в гимназии специально для учащихся школьной библиотеки, которая отличалась богатством и разнообразием литературы.

Сам Гривцов, кроме выполнения обязанностей директора гимназии, преподавал историю и географию. Как о педагоге в очерке о 3-й Московской гимназии П. А. Виноградова дана следующая характеристика Гривцова: «Как преподаватель истории он далеко превосходил других своих собратий. Не ограничиваясь передачей учащимся содержащегося в учебниках (тогда весьма плохих), он умел увлечь своих слушателей прекрасным изложением исторических судеб народов. Воспитанник классической школы... он не только передавал

исторические факты, но старался... истолковать им причины, обуславливавшие то или другое событие, и тем приохотить слушателей к разумному изучению истории».

Представляет интерес то, что именно по истории и географии, т. е. по предметам, по которым преподавал Гривцов, Кандинский в аттестате получил отметки — «отлично». Однако этот либерально-демократический дух гимназии, создававший для учеников благоприятную моральную обстановку, все же омрачился в связи с началом второго периода в жизни средней школы, характеризовавшегося новым наступлением реакции.

Вследствие Высочайшего рескрипта 13 мая 1866 года Министр народного просвещения предписал попечителям учебных округов принять все меры «для поддержания власти и уважения к закону, для охранения коренных основ веры, нравственности и порядка». Мы не располагаем сведениями, удавалось ли в какой-то мере руководству 3-й Московской гимназии смягчить «неусыпный надзор за поведением учащихся и постоянное строгое наблюдение за преподаванием», которых требовали вновь усилившиеся реакционные веяния. Но один небольшой факт позволяет нам все же усомниться в том, что в 3-й Московской гимназии обошлось без коллизий в то мрачное время, которое совпало с последним годом учебы в ней Кандинского.

Речь идет о назначении в 1867 году Министерством «для наблюдения за преподаванием» профессора Московского университета П. М. Леонтьева, фигуры крайне одиозной, «правой руки» известного реакционера, редактора газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова.

Материально-хозяйственные условия 3-й Московской гимназии, ее оборудование и техническая оснащенность были на весьма высоком уровне. Она помещалась, как мы уже указывали в центре Москвы, на Лубянке, в собственном здании, с классами в светлых больших комнатах с лепными потолками.

Не только красивым зданием, но и ценным оборудованием располагала 3-я Московская гимназия. Она была оснащена прекрасными вспомогательными учебными комнатами.

Особенно выделялся физический кабинет, организованный талантливым педагогом — преподавателем физики К. Р. Брошевским.

В состав учителей гимназии входило много магистров наук, в последующем перешедших на научную и педагогическую работу в Московский университет.

Среди преподавателей были авторы научных трудов и учебников для средней школы, получивших всеобщее признание.

Профессора Московского университета, которых, как правило, попечитель Московского учебного округа назначал в состав экзаменационных комиссий гимназии, весьма положительно отзывались о постановке в ней преподавания, учебных планах и проведении экзаменов.

В 1865 году профессор Московского университета И. А. Крылов, проверяя экзаменационные оценки гимназии, находил их даже слишком строгими.

Выше указывалось, что, несмотря на неоднократные формальные перемены основной направленности 3-й Московской гимназии, она принадлежала к числу позже получивших название «классических». Назначение этих гимназий — преимущественно гуманитарное образование и подготовка молодых людей к поступлению в Университет. Нельзя не указать, что во время учебы Кандинского в 3-й Московской гимназии, последняя не приобрела еще черт тех оторванных от жизни классических гимназий с обилием учебных часов по греческому и латинскому языкам, какими они стали позже. Учебный план 3-й Московской гимназии не включал преподавание греческого языка. Латинскому языку было отведено в нем умеренное число часов. Изучению новых (немецкого и французского) языков уделялось большое внимание. В учебный план входило преподавание математики, физики, химии, русской словесности, истории, естественной истории и географии.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что 3-я Московская гимназия готовила широко образованных людей. Есть основание также утверждать, что высокая эрудированность, характеризовавшая Кандинского в период его самостоятельной творческой жизни, имела своей первоосновой образование, полученное им в 3-й гимназии.

В Московском центральном государственном архиве мы обнаружили аттестат В. Х. Кандинского, полученный им при окончании гимназии и дававший ему право поступать в Московский университет без проведения вступительных испытаний. Из него видно, что Кандинский имел по всем предметам хорошие и отличные отметки, последние — по истории, географии и русскому языку. При всей условности экзаменационных оценок все же можно утверждать, что «отлично» он получил по предметам, требующим широкого кругозора и самостоятельного мышления.

Представляет интерес список учащихся, окончивших 3-ю Московскую гимназию одновременно с Кандинским. Выпуск в

1867 году имел в своем составе 22 человека. Из них профессия, какую они выбирали по окончании гимназии, указана у 17. Кандинский выбрал профессию врача. Один абитуриент стал учителем, двое посвятили свою жизнь естественным наукам. Но что удивительно, большинство соучеников Кандинского — 13 из 17 — стали юристами. Большое значение, мы полагаем, в таком преобладании юристов имела популярная в то время демократическая судебная реформа.

Обобщая данные раздела, посвященного анализу пребывания Кандинского в гимназии, мы можем отметить, что она дала ему хорошее общее образование, солидную подготовку, главным образом в гуманитарных дисциплинах, знание двух языков — немецкого и французского, ориентировку в общих и принципиальных вопросах естествознания. Она привила ему любовь к учению, воспитала уважение к человеку и укрепила демократическую настроенность.

Нам кажется, имеются все основания в гимназическом образовании Кандинского видеть определенные истоки его последующих интересов к психологии, физиологии, философии и психиатрии.

Глава третья. В. Х. КАНДИНСКИЙ; СТУДЕНТ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

Медицинский факультет Московского университета в годы учения в нем Кандинского (1867—1872 гг.). Студент-разночинец как центральная фигура студенчества. Борьба реакционной и прогрессивной профессуры. Постановка преподавания и характеристика преподавательского состава. Влияние на мировоззрение В. Х. Кандинского профессоров-материалистов А. П. Богданова и А. И. Бабухина Г. А. Захарьин и А. Я. Кожевников — учителя В. Х. Кандинского. Отражение их клинических концепций в последующей врачебной деятельности В. Х. Кандинского. Студенческое революционное движение. Полуинское дело.

Итак, завершился гимназический период жизни Кандинского.

В 1867 году он поступает в Московский университет на медицинский факультет. Начинается пора подготовки к выбранной им профессиональной деятельности врача. Что побудило его выбрать эту гуманную профессию служения человеку? Из приведенных данных о школьных товарищах видно, что Кандинский был одинок в этом своем выборе. Только он вступил на столь трудную стезю врачебной деятельности, но одновременно дающую большое удовлетворение. Значит не пример товарищей, как это часто бывает, повлиял на него в

выборе основного жизненного пути.

Не было это и семейной традицией. Мы уже характеризовали большую семью Кандинских, как крупных купцов Сибири, занимающихся торговой деятельностью, да и роднились они большей частью с такими же видными сибирскими купцами, оставаясь в кругу купеческой среды. Правда, ближе к нашей современности, молодые поколения Кандинских отрывались от этой среды и посвящали свою жизнь различным творческим профессиям. Но опять-таки среди потомков Кандинских нам известны главным образом представители различных видов искусства, особенно художники.

Из врачей Кандинских можно указать только на Ивана Ивановича Кандинского, племянника В. Х. Кандинского, сына его брата Ивана, проживавшего в Москве. Но последний стал значительно позднее врачом и потому не мог служить примером.

Исходя из всех данных, которыми мы располагаем, в частности из особенностей личности Кандинского, можно высказать предположение, что выбор им медицинского факультета Московского университета, посвящение своей жизни профессии врача не зависели от какой-либо одной и вдобавок внешней или случайной причины. Все, что делал Кандинский, характеризовалось удивительной целенаправленностью, чрезвычайной продуманностью и исключительной самостоятельностью. Выбор им дальнейшего жизненного пути в области медицины был обусловлен, мы полагаем, именно этими его качествами.

О жизни Кандинского в период его учебы в Московском университете есть ряд сведений. В Московском государственном архиве нами было найдено его личное дело, но, к сожалению, по сравнению с личными делами других студентов более бедное. В нем содержались прошение о приеме на медицинский факультет Университета, метрическое свидетельство о рождении, справка о разрешении проживания в любых местах России, как принадлежащего к семье, имеющей почетное гражданство и аттестат об окончании 3-й Московской гимназии, дающий ему право поступления в Университет без предварительных испытаний. Кроме личного дела Кандинского в Московском центральном государственном архиве нам удалось также обнаружить еще несколько документов, характеризующих его как студента.

Но о самом Университете того времени, когда в нем учился Кандинский, имеется богатый литературный и архивный материал, позволяющий судить о господствующей идейно-политической атмосфере, общественном лице и квалификации

его профессорского состава, о жизни, настроениях студенчества и общественно-политических его выступлениях. Ознакомление с жизнью Университета оказалось весьма полезным для лучшего понимания студенческого этапа биографии Кандинского.

Располагая более полными данными о жизни и творчестве Кандинского в последующее время, когда он стал на путь самостоятельной жизни, а также имея возможность по историческим исследованиям с общественной и академической жизнью Московского университета в период его учебы, а главное, сопоставляя эти данные, мы получили возможность понять период его студенчества и значение в формировании Кандинского как ученого, врача и общественного деятеля.

Можно думать, что, переступая порог Московского университета, начиная жизнь студента, Кандинский, как и многие его сверстники, испытывал радостные чувства и большие ожидания.

Сравнительно небольшое время прошло с того дня, когда Московский университет отпраздновал в 1855 году славный столетний юбилей своего существования. Сколько выдающихся представителей науки, передовых общественно-политических деятелей и революционеров, любимых народом писателей получили свое образование и воспитание в стенах Московского университета. Среди них была значительная часть декабристов, к которым после их ссылки в Сибирь проявляли в семье Кандинских, как мы уже об этом упоминали, дружеское расположение. Воспитанником Московского университета был и А. И. Герцен, связи и общение с которым поддерживали прогрессивные люди Сибири, в том числе представители семьи Кандинских.

И хотя Кандинский прожил в Сибири только свое детство и начальные годы отрочества, он не мог не испытывать, как уже отмечалось, благотворного влияния, которое оказывали на близких и родных ему людей ссыльные революционеры, не мог не вспомнить об этом и поступив учиться в Университет.

Что же собой представлял Московский университет в 1867—1872 гг., когда в нем учился Кандинский?

После крестьянской реформы 1861 года дворянский состав учащихся в нем студентов сменился в значительной своей части. Центральной фигурой стал студент «разночинец». Хорошо характеризует этот новый общественный слой С. Я. Елпатьевский. «Разночинец — это дворянин, ушедший из своего дворянства, поповский сын, не пожелавший надеть стихарь и рясу; купец, бросивший свой прилавок; «мужик», ушедший от

сохи и приобщившийся к образованию; генеральский сын, чиновничий сын».

Таким образом, понятие «разночинность» прежде всего указывает на пестроту и разнородность по происхождению того социального слоя, который вышел на арену общественно-политической деятельности после отмены крепостного права и который, вместо привилегированной дворянской касты, стал преобладать в высших учебных заведениях России. В своей работе, посвященной московскому студенчеству и его роли в общественно-политической жизни России второй половины XIX века, П. С. Ткаченко дает яркую характеристику трудной жизни студента-разночинца того времени. «Разночинцы тянулись к науке, к культуре, пишет он. Желая получить образование, талантливые юноши устремлялись в столицы: Петербург и Москву. Они учились на гроши, массаги гибли от нищеты и политического произвола... Свидетельства современников полны примерами, поистине бедственного положения московского студенчества... Чтобы внести плату (за нравоучение), многие студенты продавали все, что имели, даже книги и платье... Все это свидетельствовало о значительной демократизации студенчества Московского университета в начале 60-х годов. Несмотря на бедность, лишения и полицейские преследования, — заключает автор, — лучшая часть студенчества стремилась посвятить себя науке и борьбе во имя народа. Близкие к народу, смелые и настойчивые, с дерзкими мечтами, разночинцы вступали в борьбу с полицейским произволом царской России, против казенного университетского режима.

Такова была студенческая среда, в которой жил Кандинский в 1867 году, поступив в Московский университет.

Он сам принадлежал к армии разночинцев и разделял ее бедственное материальное положение. Как свидетельствует в своем некрологе на смерть Кандинского А. Роте, Кандинский в связи с внезапным разорением его семьи испытывал сильную нужду. «Он боролся с жизненными заботами и трудностями, которые он побеждал мужественно и с выдержкой».

Мы не располагаем конкретными сведениями о быте Кандинского в период учебы в Университете и потому позволим себе привести несколько ярких зарисовок жизни студентов того времени, чтобы этим по возможности приблизиться к его жизни.

Красочно описан быт студентов того времени у автора известных очерков «Москва и москвичи» В. Гиляровского. «Студенты, писал он, в основной своей части, еще с шестидесятых годов, состояли из провинциальной бедноты из разночинцев, не имевших ничего общего с обывателями, и ютились в «Латинском квартале» между двумя Бронными и Палашевским переулком,

где немощенные улицы были заполнены деревянными стройками с мелкими квартирами. Кроме того, два больших заброшенных барских дома дворян Чебышевых с флигелями, на Козихе и на Большой Бронной почти сплошь были заняты студентами...».

В студенческом обиходе, указывает Гиляровский, эти дома носили название «Чебышевская крепость», или «Чебыши». «В каждой комнатухе студенческих квартир «Латинского квартала» жило обыкновенно четверо студентов. Четыре убогие кровати, они же стулья, столики для книг. В семидесятых годах формы у студентов еще не было, но все-таки они соблюдали моду и студента всегда можно было узнать и по манерам и по костюму. Большинство, из самых радикальных, были одеты по моде шестидесятых годов: обязательно длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широкими полями и иногда — верх щегольства — плед и очки, что придавало юношам ученый вид и серьезность...». Примерно таким же образом описывает внешний вид студентов, уже цитированный нами автор книги «Из прошлого» Н. В. Давыдов: «Студенты, уже без формы, в статском, разгуливали по бульварам с такими длинными волосами, что любой дьякон мог им позавидовать; рядом с косматыми студентами появились — это было уже совершенной новостью, — стриженные девицы в синих очках и коротких платьях темного цвета». Тот же автор пишет о том, где преимущественно питались студенты: «Тогдашнее студенчество всего более посещало «Русский трактир»..., помещавшийся на Моховой, близ Университета. В дообеденные часы ежедневно можно было застать в этом трактире компанию студентов, играющих на биллиарде и тут же закусывающих».

Мы не знаем, жил ли Кандинский в «Латинском квартале» и именно в «Чебышах». Возможно он носил не длинные волосы, а стригся коротко и не надевал шляп с «широкими полями» и даже питался не в «Русском трактире». Но в одном мы твердо убеждены, что его студенческая жизнь не была жизнью богатого купеческого сына или обеспеченного дворянина, а жизнью студента-разночинца со всеми ее трудностями и это определяло его демократические настроения, которые нам известны на основе изучения его жизни по окончании Университета.

Касаясь учебы Кандинского в 3-й Московской гимназии, был отмечен тот факт, что, начиная со второй половины 60-х годов, в средней школе отчетливо выявились усиление реакции, жесткое пресечение всяких либеральных начинаний в преподавании. Мы также писали, что либеральные традиции в этой гимназии, поддерживаемые ее директором П. В. Гривцовым и большей частью учителей, не давали учащимся, в том числе и Кандинскому, сильно чувствовать новые реакционные веяния и

реакционной политику в средней школе. Но реакция подняла голову и обрушилась со всей силой на прогрессивные тенденции в обучении и просвещении не только в средней школе, но и в высших учебных заведениях, да и во всех областях культурной жизни.

Наступление реакции захватило и Московский университет, причем особенно это проявилось как раз в 1867 году, в год поступления туда Кандинского.

Приведем красноречивый документ, иллюстрирующий это положение. Речь идет о письме известного историка В. О. Ключевского 9 февраля 1867 года своему другу по совместной учебе в Пензенской семинарии П. П. Гвоздеву. «Пишу со стесненным сердцем, с тяжестью на душе, какую я испытывал только в самые тяжелые минуты жизни. Перенесись мыслью в наш университет, припомни кое-что из говоренного мною тебе и внемли. Сол., Чич, Дмитр., Кап., Рачин. и Бабе, подают в отставку, и... и... одобрение этих гадостей министром. Во главе этого гадкого большинства стоят ректор, Леонтьев, Юркевич и Любимов: это самые крупные подлецы. Затем о значении этого события суди на следующих основаниях: большинство выходящих принадлежат юрид. факультету, и после них смотри кто остается на этом и без того бедном профессорами факультете старейшего русского университета: дура-ректор, совершенно тупой Никольский..., меньше чем недалекий Беляев, да ни рыба, ни мясо Мильгаузен... Проф. ботаники Рач.— также один из самых любимых студентами. Я не передаю тебе подробностей: тяжело написать и то, что ты читаешь теперь на этом листке... Дело, вероятно, получит еще развитие... Старейший русский университет уподобляется оборванной вдове, лишаясь лучших людей, державших светоч мысли науки; обращаясь к остающимся дымным-ночникам, ты прибавишь: уподобился ободранной и блудной воровнице».

Это эмоциональное письмо Ключевского отражало только один из репрессивных актов в отношении передовой профессуры университета.

Выстрел бывшего студента Московского университета Каракозова в Александра II явился сигналом для развертывания решительного наступления реакции на университеты под лозунгом: изгнать из них крамолу, превратить в послушных проводников реакционной правительственной политики. Министр — народного просвещения А. В. Головнин, слабый человек, склонный к либерализму, заменяется графом Д. А. Толстым, который, не брезгуя никакими средствами, был способен «железной рукой» навести в университетах «порядок». В действующий к тому времени Устав Университета 1863 года, в котором правительство после студенческих волнений 1861 года

вынуждено было пойти на некоторые уступки, циркулярами Министерства вносились поправки, вытравляющие немногие либеральные элементы этого Устава. Так, например, «Правилами» от 26 мая 1867 г. Совет университета обязан был сообщать полиции о «неблагонадежных» студентах. Планировался самый тесный контакт руководящих органов университета с полицией и жандармерией. Для этого было необходимо, чтобы профессорами и преподавателями Университета стали не свободомыслящие, успешно развивающие науку ученые, а «исполнительные и натасканные в научном жаргоне чиновники», проводящие политику правительства.

Вот что правдиво писал об этой мрачной полосе жизни Московского университета сам попавший под удар упоминавшийся нами профессор Б. Н. Чичерин, крупный ученый-историк, отнюдь не либерал, но с характером независимым и смелым и потому власть имущим неугодный. «Правительство,— говорит он в своих воспоминаниях,— сыпало на университеты удар за ударом, поддерживая в них пошлость и невежество, отдавая университеты на жертву низменным интересам и гнусным интригам... Настало владычество старых, погрязших в рутине прежнего порядка. Большинство сомкнувшееся вокруг «Московских ведомостей» было упоено успехами своего патрона... приобретало ему все больше и больше приверженцев... Больно было присутствовать при падении университета, и противно было дышать этим смрадом».

Но не только крайне реакционная, мрачная идейно-политическая и морально угнетающая атмосфера характеризовала Московский университет в первые годы учебы в нем Кандинского. Не суждено также в полной мере сбыться мечтам и надеждам юноши постигнуть сложные медицинские знания из уст самых передовых ученых, «столпов науки».

К сожалению, состав профессоров в конце 60-х годов на медицинском факультете был не только по своей идейно-политической характеристике преимущественно реакционным, но и по своей квалификации частично неудовлетворительным. Касаясь именно этих последних шестидесятих годов прошлого столетия, В. И. Орлов писал: «Московский университет оказался обойденным в области естественных наук по сравнению с Петербургом, который блистал именами... Уступал Московский университет и Новороссийскому...».

Об известной отсталости преподавания на медицинском факультете Московского университета можно судить по воспоминаниям П. Ф. Филатова, который учился там в те же годы, что и Кандинский.

Хотя мемуары не всегда являются надежным источником

исторических исследований, но сравнение их со сведениями других авторов, позволяет прийти к заключению, что приводимые Филатовым живые, образные описания профессоров и преподавателей во многих случаях правильны и убедительны. Мы не имеем возможности широко цитировать рассказ Филатова о том, как тогда читались лекции, проводились практические занятия и экзамены по разным предметам. Укажем только, что он нарисовал убийственные портреты и вскрыл убожество преподавания ряда «именитых» тогдашних профессоров, к сожалению, по некоторым основным предметам.

В воспоминаниях Филатова фигурируют профессора, зачитывающие лекции по тетрадкам с весьма устаревшим и одинаковым из года в год текстом, примеры чудачества и самодурства профессоров на экзаменах, недопустимая в санитарном отношении обстановка на практических занятиях по препарированию на кафедре анатомии трупов и в хирургической клинике, «допотопное» оборудование некоторых теоретических кафедр. Он приводит также случаи недопустимого, негуманного и даже жестокого обращения некоторых профессоров с больными.

Вряд ли стоит приводить имена таких заскорузлых, переживших себя педагогов и названия кафедр, которыми они заведовали.

Такова мрачная картина преподавания на медицинском факультете, нарисованная одним из современников Кандинского, поступившего в Университет почти одновременно с ним. Здесь нужны все-таки некоторые оговорки. Следует учитывать, во-первых, выраженную текучесть профессорского состава.

В течение пяти лет, когда учился Кандинский в университете (1867—1872 годы) произошли значительные изменения в составе профессоров. 70-е годы характеризовались значительным обновлением Университета за счет молодой профессуры, побывавшей за границей в лучших клиниках и лабораториях и внесших новую живую струю в преподавание. И Кандинский смог частично воспользоваться в конце своего пребывания в Университете плодами таких счастливых перемен.

Во-вторых, в нарисованной Филатовым несколько избыточно мрачной картине были, как и он сам отмечал, светлые места. В частности, на младших курсах преподавали выдающиеся ученые, вошедшие в историю отечественной медицинской науки. Эти профессора, как и пришедшие позже молодые творческие силы, вдохновляли студенчество, расширяли его общий и медицинский кругозор, прививали передовые медицинские знания. Мы увидим дальше, что именно они определили медицинское мировоззрение Кандинского и

дальнейшие пути его на медицинском поприще.

Здесь прежде всего следует назвать выдающегося ученого и общественного деятеля Анатолия Петровича Богданова, ведавшего кафедрой зоологии. Старейшему зоологу, «первому дарвинисту» в России А. П. Богданову принадлежат также заслуги в создании отечественной антропологии. Он воспитал целую плеяду видных ученых зоологов и антропологов (Д. Н. Анучин, В. М. Шимкевич, М. А. Мензибир и др.). С его именем связано развитие первых антропологических учреждений в России. Он был непримирим в отстаивании позиций материализма в естествознании и выступал с критикой теории расизма. По инициативе А. П. Богданова в 1865 году создано Общество любителей естествознания, антропологии, этнографии и организованы выставки: этнографическая (1867), политехническая (1872), антропологическая (1873). А. П. Богдановым были заложены основы политехнического музея. Он много сделал в области популяризации естественнонаучных знаний.

Из профессоров, у которых учился Кандинский в первые годы своего пребывания в Университете, надо также назвать основоположника московской школы гистофизиологов и бактериологов Александра Ивановича Бабухина. Убежденный материалист, он пропагандировал экспериментальный метод изучения явлений природы, признавал неограниченные возможности ее познания человеком. Его богатые по содержанию и блестящие по форме лекции привлекали не только медиков, но и студентов других факультетов. Он оказал огромное влияние на видных морфологов и выдающихся клиницистов того времени. Это о нем писал Г. А. Захарьин: «Бабухин — это талант, сила, свет, красота».

Важно выяснить, как повлияли на Кандинского эти выдающиеся ученые, его педагоги.

Влияние на Кандинского А. П. Богданова и А. И. Бабухина, двух замечательных его учителей на первых курсах медицинского факультета Московского университета, в период, когда закладывается теоретический фундамент специальных врачебных знаний, можно отчетливо проследить в его дальнейшей научной и практической деятельности в области психиатрии.

Забегая несколько вперед, укажем, что Кандинский черпал опору для своих материалистических взглядов, с одной стороны, в учении Ч. Дарвина с его историческим подходом к развитию органического мира, а с другой стороны, он опирался главным образом на данные физиологии человека, на изучение

физиологических основ психической деятельности.

Именно эти воззрения Кандинского находятся в согласии с материалистическими взглядами А. И. Богданова, получившими свое конкретное выражение в защите и развитии идей Ч. Дарвина. У А. И. Бабухина и его школы Кандинский воспринял патофизиологический подход с физиолого-клинической направленностью, так импониравшей современникам-клиницистам.

Можно допустить влияние А. П. Богданова на Кандинского еще в одном отношении.

Как будет показано в последующих главах, вступив на путь самостоятельной врачебной и научной деятельности, Кандинский с самого начала активно участвовал в работе научных медицинских обществ, признавая эту работу важной и полезной. Он же с увлечением отдавал всего себя научно-просветительной деятельности, пропаганде научных знаний. В этом тоже сказалось влияние А. П. Богданова.

Наше предположение в какой-то мере подтверждает и тот факт, что Московское медицинское общество, в организации и деятельности которого, как и в проводимой им научно-просветительной работе в 1874—1875 гг., принимал большое участие В. Х. Кандинский, базировалось на территории Политехнического музея, созданного А. П. Богдановым.

Конечно, не только А. П. Богданов оказывал такое влияние на Кандинского.

Следует указать, что общая атмосфера в кругу прогрессивных профессоров того времени характеризовалась высокими общественными устремлениями, демократичностью и просветительством. По инициативе ученых Москвы одно за другим возникали научные общества, ставящие своей целью содействовать самостоятельному развитию естествознания в России, чтобы это знание из кабинета ученого поступало в массу народа и становилось его умственным достоянием.

Коротко остановимся на клиническом образовании, которое получил Кандинский. В тот период преподавание клинических дисциплин на старших курсах различалось по своему уровню и качеству и зависело от состава преподавателей и состояния стационаров, являющихся базами для разных клиник. В 1845 году в связи с ликвидацией Московской медико-хирургической академии в ведение Московского университета перешли ее базы на Рождественке и в Ново-Екатерининской больнице у Петровских ворот. На Рождественке были размещены две факультетские клиники (терапевтическая и

хирургическая) на 60 коек каждая и акушерская клиника на 30 коек. Впоследствии к ним добавилась детская клиника на 20 коек.

В Ново-Екатерининской больнице были сосредоточены госпитальные клиники — терапевтическая и хирургическая по 110 коек каждая. Позже там же организованы еще кожно-венерическая клиника на 30 коек и нервная клиника — на 20 коек. Полное представление о постановке преподавания на этих клинических базах и о составе преподавателей дает обширная литература, относящаяся к тому периоду времени.

Вряд ли целесообразно деятельное освещение клинического преподавания в период времени, когда Кандинский проходил свою клиническую подготовку. Ограничимся только обсуждением некоторых, как нам кажется, наиболее важных вопросов.

Какой был уровень клинического образования на медицинском факультете Московского университета и получил ли Кандинский при его окончании достаточную солидную клиническую подготовку? Ответить на этот вопрос можно положительно. Учитывая состояние медицинской науки того времени, следует считать, что уровень клинического образования, которое получил Кандинский, был достаточно высоким.

Не подпадали под эту общую положительную оценку только некоторые клинические дисциплины. Но изъяны в преподавании их с лихвой компенсировались высоким уровнем лекций и хорошей организацией обучения на многих клинических кафедрах, часть из которых возглавляли выдающиеся клиницисты, ученые с мировым именем. Из них мы считаем важным прежде всего указать на Григория Антоновича Захарьина, ведавшего в течение многих лет факультетской терапевтической клиникой и на Алексея Яковлевича Кожевникова, преподававшего нервные и душевные болезни.

Отметим те основные моменты, которые могли привлечь симпатии В. Х. Кандинского к нашему выдающемуся клиницисту-терапевту. Известно, что лекции Г. А. Захарьина, его клинические разборы производили на студенческую молодежь, да и не только на нее, неизгладимое впечатление. Сила этого впечатления вероятно сыграла известную роль в том, что Кандинский выбрал терапевтическую тему для своего конкурсного сочинения о желтухе, за которое ему была присуждена на четвертом курсе серебряная медаль (14). Интерес к терапии, вызванный лекциями Г. А. Захарьина, видимо, обусловил и то, что в числе трех высших в то время отметок «удовлетворительно с отличием», полученных Кандинским на выпускных экзаменах, одна пришлась на

предмет «Госпитальная терапевтическая клиника».

И, наконец, этим же, возможно, обусловлено то, что ранний этап врачебной деятельности Кандинского по окончании Университета, начался работой в качестве врача-терапевта. Однако впечатляющая сила лекций и клинических разборов Г. А. Захарьина определялась не только его высокой талантливостью как лектора, но главным образом и теми теоретическими и клиническими взглядами, которые выражали его общие медицинские концепции.

Что же импонировало Кандинскому в этих концепциях А. Г. Захарьина? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо исходить из объективного рассмотрения научных воззрений Кандинского, отраженных в его творчестве, и из детального анализа его жизнедеятельности.

С известной степенью уверенности мы полагаем, что теоретические и общие клинические воззрения Г. А. Захарьина брались Кандинским на вооружение и отражались в его научной деятельности.

Как известно, Г. А. Захарьину принадлежит творческая разработка предложенного еще основоположником русской клинической медицины М. Я. Мудровым «метода опроса». Сущность этого метода заключается в признании большого значения подробного, методически продуманного, собирания анамнеза как средства выяснения развития заболевания, определения этиологических факторов воздействия среды и как пути к целостному пониманию больного. «Метод опроса» или «анамнестический метод» следует рассматривать как метод общеклинический. И справедливо в этом плане пишет Б. Д. Петров, что «Ученики Захарьина были знаменитый педиатр Н. Ф. Филатов, крупный невропатолог А. Я. Кожевников, выдающийся гинеколог В. Ф. Снегирев, блестящий клиницист А. А. Остроумов».

Мы добавим к этому списку учеников Г. А. Захарьина и В. Х. Кандинского, который, как будет показано далее в главе «Клинические воззрения В. Х. Кандинского», являлся приверженцем «метода опроса» и проявил большое мастерство в его использовании.

Но «анамнестический» метод не только не противопоставлялся, а, напротив, сочетался Г. А. Захарьиным с физиологическим подходом к исследованию и пониманию больного, с рассмотрением его организма как целостной системы, с применением концепций нервизма. Мы уже отмечали симпатии Г. А. Захарьина и А. И. Бабухину с его физиолого-клинической направленностью и одновременно констатировали влияние

последнего на Кандинского. Вряд ли требует специальных доказательств, что клинический физиологизм Г. А. Захарьина нашел в Кандинском благодарную почву. Наконец, есть еще один момент в концепциях Г. А. Захарьина, который выдающийся клиницист неустанно пропагандировал. Это признание важности сочетания терапевтического воздействия с социально-профилактическими мероприятиями.

Без гигиены и профилактики, считал Г. А. Захарьин, лечебная медицина бессильна. «Победоносно спорить с недугами масс, говорил он, может лишь гигиена». Не случайно и то, что для актовой речи на торжественном собрании Московского университета 12 января 1873 года им была выбрана тема: «Здоровье и воспитание в городе и за городом».

Мы полагаем, что не ошибемся, если объясним влияние концепций Г. А. Захарьина о единстве лечебной и социальной медицины тот факт, о котором будем писать подробнее ниже, что первые публикации Кандинского в журнале «Медицинское обозрение», его рефераты в большинстве своем посвящены вопросам отношения лечения и организации здравоохранения.

Особенно большую роль в формировании воззрений Кандинского, как общемедицинских, так и психиатрических, сыграл Алексей Яковлевич Кожевников, из уст которого Кандинский получил первоначальные сведения о душевных заболеваниях, их проявлениях, причинах, механизмах возникновения и лечении. Если о А. Я. Кожевникове — невропатологе, педагоге, организаторе, мы имеем достаточно полные данные, то, к сожалению, о нем как о психиатре наши сведения, безусловно, недостаточны.

Между тем трудно переоценить его заслуги перед отечественной психиатрией. Он является родоначальником московской психиатрии, создателем первой кафедры психиатрии и психиатрической клиники в Москве, организатором и председателем Московского общества невропатологов и психиатров.

На выпускных экзаменах, как и по терапии, по предмету «нервные болезни с психиатрией» Кандинский получил наилучшую отметку «удовлетворительно с отличием». Это в какой-то мере свидетельствует о том, что он уже и тогда проявлял интерес к невропатологии и психиатрии и серьезно относился к их изучению.

Несмотря на то, что А. Я. Кожевников только впервые читал тогда свой курс лекций (16) в неблагоприятных условиях, во всех высказываниях о нем имеются только положительные отзывы. «Алексей Яковлевич Кожевников, проф. нервных

болезней, писал П. Ф. Филатов, пользовался у нас заслуженным авторитетом. Это, пожалуй, по глубокой эрудиции в своей специальности, тот же Захарьин. Кожевников был мягок, вежлив, тих и скромен, С больными он обращался в высшей степени гуманно мягко. Лекции его были по содержанию прекрасны. Диагноз и прогноз он ставил правильно, что и подтверждалось вскрытием умершего».

Так, уже упоминавшийся А. В. Мартынов пишет о том, как А. Я. Кожевников преодолевал указанные неблагоприятные условия для преподавания: «Долго пришлось молодому профессору вести клиническое дело при убогой обстановке. Не было аудитории, учебных пособий, лаборатории. Кроме палат, была еще одна комната — для исследования, лечения, научных занятий... Психически больных не могло быть в общесоматической больнице, но среди пациентов больницы все-таки нередко попадались такие больные, и Кожевников пользовался каждым случаем для демонстрации студентам». А вот еще один отзыв одного из слушателей А. Я. Кожевникова: «Несмотря на более чем скромные условия, профессор Кожевников сумел сообщить нам много в высшей степени интересного и поучительного материала. До сих пор ясно помню его лекции, прекрасные, и по изложению, и по внутреннему содержанию. Из его лекций для нас, по настоящему, впервые открылась тайна клинического разбора больных, и мы поняли важность сознательной и умелой оценки всех объективных и субъективных признаков той или другой болезни. Кроме того, Кожевников собственным примером научил нас тому гуманизму, в высшей степени мягкому обращению с больными, которое непременно должно лежать в основе лечения нервных и душевных больных».

Приведенная характеристика А. Я. Кожевникова одним из слушателей его лекций представляет интерес тем, что свидетельствует, какие качества педагога и его личности импонировали студентам. Несомненно, эти особенности А. Я. Кожевникова должны были привлекать такого тонкого, высоко интеллигентного человека как Кандинский. Но нам важно выяснить и то, какое влияние оказал на него А. Я. Кожевников, какую роль он сыграл в его жизни и творчестве.

В этом отношении заслуживает внимания ряд фактов, позволяющий дать в какой-то мере ответ на данный вопрос.

Прежде всего следует иметь в виду, что до чтения курса нервных и душевных болезней А. Я. Кожевников работал ассистентом на кафедре госпитальной терапевтической клиники, руководимой профессором И. В. Варвинским, а с 1871 по 1874 год он, одновременно с лекциями курса по нервным и душевным болезням, преподавал также частную

патологию и терапию, будучи избран экстраординарным профессором на эту кафедру. Таким образом психиатрия преподавалась А. Я. Кожевниковым не только в единстве с невропатологией, но и с соматической медициной в целом. В этом отчетливо выступает влияние выдающегося немецкого психиатра В. Гризингера, у которого он совершенствовал свои знания, будучи в длительной заграничной командировке.

Как свидетельствует преемник А. Я. Кожевникова В. К. Рот, «Талантливые лекции Гризингера дали ему очень много».

Известно, что В. Гризингер в течение многих лет был профессором объединенной кафедры внутренней медицины, невропатологии и психиатрии в различных университетах Германии. «Гризингер, пишет видный историк психиатрии Ю. В. Каннабих, был сторонник слияния невропатологии и психиатрии — мысль для того времени прогрессивная, так как невропатология входила в состав внутренней медицины, а психиатрия ютилась далеко в «домах умалишенных...» Но ведь, как мы увидим дальше, и Кандинский проделал аналогичный путь: он начал свою врачебную деятельность в качестве ординатора в соматической больнице и в этот же период сотрудничал в реферативном журнале «Медицинское обозрение», большое внимание уделял рефератам по невропатологии и психиатрии.

А. Я. Кожевников был убежденным сторонником физиологического направления в медицине. Его физиологические установки распространялись не только на невропатологию, но были ярко выражены в трактовке психических явлений в норме и патологии. Представляет большой интерес его актовая речь на торжественном годовом собрании Московского университета, из рассмотрения которой видно, что материалистические воззрения его были отчетливо выражены в анализе сложного вопроса о влиянии психической деятельности на нервные болезни. Нельзя также обойти его высказывания, созвучные Л. Фейербаху, Н. Г. Чернышевскому и И. М. Сеченову о причинности и «несвободе воли», к которому проявлял такой большой интерес В. Х. Кандинский, отзвук чего можно найти в его книге о невменяемости.

В своем учебном курсе «нервных болезней с психиатрией» А. Я. Кожевников в главе, посвященной психологии и психопатологии волевой деятельности человека, подчеркивает иллюзорность свободного выбора в поступках и действиях человека в зависимости последних от господствующих представлений. «Какая группа представлений будет преобладать, писал он, — это зависит от всех моментов, имевших место в предшествовавшей жизни. Все, что приобретено из восприятия, из внешних впечатлений и добыто внутренней

работой, будет тут иметь определяющее значение... Следовательно, свобода воли человека только условная, абсолютной же свободной воли нет и. произвольная деятельность человека подлежит таким же правильным законам, как и все в мире.

Касаясь характеристики профессоров медицинского факультета Московского университета — учителей В. Х. Кандинского, необходимо несколько слов сказать и о Д. Е. Мине, заведующем кафедрой судебной медицины с токсикологией, гигиеной и медицинской полицией. По этому предмету Кандинский также получил на выпускных экзаменах «удовлетворительно с отличием».

Мы полагаем, что это не случайно. Дмитрий Егорович Мин был высоко образованным, культурным человеком. Известно также, что ему принадлежат превосходные переводы Шекспира, Данте, Байрона. О лекциях его также дается прекрасный отзыв в уже цитированном некрологе о профессоре В. Ф. Снегиреве. «Лекции профессора Д. Е. Мина, пишется там, - оставляли впечатление у юных слушателей, оказывали на них воспитательное действие. Облеченные в литературную форму, лекции эти произносились с значительным воодушевлением низкими певучими нотами и дрожанием голоса... Во время вскрытий профессор все время давал объяснения и приводил занимательные примеры из судебно-медицинской казуистики».

Если указанные стороны жизнедеятельности Д. Е. Мина и его лекции могли заинтересовать Кандинского, то все же главное не в этом. Как мы увидим далее, Кандинский являлся одним из основоположников судебной психиатрии. В его научной и практической деятельности эта важная область психиатрии занимала одно из ведущих мест. Судебная же медицина являлась предметом преподавания, наиболее близким к тем научным интересам Кандинского, которые выявились у него в пору его самостоятельной зрелой творческой жизни. Мы полагаем, что в молодом возрасте, во время учебы Кандинского в университете, эти интересы уже имели свое начало и профессор Д. Е. Мин сыграл в этом не последнюю роль.

Наше суждение подтверждает и то, что профессор Д. Е. Мин, несомненно, сам интересовался судебной психиатрией. Об этом, в частности, говорит «произнесенная им в 1868 году актовая речь «О некоторых сомнительных состояниях психического здоровья в судебно-медицинском отношении».

Итак, обрисовав профессорский состав медицинского факультета Московского университета, мы должны кратко остановиться на характеристике студенческой среды и на общественно-политических выступлениях студенчества того

времени.

При анализе общественно-политического движения студенчества необходимо руководствоваться двумя весьма важными методологическими положениями.

Во-первых, следует иметь в виду, что студенческое движение всегда отражало политическое состояние общества в целом и характер классовой борьбы. Хотя студенчество боролось за удовлетворение своих узко корпоративных интересов и на этой почве у него нередко возникали конфликты с университетской администрацией, университетским Советом, как правило, выступления студентов по академическим вопросам за удовлетворение академических требований быстро перерастали в общественно-значимые события и приобретали общеполитический характер.

Во-вторых, нельзя правильно проанализировать общественно-политические выступления студенчества без учета временного фактора и условий, в которых они происходят. Мы имеем в виду период подъема или спада революционного движения, либеральную или реакционную политику правящих кругов.

Само собой разумеется, учитывая, что Кандинский учился в Университете в конце 60-х и начале 70-х годов, мы не будем касаться в настоящей работе мощных политических выступлений студенчества, особенно в Московском университете, в начале 60-х годов, вылившихся в политическую демонстрацию.

Эти выступления, как известно, имели своим последствием разгром революционных студенческих организаций, массовые аресты и другие репрессивные акты в отношении студенчества со стороны царского правительства.

Укажем, что важное значение этих выступлений студенчества оценил В. И. Ленин, о них писал К. Маркс и также страстно откликнулся на них А. И. Герцен. Студенческое движение начала 60-х годов трактовалось В. И. Лениным как составная часть революционного движения в условиях революционной ситуации, а само студенчество характеризовалось как самая активная и чутко отзывающаяся на все события часть революционной интеллигенции того времени.

Оценка К. Маркса этих событий видна из следующих его слов: «Русская учащаяся молодежь, состоящая большей частью из детей крестьян и прочего неимущего люда, до такой степени прониклась социалистическими идеями, что мечтала уже о немедленном их осуществлении... Идейным вдохновителем этого

движения был Чернышевский...».

Горячо, эмоционально откликнулся на волнения студенчества в Москве и Петербурге и их кровавое подавление в 1861 году А. И. Герцен статьей «Третья кровь», в которой он писал: «К польской и крестьянской крови прибавилась кровь лучших юношей в Петербурге и Москве. Не жалейте Вашей крови. Раны Ваши святы. Вы открываете новую эру нашей истории».

После разгрома студенческих революционных организаций в 1861 году, в последующие годы каких-либо студенческих волнений, имеющих серьезное политическое значение, не отмечалось. К концу 60-х годов наступил подъем студенческого революционного движения, наиболее активное участие в нем приняли студенты Московского и Петербургского университетов.

На одном из выступлений в октябре 1869 года студентов 4 курса медицинского факультета Московского университета, получившем в исторической литературе название «Полунинское дело», мы считаем целесообразным остановиться несколько подробнее. Основания к этому следующие.

Эти студенческие выступления представляют интерес потому, что в них, как мы отметили, участвовали студенты-медики, причем только одним годом старше того курса, на котором учился Кандинский.

Важно и то, что «Полунинское дело» вышло за стены университета и получило широкий отклик в общественности, в том числе медицинской.

Вместо уехавшего в длительную заграничную поездку заведующего кафедрой факультетской терапии профессора Г. А. Захарьина, Советом университета был назначен профессор патологической анатомии, декан медицинского факультета А. И. Полунин.

Студентам вместо ярких клинических лекций и глубоких, содержательных клинических разборов больных профессора Захарьина, предстояло слушать некомпетентного в терапии профессора Полунина, вдобавок скучно и плохо читающего лекции.

Студенты отказались посещать лекции профессора Полунина, потребовали замены его другим профессором-клиницистом. Но администрация и Совет университета заняли непримиримую позицию в конфликте со студентами, повели себя крайне грубо, угрожали им, привлекли полицию. 20 студентов было исключено из Университета, из них 9 без права поступления в другое

учебное заведение. Часть студентов была выслана из Москвы.

Необходимо сделать оговорку. Считая ошибочным, как назначение на заведывание кафедрой факультетской терапии профессора патологической анатомии И. А. Полунина, так и его поведение в целом в данном конфликте между студентами и администрацией Университета, мы не хотели бы такой оценкой умалить, предшествующие научные заслуги профессора Полунина и полезные стороны многолетней деятельности его как декана медицинского факультета Московского университета.

Таково кратко изложенное содержание «Полунинского дела», возникшего в конце 1869 года на медицинском факультете Московского университета. Тогда же и в начале 1870 года среди студентов был произведен ряд обысков и арестов, что вызвало протесты, но массовых политических выступлений со стороны студенчества не развернулось. Политический эффект все же был, он выразился в повышении революционной настроенности студенчества и в создании более благоприятной почвы для революционной пропаганды в его среде. Эта пропаганда велась преимущественно по вовлечению студентов в «хождение в народ», в народническое движение. Непосредственной реакцией на исключение по «Полунинскому делу» 20 студентов-медиков из университета был только сбор денег на вспоможествование им.

На это, в частности, указывается в упомянутых уже воспоминаниях Н. В. Давыдова. Касаясь должностных лиц Университета, носящих звания инспекторов, он характеризует одного из них (И. П. Барсова) как дружившего со студентами «и не выдававшего мелких студенческих тайн, вроде запрещенного, но творившегося достаточно ясно, сбора денег в пользу исключенных из-за скандала с профессором Полуниным студентов-медиков». По словам Давыдова, «была собрана порядочная сумма», особенно среди студентов юридического факультета.

Имеются данные, что Кандинский откликнулся на призыв помочь исключенным студентам.

В отношении личного участия Кандинского в каких-либо студенческих революционных организациях или политических выступлениях, кроме указанной незначительной политической акции по сбору денег исключенным студентам, мы сведений не имеем. Есть основание полагать, что Кандинский не был политически активен.

Какие же причины обусловили это отсутствие активности при его безусловной демократической настроенности и трудной

жизни в нужде, о чем мы выше писали. Возможно, что от политической деятельности его отвлекало увлечение учебой и необходимость обеспечить себе материальный минимум для жизни. Важную роль играло и то, что в последующие годы, вплоть до окончания в 1872 году университета, политически значимых выступлений студенчества, как мы уже отмечали, не было.

Обобщая все вышесказанное о студенческих годах жизни Кандинского, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что эти годы сыграли большую роль в его дальнейшей жизненной направленности. Начало учебы Кандинского в Университете совпало с особенно напряженной политической борьбой между старой реакционной, академически отсталой частью профессуры и новыми молодыми либеральными, талантливыми профессорами.

Несмотря на существенные недочеты постановки преподавания по отдельным предметам, в целом пребывание в Университете дало Кандинскому очень много.

На младших курсах преподавание теоретических, естественно-научных дисциплин передовыми профессорами определило формирование у него материалистического мировоззрения и прочных основ общебиологического и физиологического подхода к клинике.

На старших курсах выдающиеся профессора-клиницисты вооружили Кандинского необходимыми клиническими знаниями, привили ему передовые принципы клиницизма.

Последующая врачебная деятельность Кандинского отразила указанные влияния.

Глава четвертая. РАННИЙ ПЕРИОД ВРАЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Х. КАНДИНСКОГО

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

Работа во Временной больнице в Москве. Сотрудничество в журнале «Медицинское обозрение». Статьи, относящиеся к соматической медицине. Первые психиатрические исследования. Участие в организации и деятельности Московского медицинского общества. Участие в русско-турецкой войне (1877—1878). В. Х. Кандинский — младший судовой врач парохода «Великий князь Константин» под командованием С. О. Макарова. Сражение на Батумском рейде. Приступ психического заболевания. Возвращение в Москву.

По окончании медицинского факультета В. Х. Кандинский

устраивается на работу вначале в качестве сверхштатного, а затем штатного ординатора во Временную больницу (ныне Вторую градскую) в г. Москве.

Главным доктором больницы был тогда известный московский врач Павел Иванович Покровский, а в личном ее составе числилось 7 ординаторов. О роли Временной больницы в московской медицинской жизни можно судить по некоторым косвенным данным. Главным консультантом больницы в анализируемый период времени был Василий Феликсович Спримон, которому медицинская общественность Москвы обязана созданием в 1874 году, а затем постоянным редактированием пользующегося большой популярностью журнала «Медицинское обозрение». Врачи Московской Временной больницы принимали также активное участие в работе организованного в 1875 году Московского медицинского общества. В обоих этих медицинских начинаниях в Москве В. Х. Кандинский играл видную роль, будучи совсем еще молодым врачом. По статьям его, опубликованным в журнале «Медицинское обозрение», и протоколам медицинского общества, регулярно печатаемым этим журналом, мы получили возможность составить определенное представление о научной и общественной деятельности нашего выдающегося отечественного ученого в ближайший период по окончании университета.

К участию в журнале «Медицинское обозрение» редактор В. Ф. Спримон привлек В. Х. Кандинского с самого начала его организации. В своем предисловии, напечатанном в первом номере (январь—февраль 1874 г.), он так характеризовал цели этого журнала: Журнал ставит своей задачей «знакомить практических врачей с содержанием и результатами важнейших работ, наблюдений, исследований в области научной и практической медицины, появляющихся в русской и иностранной медицинской литературе». Как видно из этого предисловия, журнал должен был носить обзорный и информационный характер. Но рассмотрение его содержания показывает, что в нем печатались также и оригинальные научные работы.

Уже в первом номере журнала за подписью В. Х. Кандинского были помещены следующие статьи:

1. «Несколько слов о гигиенических условиях современного госпиталя».
2. «Проект устройства санитарной части городского общественного управления г. Киева 1873 г.»

3. «Русская земская медицина в 1873 году».
4. «IV съезд русских естествоиспытателей и врачей» и
5. «Медицинские съезды на Западе в 1873 году».

Какая из этих публикаций В. Х. Кандинского являлась его первой пробой пера судить трудно. Можно только отметить ряд общих черт. Обращает внимание прежде всего удивительная для молодого врача самостоятельность и зрелость суждений, а также четкость и ясность изложения, прекрасный литературный стиль. Хотя эти статьи написаны на разные темы, явственно выступает несомненный интерес автора к общим и естественно-научным проблемам, гигиене и санитарии, с одной стороны, и к вопросам общественной медицины и организации здравоохранения — с другой.

В работе В. Х. Кандинского «Несколько слов о гигиенических условиях современного госпиталя», представляющей собой оценку речи профессора И. Н. Новацкого, произнесенной на торжественном собрании Московского университета, обращает внимание демократичность молодого Кандинского.

Он указывает на тяжелое положение медицинского обслуживания бедного населения г. Москвы, пишет о плохой организации медицинской помощи, высокой смертности. Отчетливо видно стремление В. Х. Кандинского сделать более совершенными гигиенические условия больничного обслуживания широких кругов населения.

«Госпитальный вопрос стоит в настоящее время на очереди в Москве» — так начинает он эту статью. «Администрация и городское управление, отчасти и периодическая пресса, как медицинская, так и не медицинская, обратили, наконец, внимание на дурные гигиенические условия и несоответствующее настоящим требованиям науки устройство Московских госпиталей». В этой статье он останавливается на целесообразности построения госпиталей по павильонной системе, на размерах — палат и ряде других вопросов организации больничного обслуживания.

Такая же демократичность В. Х. Кандинского выражена в его статье «Русская земская медицина в 1873 году», освещающей работу съездов земских врачей Самарской и Ярославской губерний. «Эта работа, — писал Н. В. Иванов, — свидетельствует о прогрессивности взглядов автора; с тонкой иронией он отзывается о Губернской земской управе, отрицающей необходимость должности санитарного врача; он подчеркивает, что «необходимость гигиенического направления в медицине все более и более проникает в сознание врачей, а отчасти и

самих земств».

В свою очередь мы хотели бы обратить внимание в этой статье В. Х. Кандинского на острую критику попытки Самарской городской управы взять непосредственный контроль над собственно-медицинской работой земств. «Только врач может контролировать врача,— пишет В. Х. Кандинский,— и быть компетентным лицом при обсуждении врачебных обязанностей. До сих пор именно неопределенность отношений между врачами и представителями земства, а также вмешательство управ в медицинскую часть, и были главными причинами неустройства дела земской медицины. Если можно в чем упрекнуть самарских врачей в этом отношении, то скорее в излишней уступчивости...».

За период с 1874 по 1876 год, до того времени, когда В. Х. Кандинский оставил работу в Московской Временной больнице, чтобы принять участие в русско-турецкой войне, он опубликовал в журнале «Медицинское обозрение» 31 сообщение под рубриками «Авторефераты» и «Рецензии». В этой большой литературной работе следует отметить ряд важных моментов.

Часть публикаций носила, собственно говоря, характер не отдельных рефератов, а реферативных обзоров литературы, приобщающих читателей к надлежащему пониманию состояния той проблемы, которой они были посвящены. Таковы, например, «Обзор работ по болезням органов дыхания в 1874 году», «Обзор работ по болезням сердца в 1874 году».

Другие отражали постановку какого-либо интересного и важного вопроса, примером чего может служить статья «О сжигании умерших», в которой он отстаивал мысль рациональности такого захоронения трупов.

Значительное число публикаций В. Х. Кандинского посвящено информации о введенных за рубежом новых диагностических методах и средствах лечения. При рассмотрении этих работ в целом можно получить весьма отчетливое представление об успехах и развитии медицинской науки в зарубежных странах в этот период.

Огромная эрудиция В. Х. Кандинского, блестящее знание языков делало его работу в журнале «Медицинское обозрение» в те годы особенно ценной, так как расширяло кругозор врачей и увеличивало арсенал применяемых ими средств диагностики и лечения различных соматических заболеваний.

В ряде случаев В. Х. Кандинский использует свои сообщения, чтобы поставить ту или иную принципиально важную проблему, по которой он считает нужным высказать свое мнение. При этом

он обнаруживает высоко развитое «чувство нового» и глубокое понимание направляющего и определяющего значения для развития науки решения этой поставленной им проблемы.

Эта черта В. Х. Кандинского особенно отчетливо выявилась в его научных работах, относящихся к области психиатрии. В них, как мы увидим ниже, он поставил ряд важнейших принципиальных вопросов и дал им глубокое разрешение.

Работ, относящихся к психиатрии, в указанный период было всего три. Две из них посвящены общим теоретическим вопросам психиатрии. Первая содержит изложение речи видного австрийского психиатра Пауля Замта на тему: «Естественно-научный метод в психиатрии». Эта речь сыграла большую роль в формировании клинко-нозологического направления в психиатрии. Во второй — анализируется знаменитая работа немецкого психиатра К. Кальбаума: «Клинические работы по душевным болезням», в которой тоже дано обоснование клинко-нозологического подхода в психиатрии.

Несколько в стороне было третье научное сообщение В. Х. Кандинского, посвященное статье И. Вейса: «Эпилептическое помешательство», которая вместе с упомянутой нами работой Р. Крафт-Эбинга «Об эпилептоидных сумеречных и сновидных состояниях» касалась проблемы эпилептических психозов. Эти сообщения в то время сыграли большую роль в клинической и судебно-психиатрической практике в России для диагностирования «психической эпилепсии».

Две первых статьи заслуживают особенного внимания. В них В. Х. Кандинский, еще не будучи психиатром, первый пропагандировал в России клинко-нозологическое направление в психиатрии.

Как известно, это направление заимствовано психиатрией из соматической медицины. Ведь именно в соматической медицине еще в XVIII столетии возникло учение о «Nosose» как о болезненном *процессе*, которое противопоставлялось понятию «Pathosa» — патологического состояния в статике, не имеющего закономерностей развития.

В последующие годы В. Х. Кандинский определился как выдающийся психиатр, автор ряда замечательных монографий по философии, психологии и психопатологии, переведенного с немецкого на русский язык монументального труда В. Вундта «Основания физиологической психологии». Возникает вопрос, в каких отношениях находятся анализируемые нами две работы, напечатанные в 1874 году в журнале «Медицинское обозрение»,

к его более поздним трудам, с которыми они, казалось бы, не могут идти в какое-либо сравнение?

Встает и другой вопрос: нет ли разрыва между двумя указанными периодами его жизни, когда он был врачом общего профиля и когда он стал психиатром и нашел себя на этом поприще?

Ответить на эти вопросы может помочь анализ тех немногих упомянутых нами работ по психиатрии, которые относятся к изучаемому периоду творческой деятельности молодого Кандинского. При этом следует принимать во внимание также особенности и стиль научной работы, проходящий красной нитью через всю его жизнь.

Важно, что В. Х. Кандинский, излагая концепции П. Замта, в аргументации принципа клинико-нозологического подразделения психических расстройств пользуется своим опытом работы в соматической больнице. «Душевные болезни,— пишет он,— являются в совершенно отдельных и самостоятельных клинических формах, из которых некоторые столь же типичны по течению, как, па-пример, пневмония или тиф».

Опережая время, звучат его заключительные слова о том, что «при дальнейшем наблюдении, соединенном с подробным, тщательным собиранием анамнестических данных, таких отдельных форм, вероятно, окажется много... Полная нозологическая система душевных страданий — задача будущего». Тот же перенос опыта работы из соматической клиники в психиатрическую виден в анализе работы К. Кальбаума. В. Х. Кандинский указывает на необходимость в психиатрической клинике «обращать внимание не только на одни психические симптомы, но и на явления соматические, а не считать последние, без дальнейшего рассмотрения, только случайными осложнениями психического страдания».

Касаясь отношения В. Х. Кандинского к психиатрии в то время, когда он еще работал как врач-интернист, следует отметить еще один знаменательный факт. В своей статье о Замте он положительно и убежденно высказывается, в духе Сеченова, о рефлексорной концепции психики, находя в этом теоретическую основу психиатрии.

Таким образом, В. Х. Кандинский, в анализируемый ранний этап его врачебной работы, еще вне психиатрии, не только проявил к ней большой интерес, но, опережая свое время, сформулировал свои теоретические и принципиальные позиции в отношении ее. Уже тогда он высказал мнение по наиболее важным, основным вопросам психиатрической науки, в соответствии с которым

позже с исключительной последовательностью выявил в развернутом виде собственные психиатрические воззрения поставил столь ценное научное наследие.

Поэтому можно с полной уверенностью дать отрицательный ответ на поставленный выше вопрос: имеется ли разрыв между двумя этапами деятельности Кандинского: ранним, когда он был врачом-интернистом, и поздним, когда он уже стал врачом-психиатром. Напротив, можно утверждать, что отчетливо выражена прямая преемственность между этими двумя периодами.

Имеются также основания предполагать, что Кандинский рассматривал свой первый этап как необходимую и важную основу для подготовки к той психиатрической деятельности, в которой было его истинное призвание. Ведь психиатрия — неотъемлемая часть общей медицины, а психопатология — составная часть общей патологии.

Очерк о раннем периоде врачебной деятельности В. Х. Кандинского был бы не полным, если бы мы не охарактеризовали его общественную деятельность в тот период, в частности работу в Московском медицинском обществе, одним из учредителей которого он был. Открытие этого первого медицинского общества в Москве состоялось 4 октября 1875 года. Председателем его был избран закрытым голосованием известный московский врач Егор Арсентьевич Покровский, а ответственными секретарями: А. А. Крюков и В. Х. Кандинский. Девизом общества являлись следующие слова: —«Совокупная деятельность, содружественные силы — великое дело». В уставе общества его задачи были сформулированы коротко: «Способствовать развитию научно-практической медицины». Заседания общества происходили в здании Политехнического музея. Протоколы его печатались в журнале «Медицинское обозрение». Об интенсивности работы общества свидетельствует тот факт, что до конца 1875 года состоялось 8 его заседаний.

Кандинский проявлял в работе общества большую активность. Уже на первом заседании он предложил в кандидаты общества врача Алексея Михайловича Орлова. На экстраординарном заседании общества 29 ноября 1875 года он высказался за то, чтобы члены общества читали общедоступные лекции и выразил желание лично прочесть публичную лекцию в Политехническом музее на тему: «О душевных эпидемиях вообще и о спиритизме». К чтению лекций он привлекал и других членов общества, в частности своего сослуживца, врача Московской Временной больницы А. Б. Фохта.

В протоколе заседания общества No 11 от 21 февраля 1876 года

мы читаем: «Слушали: «Программы лекции В. Х. Кандинского «О душевных эпидемиях вообще и о спиритизме» и А. Б. Фохта «О суевериях и заговорах в их отношениях к врачеванию»... Решили: «Желательно изложить более подробно и вновь представить на рассмотрение Управления Московского учебного округа».

Сам факт чтения публичных лекций, их темы и содержание свидетельствуют о материалистической направленности, прогрессивности устремлений и демократичности В. Х. Кандинского. Эта лекция также убедительно говорит о том, что В. Х. Кандинский уже в раннем периоде своей врачебной деятельности проявил большой интерес к психиатрии и готовил себя к работе психиатром.

В протоколе No 15 экстраординарного заседания общества от 9 июля 1876 года указано об организации врачебной помощи и подписки для оказания вспоможествования раненым славянам (сербо-турецкая война). Отмечено также, что принимать пожертвования в числе других изъявил согласие и В. Х. Кандинский. В протоколе No 17 экстраординарного заседания Московского медицинского общества от 29 сентября 1876 года имеется короткая запись. «В. Х. Кандинский за выездом из Москвы просил освободить его от должности секретаря». В следующем заседании общества секретарем был избран С. М. Клейнер, сослуживец В. Х. Кандинского по Московской Временной больнице.

В. Х. Кандинский в это время оформлялся на военную службу во 2-й Черноморский флот для участия в русско-турецкой войне.

На военной службе В. Х. Кандинский находился с 23 сентября 1876 года до 30 апреля 1879 года, включая его участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. К тому же периоду относится начало его душевного заболевания. Об этом этапе его жизни, полном драматических коллизий имеются документальные сведения, хранящиеся в Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР, в котором сохранился Послужной военный список В. Х. Кандинского. Большой интерес представляют также воспоминания М. В. Сабашникова, касающиеся трагических событий его жизни именно во время участия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

В 70-х годах XIX века на Балканах усилилось национально-освободительное движение славянских народов против владычества Турции. Балканы вновь стали уз том противоречий, очагом войны. В 1875 году возникло восстание в Боснии и Герцоговине. В 1876 году оно перебросилось в Болгарию, а позже, в июне того же года, Сербия и Черногория объявили войну Турции. Россия вмешалась в эти события и предложила

европейским странам обязать Турцию предоставить автономию славянским народам, находящимся под ее владычеством. Но подстрекаемая Англией Турция отвергла предложения России и прибегла к жестокому подавлению национально-освободительного движения славянских народов. 12 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. Все годы, когда развивался вооруженный конфликт на Балканах, русский народ сочувственно относился к национально-освободительному движению, был на стороне славянских народов, поддерживал их освободительную справедливую войну. Конечно, отношение к этой войне не было однородно в разных классах и слоях общества. В определенных его кругах такое отношение было пронизано национализмом и шовинизмом и трусливым угодничеством буржуазного либерализма к правящим кругам.

Сочувствие к угнетенным славянским народам и их справедливой борьбе против турецкого угнетения проявила также демократически настроенная часть русской интеллигенции. Подхвачен был этой волной, как мы уже отмечали, и В. Х. Кандинский. Нам неизвестно, был ли он мобилизован или определился на военную службу добровольно. Последнее в его послужном военном списке не указано, а только написано: «Уволился с Московской временной больницы 10 октября 1876 года. Высочайшим приказом по Морскому ведомству о чинах гражданских определен на службу младшим судовым врачом во 2-й Черноморский флот его Королевского высочества герцога Эдинбургского экипажа 23 сентября 1876 года». Если вопрос о том, было добровольным или по мобилизации определение Кандинского во флот с последующим его участием в русско-турецкой войне, остается открытым, то одно бесспорно ясно, что это соответствовало его стремлениям и желаниям.

Движение его по военной службе во флоте видно из его послужного списка и аттестата, выданного ему инспекторским департаментом Морского Министерства (составленного по его военно-послужному списку). «По прибытии в Николаев назначен для исправления должности ординатора в Морской госпиталь 16 октября 1876 года: командирован для компании на пароход «Великий князь Константин» 6 января 1877 года; по болезни списан с парохода в гор. Севастополь 13 мая 1877 года и по прибытии в Николаев поступил для пользования от болезни в Николаевский морской госпиталь 8 июня 1877 года. Отправлен для пользования в С. Петербургский Николаевский военно-сухопутный госпиталь, в отделение для душевно больных 12 августа 1877 года. Награжден светло-бронзовой медалью в память войны 1877—1878 годов 17 апреля 1878 года. В походах и делах против неприятеля находился: на пароходе «Великий князь Константин» в делах на Батумском рейде в 1877 году... В отпуску был в 1878 году по болезни на шесть месяцев за

границей и, по возвращении из одного, поступил на излечение в заведение доктора Фрея в С. Петербурге 20 октября 1878 года... Высочайшим приказом 30 апреля сего года (1879) за № 1163 уволен по болезни от службы.

Оставляя в стороне, что явится предметом обсуждения в следующей главе, вопрос о лечении Кандинского от душевной болезни в период его военной службы во флоте, наше внимание фиксирует его служба на пароходе «Великий князь Константин», которой по существу исчерпалось его пребывание во 2-м Черноморском флоте.

Пароход «Великий князь Константин» входил в число быстроходных судов Черноморского торгового флота, которых морское ведомство вооружило, чтобы включить в военные действия. Корабли эти базировались в Одессе, Очакове, Керчи и Севастополе. Личный состав флота имел хорошую и специальную подготовку. Активизировалась крейсерская служба и разведка вооруженными пароходами. В командование его 13 декабря 1876 года вступил бывший тогда в звании ст. лейтенанта будущий «дедушка русского флота», прославленный адмирал С. О. Макаров, только начинавший свою морскую карьеру. Представляет интерес и то, что С. О. Макаров, командуя пароходом «Великий князь Константин», впервые внедрил в боевую практику военного морского флота минное оружие.

С разрешения командования флота Макарову был доверен личный подбор команды и следует думать, что Кандинский не случайно, а по инициативе Макарова попал на пароход «Великий князь Константин». Нам также кажется естественным ожидать не только постоянного личного общения по службе, но и дружеских отношений между образованным, культурным и демократически настроенным Макаровым и родственным ему по духу Кандинским. Но, к сожалению, предпринятое нами тщательное изучение всех материалов о Макарове не обнаружило конкретных фактов, подтверждающих это предположение.

12 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции. В своем дневнике Макаров писал о начале военных действий с Турцией следующее: «... В 7 часов вечера узнал от И. Т. Рощ 12 апреля 1877 года, что война объявлена. В 8,5 часов вечера, вернувшись на пароход, пригласил к себе офицеров выпить бокал шампанского. Затем вызвал всех наверх и сказал «Война объявлена... знайте и помните, что наш пароход есть самый сильный миноносец в мире и что одной мины достаточно, чтобы утопить самый сильный броненосец. Клянусь Вам честью, что я не задумаюсь вступить в бой с целой турецкой эскадрой и что мы

дешево не продадим нашу жизнь».

28 апреля «Константин» вышел из Севастополя к Кавказскому побережью. Первая встреча «Константина» с противником произошла в ночь с 30 апреля на 1 мая на Батумском рейде: спущенные с парохода катера пошли на рейд.

Обнаружив турецкий сторожевой пароход, катера атаковали его. С катера «Чесма» была подведена мина, но по техническим причинам взрыва не произошло. Несмотря на неудачу в первой вылазке, Макаров был полностью уверен в возможности борьбы с турецким флотом с помощью минных катеров. Это его мнение подтвердилось полностью в дальнейших операциях на Сулхумском рейде, у Анатолийских берегов на Кавказе (помощь отряду Шелковникова), повреждение турецкого броненосца «Ассари-Шевкет».

Как отмечалось выше, Кандинский служил на пароходе «Великий князь Константин» в качестве младшего судового врача с 6-го января 1877 года по 13 мая того же года, когда он был списан с парохода по прибытии его в г. Севастополь. Известно было, что он заболел душевной болезнью во время первого сражения парохода «Великий князь Константин» с турецким сторожевым пароходом на Батумском рейде. Но кроме этого голого факта, в работах, посвященных Кандинскому, никаких других сведений не было. Обстоятельства, которые сопровождали или определяли возникновение у него приступа душевной болезни, оставались неизвестными. Частично проливают свет на них воспоминания М. В. Сабашникова (23). Вот, что он пишет.

«В минувшую войну 1878 года В. Х. Кандинский был в качестве врача мобилизован во флот и под начальством Дубасова участвовал в атаке на Дунае турецкого монитора, пущенного нами ко дну. Дело прославило Дубасова и вообще произвело большое впечатление. Психически неустойчивый В. Х. во время взрыва в припадке меланхолии бросился в воду, чтобы покончить с собой. Его, однако, спасли и сестра милосердия, на попечение которой он попал, выходила его. По выздоровлении он на ней женился. Он называл ее мамой и окружал величайшим вниманием».

В эти воспоминания М. В. Сабашникова вкралась явная ошибка. Автор их смешал русско-турецкую войну 1877—1878 гг. с русско-турецкой кампанией 1829 года, в которой, действительно, В. А. Дубасову принадлежали боевые заслуги в сражении на Дунае с турецким монитором. Но в интересующем нас контексте это смещение памяти М. В. Сабашникова несущественно. В воспоминании его подтверждается факт наступления первого приступа душевного заболевания во время сражения парохода

«Великий князь Константин» на Батумском рейде и что этот приступ сопровождался попыткой Кандинского к самоубийству.

Остается, однако, открытым ряд вопросов: возник у Кандинского психоз остро во время боя или он только в его условиях проявился? Когда «выходила» его «сестра милосердия» — будущая его жена? Служила она вместе с ним на пароходе «Великий князь Константин» или ухаживала за ним в одном из стационаров, где он в последующем получал лечение?

Из архивных данных видно, что сражение на Батумском рейде произошло в ночь на 1 мая 1877 г., а списан он был в Севастополе 13 мая, несмотря на то, что это был уже второй приход парохода после батумского боевого эпизода. В первый раз пароход пришел в Севастополь сразу после боя 3 мая 1877 года. Создается впечатление, что жена Кандинского работала медицинской сестрой вместе с ним на пароходе «Великий князь Константин» и обеспечивала уход за ним с первых дней его психического заболевания.

Воспоминания М. В. Сабашникова, несомненно, интересны как проливающие свет, хотя и не до конца, в историю отношений Кандинского с его женой.

Как мы увидим дальше, при анализе душевной болезни Кандинского следует рассматривать ее первый приступ, манифестировавший острым психозом во время сражения на Батумском рейде, не как психогению, не как реактивный психоз, а как психогенную провокацию эндогенного заболевания, клиника, течение и диагноз которого анализируются ниже.

Глава пятая. О ПСИХИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНИ В. Х. КАНДИНСКОГО

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

Клинические данные о психическом заболевании В. Х. Кандинского. История болезни В. Х. Кандинского по архивным данным. Самоописание и анализ В. Х. Кандинским своей болезни. Наследственная отягощенность в роду Кандинских. Архивные истории болезни. Анализ психического заболевания В. Х. Кандинского (вопросы психопатологии, клиники, течения, диагноза).

Прежде чем приступить к анализу имеющихся в нашем распоряжении материалов о перенесенной В. Х. Кандинским душевной болезни, необходимо выяснить, в какой мере целесообразно и правомерно использование их в научном аспекте. В психиатрической литературе существует на этот счет отрицательное мнение. Так, С. В. Курашов считал, что анализ истории болезни Кандинского «ничего не прибавил бы к

объективной ценности его научных исследований». Мы не можем согласиться с этим утверждением. Все относящееся к жизни известного ученого или видного деятеля культуры должно быть учтено и проанализировано при составлении его научной биографии. Считать же, что перенесенное психическое заболевание бросает какую-то тень на того, кто им страдал,— мы считаем предрассудком. Так думал и сам Кандинский, который еще в 1880 г. в своей первой работе о галлюцинациях дал подробное описание этого психопатологического феномена на основе самонаблюдения и последующего искусственного вызывания, с ретроспективным анализом.

«Имев несчастье,— писал он,— в продолжении двух лет страдать галлюцинаторным помешательством и сохранив после выздоровления способность вызывать известного рода галлюцинации по произволу, я, естественно, мог на себе самом заметить некоторые условия происхождения чувственного бреда». Не вызывает также никакого сомнения, что подробная история болезни Долинина, приведенная Кандинским в его классической монографии «О псевдогаллюцинациях», является описанием собственной болезни. «Доказательством этого предположения,— пишет Н. В. Иванов,— могут служить следующие факты. Долинин характеризуется Кандинским как военный врач; первый приступ его заболевания относится к периоду 1878—1879 гг., продолжительность приступа определяется в 1/2 года, далее сообщается о кратковременной двухмесячной вспышке психоза в начале 1883 г.; эти сроки в точности совпадают с датами заболевания самого В. Х. Кандинского. Поведение Долинина в 1883 г. характеризуется следующим образом: «Во время своей болезни он уклонялся сообщать об испытываемом им окружающим, отделялся при расспросах врачей самыми общими и неопределенными ответами»; это в точности соответствует записям лечащего врача о В. Х. Кандинском. Затем в истории болезни Долинина указывается, как под влиянием слуховых галлюцинаций он пришел к убеждению, что на него действуют двумя способами психической индукции; в работе 1880 г. Кандинский пишет о себе: «Для объяснения галлюцинаций я во время болезни изобрел особую теорию психической индукции». Таким образом, картина заболевания Долинина идентична картине болезни самого Кандинского.

Заслуживает внимания и то, что для обоснования своих научных концепций о галлюцинациях, псевдогаллюцинациях и явлениях психического автоматизма, кроме собственных самонаблюдений, Кандинский широко использовал также дневники и самоописания многих курированных им больных. Такой метод клинического исследования он считал важным и горячо рекомендовал. Следует отметить, что самописание нервных и психических расстройств осуществлялось многими видными

невропатологами и психиатрами.

Представляет интерес и то, что собственные психические расстройства хорошо описывались именно больными с явлениями психического автоматизма.

Ряд ценных сведений, кроме сообщенных самим Кандинским, содержится в истории его болезни в период пребывания в 1883 году в Доме призрения душевнобольных, учр. Александром III (ныне 3-я Ленинградская психиатрическая больница), обнаруженной в Ленинградском областном историческом архиве. Последняя бедна клиническими описаниями, особенно в сравнении с историей болезни Долинина. Однако содержащиеся в ней сведения, полученные от жены Кандинского и другие материалы, представляются весьма ценными. Некоторые дополнительные данные мы, кроме того, почерпнули в историях болезни двух родственников Кандинского, лечившихся в той же больнице, где он находился на лечении во время второго приступа заболевания.

Все это позволяет представить его историю болезни в следующем виде.

В анамнезе Кандинского привлекают внимание прежде всего данные о наследственности. Первоначально собранные нами сведения не свидетельствовали о наличии в роду Кандинских какого-либо психопатологического отягощения.

В монографии «О псевдогаллюцинациях», приводя историю болезни Долинина, Кандинский не дает никаких указаний на патологическую наследственность. Напротив, он прямо пишет: «Наследственного предрасположения в данном случае не было». В изученной нами архивной истории болезни Кандинского, относящейся к 1883 г., не только нет данных о наследственной отягощенности В. Х. Кандинского психическими заболеваниями, но даже имеется категорическое отрицание ее и в анамнезе со слов жены. На вопросы, заданные Е. К. Кандинской «Не наследственная ли болезнь?.. Не был ли кто-либо из родственников больного склонен к помешательству или другой тяжелой болезни?— последовал категорический ответ: «Никогда. Никто». Ошибочным оказалось и предположение о том, что психическим расстройством страдал известный художник, родоначальник абстракционистского направления в искусстве, В. В. Кандинский, родственную связь которого с Кандинским нам удалось установить. При рассмотрении живописи В. В. Кандинского казалось, что в первый период творчества его картины носили реалистический характер, а затем, как бы немотивированно и внезапно в них произошел сдвиг в сторону абстракционизма. Но проживающие в Москве родственники В. В. Кандинского, с которыми нам удалось

установить контакт, указали, что в переходе его к абстракционизму сыграла известную роль случайно перевернутая картина в домашней художественной галерее, показавшаяся ему более совершенной по сочетанию форм и красок.

Сам В. В. Кандинский подтверждает факт, что перевернутая картина натолкнула его на мысль, что «предметность вредна моим картинам», и в связи с этим он стал думать «в чем должен найти замену отринутый предмет?»

Но В. В. Кандинский также отмечает, и этому мы придаем большое значение, что на него, имевшего до того знакомство только с русской реалистической живописью, оказала большое влияние открывшаяся к тому времени в Москве выставка французских художников-импрессионистов и особенно картина Клода Моне «Сток сена». Представляет интерес указание В. В. Кандинского в этой же книге, что у его отца тоже билась «живая жилка художника»... «в юности занимался рисованием... мне ребенку, он часто рисовал».

Художественная одаренность была представлена и у других кяхтинцев из рода Кандинских, в частности семье Христофора Хрисанфовича Кандинского. Сам Христофор Кандинский, по данным Е. Д. Петряева, хотя и отличался многими странностями, был несомненно талантливым версификатором, мастером «прокатов». Но особенно одаренными оказались дети его дочери Клавдии Христофоровны Кандинской, вышедшей замуж за уже упоминавшегося известного кяхтинского купца А. М. Лушникова, находившегося в тесной дружбе с сосланными в Кяхту декабристами — братьями М. А. и Н. А. Бестужевыми.

По данным бывшего в ссылке в Кяхте И. И. Попова, женившегося на старшей дочери К. Х. Каидинской-Лушниковой — Вере, другая ее дочь — «Екатерина брала уроки скульптуры у знаменитого Родена, который считал ее талантливой и лучшей своей ученицей... Она прекрасно рисовала... Брат Александр учился в Академии художеств, а потом в Париже. В семье были музыканты — Александр и Апполлинария и певцы — Алексей и Клавдия...»

Мы установили также наличие художественной одаренности и в семье другого брата Кандинского — Ивана Хрисанфовича, проживавшего в Москве. Сведения эти получены от доцента Московской консерватории — музыковеда, автора многих ценных научных работ в области музыкальной критики — Алексея Ивановича Кандинского, оказавшегося внуком этого второго брата. Отец Алексея Ивановича московский врач-эпидемиолог был одновременно хорошим музыкантом. Два его сына: Алексей — 1950 г. рождения и Иван — 1953 г. рождения

также выявили большие способности и таланты в области искусства: первый в музыке, а второй — в живописи. В семье этих потомков Кандинских психической патологии не выявилось.

Кроме того, нам удалось установить связь с членом семьи Кандинских, живущим в г. Якутске, заслуженным деятелем искусств РСФСР, народным художником Якутской АССР Василием Алексеевичем Кандинским. Участник гражданской войны художник В. А. Кандинский в своем письме к нам сообщает, что, со слов отца, его дядя Василий Степанович Кандинский был тоже художник и погиб, участвуя в русско-японской войне.

«Все мои работы,— рассказал нам В. А. Кандинский,— находятся в Якутских музеях, а также в картинных галереях в районах. Произведения отражают историко-революционное движение, гражданскую войну, соцстроительство. Но в основном я воспеваю нашу якутскую прекрасную природу».

Наконец, удалось установить, что еще один представитель Кандинский, родившийся в Нерчинском заводском районе Читинской области, а ныне проживающий в Москве, Сергей Михайлович Кандинский также является художником.

Таким образом, на определенных этапах исследования в изученных нами ветвях большого семейства Кандинских, мы не смогли выявить наследственную отягощенность психическими заболеваниями. В то же время со всей определенностью выступила выраженная семейная одаренность в живописи и музыке. Однако дальнейшее изучение семейного анамнеза показало, что в роду Кандинских также широко представлена психопатологическая наследственность.

В Ленинградском областном историческом архиве нам удалось обнаружить историю болезни Марии Ксенофонтовны Кандинской, которая в течение многих лет (с 1892 по 1919 г.) находилась на лечении в Петербурге в Доме призрения душевнобольных, учр. Александром III. Рассмотрение этой большой истории болезни не возбуждает сомнений в диагнозе параноидной формы шизофрении. В клинической картине заболевания имел место стойкий любовный бред, разорванность речи с симптомом монолога и периодически наступающее тяжелое психомоторное возбуждение. Указывается также на тяжелую наследственную отягощенность больной: «Наследственность: мать — душевнобольная, двоюродная сестра матери тоже душевнобольная. Двоюродный брат со стороны отца (врач) также был психически болен». Кроме того, в архиве обнаружена история болезни Кандинской Анны Христофоровны, находившейся в Доме призрения душевнобольных, учр. Александром III, с 23. IX 1886 г. по 1. IX 1889 г.. В клинической

картине болезни преобладали явления психического автоматизма: идеи воздействия «чужие мысли». В анамнезе имеется скупое указание: «Между родственниками были психически больные». Наконец, в монографии В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» приводится история болезни Александра Мелехина, о котором Кандинский пишет, что это один из его дальних родственников. Таким образом, вопрос о наследственной отягощенности психическими заболеваниями В. Х. Кандинского, мы полагаем, может быть решен утвердительно.

Итак, в семейном анамнезе Кандинского выявляются две линии наследственности: одна в наследовании талантов в живописи и музыке, другая — в виде психических заболеваний. О наследственной отягощенности психическими заболеваниями и ее роли в возникновении психической болезни у Кандинского пишет также в своем некрологе А. Роте.

В отношении анамнеза жизни, предшествующего душевному заболеванию Кандинского, кроме сведений, сообщенных в предшествующих главах нашей книги, где нельзя отметить каких-либо факторов, которые можно было признать способствующими возникновению болезни, известный интерес представляют, как было указано, некоторые данные со слов жены, описывающей второй приступ психоза в 1883 году.

Из приложенного к истории болезни Кандинского опросного листа жены мы узнаем, что мать Кандинского была здоровой женщиной и роды его прошли благополучно, что и он сам не болел на протяжении жизни какими-либо серьезными заболеваниями. Далее мы читаем, что В. Х. Кандинский «никогда не имел вредных привычек», «внезапных перемен в его характере не отмечалось», и он «всегда был одинаков», что он «жизнь вел очень правильную, был чрезвычайно трудолюбив», умственные свои способности «не ослабил, хотя и занимался непрерывно и постоянно поздно ложился». Жена Кандинского указывает, что он всегда исполнял обязанности «безукоризненно» и что попытки к самоубийству у него были только во время первой болезни.

Чтобы лучше понять ту психическую болезнь, недуг, которым страдал Кандинский, следует коротко остановиться на характеристике его личности. Некоторые данные о личности Кандинского изложены нами в предшествующих главах и в ответах его жены по опросному листу, приложенному к истории его болезни. Постараемся пополнить эти данные. Но раньше целесообразно самым кратким образом остановиться на том, какое содержание мы вкладываем в понятие «личность». Как и ряд других авторов, занимавшихся этой проблемой, мы считаем, что личность характеризуется системой отношений к людям,

обществу. Личность оценивается в первую очередь по тому, как человек относится к семье, детям, близким ему людям, друзьям, товарищам, к труду, к общественным обязанностям, к самым различным общественным явлениям и событиям. Все это определяет круг интересов, уровень, богатство личности, которая раскрывается в высказываниях и в поведении, в деятельности, особенно такой, как выполнение человеком социальных функций. Личность — не абстрактный дух, личность, — как указывает К. Маркс, — это прежде всего человек с горячей кровью, солдат, защищающий отечество, член общества, отец семейства, наконец, самое главное — гражданин. В понятие личности, следовательно, включаются многочисленные качества и свойства человека, специфически проявляющиеся в зависимости от места, времени и условий его жизни и деятельности. Определяющими являются качества как члена общества, субъекта истории, как гражданина.

Однако, характеризуя личность человека в связи с возникшим у него душевным заболеванием, важно иметь в виду и другие ее параметры. Это, в первую очередь, конституционно-биологические свойства и психологические качества. Надо знать как формировалась личность человека, как протекала его жизнь, насыщена ли она была травмирующими переживаниями и как он на них реагировал. Важно установить, имелись ли в личности человека предпосылки к возникновению душевного заболевания и отдельные личностные факторы, способствующие его преодолению.

Прежде всего хотелось бы отметить, что в высказываниях о Кандинском выдающихся передовых психиатров, его современников, выражалось глубочайшее к нему уважение и самое теплое отношение. Ярко раскрывается его облик как человека одаренного, талантливого и в то же время очень располагающего к себе. Поражает его удивительная собранность и целеустремленность, глубочайшая ответственность и высокая принципиальность, а также большая требовательность к людям и прежде всего к себе.

Кандинский выступает в характеристике современников и при рассмотрении объективных материалов о его деятельности как страстный, увлекающийся ученый, полный самопожертвования и самоотречения, неутомимый в поисках и отстаивании научной истины. В практической жизни он в то же время был скромным, отзывчивым, добрым человеком.

«Прекрасный семьянин, редкий товарищ, серьезный труженик науки, честнейший гражданин, — душевно пишет о нем видный харьковский психиатр П. И. Ковалевский, — Виктор Хрисанфович принадлежал к числу тех русских психиатров, которые любили свою Родину, всецело отдавали ей душу и

жизнь...».

В том же духе высказывается редакция журнала «Медицинское обозрение», в работе которого (как мы выше писали) в раннем периоде своей научной и врачебной деятельности Кандинский принимал активное участие. Редакция характеризует Кандинского как «одного из самых старых и талантливых своих сотрудников», «редкого товарища и друга», «высокообразованного врача-философа».

Многими современниками Кандинского отмечались его высокие моральные качества. «Он был не только муж науки,— указывает о Кандинском А. Роте,— но и человек в истинном смысле этого слова с полным теплом сердцем к окружающим и где только он мог им помогал и пользовался безграничной привязанностью, уважением и любовью».

О том же пишет В. Ф. Чиж. Он упоминает о «трогательном» отношении к Кандинскому работавших с ним надзирателей и надзирательниц в больнице Николая Чудотворца.

В. Ф. Чиж приводит весьма интересный факт, что аптечный служитель больницы, после 12-летней службы в первый раз отпросившийся в двухнедельный отпуск на родину и получивший от своих сослуживцев телеграмму о смерти Кандинского, немедленно издалека приехал обратно в Петербург, чтоб проститься с покойным. А. Ф. Чиж отмечает большую скромность и бескорыстность Кандинского. Он пишет о нем как об «истинно-нравственном человеке», не понимавшем «как золото и почести могут возбуждать поклонение», имевшем своими идеалами: «истину, справедливость, красоту». Указанные черты гуманности в личности В. Х. Кандинского, однако, не должны составлять о нем представление как о бесхарактерном человеке. Мы уже отмечали его принципиальность и бескомпромиссность в отстаивании своих взглядов как ученого, его страстность в борьбе за научную истину.

Не случайно А. Роте писал, что он «муж науки», а в некрологе Петербургского общества психиатров можно прочесть о Кандинском следующее: «Обладая независимым характером и будучи всецело предан научным интересам, он представлял собой тип оригинального мыслителя и ранняя его смерть на 40-м году жизни составила большую потерю для психиатрического мира».

Следует отметить еще одну черту в его личности. Это удивительная целенаправленность, последовательность в научных поисках и стройность мирозерцания. «В стройном мирозерцании,— писал он,— нет места прорехам и цепь умозаключений, имея точкой исхода конкретные факты опыта,

должна восходить до высших обобщений нашей мысли».

Касаясь истории самого заболевания В. Х. Кандинского, факторов его вызывающих или поводов к его возникновению, необходимо указать на следующее. Жена В. Х. Кандинского на вопрос в уже нами цитированном опросном листе: «Какую полагаете причину болезни?» ответила: «Чрезмерные усиленные умственные занятия и волнения». Как видно из дальнейших ее пояснений, она сообщала в этом случае об условиях, предшествующих приступу в 1883 году. Е. К. Кандинская там же сообщает, что этому предшествовала бессонница: «не спал несколько ночей подряд». Скорей можно думать, что бессонница не предшествовала, а была сама проявлением психотического приступа.

Сам В. Х. Кандинский в своей монографии о псевдогаллюцинациях также указывал на значение «умственного утомления от работы по ночам», «умственных эксцессов», «временных затруднительных обстоятельств жизни», а также добавочных экзогенных вредностей. Для первого приступа, пишет он, это были «злоупотребления спиртными напитками... впрочем в размерах, обыкновенных для людей военных», а для повторного приступа — в 1883 году — может быть частью и под влиянием «аутоэкспериментов» с приемом в небольших дозах экстракта конопли или опия.

Ссылаясь на воспоминания М. В. Сабашникова, выше мы указывали, что психоз возник у Кандинского остро во время атаки на Батумском рейде парохода «Великий князь Константин» на сторожевой турецкий пароход. Будучи в болезненном психическом состоянии, Кандинский совершил тогда попытку к самоубийству, бросившись в воду, но был спасен.

Вряд ли можно сомневаться, что ситуация во время боя носила характер психогении и, возможно, что Кандинский это и имел в виду, когда указывал, что одной из причин возникновения у него психоза являются «временные затруднительные обстоятельства жизни». Но остается открытым вопрос: следует ли рассматривать эту острую манифестацию психоза у Кандинского как реактивно, психогенно вызванный психоз или правильней ее расценить как только психогенно спровоцированное начало эндогенного психического заболевания, а если так, то какова его нозологическая принадлежность.

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо проанализировать психопатологические проявления и течение психической болезни у Кандинского, частично используя для этого также его самописание. Наибольшего внимания заслуживают, во-первых, многочисленные выдержки из истории его болезни,

приведенной под именем больного Долинина, напечатанные в книге В. Х. Кандинского о псевдогаллюцинациях.

Во-вторых, весьма интересны оценка и характеристика, даваемые Кандинским своему заболеванию в статье «К учению о галлюцинациях», напечатанной в 1880 году по выздоровлении после первых приступов.

Хотя высказывания Кандинского о своей болезни, о чем мы уже упоминали, по их высокому качеству и богатству не могут идти ни в какое сравнение с той его подлинной историей болезни, которую удалось обнаружить в Ленинградском историческом архиве, следует все же иметь в виду, что они не имели самодовлеющего характера и являлись для В. Х. Кандинского лишь подтверждающими иллюстрациями научных идей, высказываемых им в его научных работах, и потому не должны расцениваться как полная и цельная история болезни.

В монографии о псевдогаллюцинациях Кандинский дает изумительно тонкое и в то же время красочное описание многочисленных и разнообразных психопатологических феноменов, наблюдавшихся им в течении собственного заболевания.

Тут и бредовые идеи преследования в сочетании с идеями величия, идеи воздействия с парафренной окраской. Налицо также почти все симптомы, входящие в сложный синдром психического автоматизма (мысленное общение и индуцирование, прямая и обратная открытость мыслей, насильственное говорение, прочие рече-двигательные феномены и др.). Но особенно полно, как об этом можно судить по книге «О псевдогаллюцинациях», в психическом состоянии Кандинского была представлена патология в сфере восприятий. В ней описываются обманы чувств в виде галлюцинаций, псевдогаллюцинаций, образных фантазирования, галлюцинаций простых и сложных, комплексных и сценических в разных анализаторах (слуховом, зрительном, обонятельном и др.), а также галлюцинации общего чувства, музыкальные, аутоскопические, как единичные, так и по типу сплошного галлюцинирования, протекающего в рамках образно-чувственного бреда и расстройства сознания. Последние описаны Кандинским в форме онейроидных состояний. Вся полиморфная продуктивная симптоматика протекала на измененном аффективном фоне: то повышенном с маниакальной окраской, то, значительно чаще, в форме выраженной депрессии, с неоднократным суицидальными попытками.

Если попытаться дать обобщающую характеристику психического состояния на разных этапах болезни Кандинского, то их можно определить как остро и подостро протекающие,

весьма продуктивные галлюцинаторно-параноидные приступы, возникающие на аффективно измененном фоне, преимущественно депрессивном.

Такова психопатологическая картина перенесенного Кандинским психического заболевания, ярко описанная им в монографии «О псевдогаллюцинациях».

Высказывания Кандинского о своей болезни в статье «К учению о галлюцинациях» дополняют самоописание болезни в монографии «О псевдогаллюцинациях» и представляют большой интерес в разных отношениях.

Прежде всего следует отметить, что Кандинский со всей определенностью дает характеристику галлюцинаторно-параноидного синдрома, наблюдающегося в клинической картине его заболевания как преимущественно галлюцинаторного. Он прямо пишет: «Я испытал обильнейшие и разнороднейшие галлюцинации во всех чувствах, за исключением разве вкуса... самыми частыми, самыми разнообразными и живыми были у меня галлюцинации зрения, осязания или общего чувства»... В то же время, рассматривая бред и галлюцинации в клинической картине во временных отношениях, он указывает на наличие на первом этапе его заболевания только одного бреда. «Первые месяцы болезни, — пишет он, — галлюцинаций вообще вовсе не было. Этот первый период болезни главным образом характеризовался усиленной, хотя и беспорядочной, интеллектуальной деятельностью, так сказать интеллектуальным бредом (обилие идей, их быстрый и в то же время неправильный ход, ложные и насильственные представления...). Если первый стадий болезни можно назвать стадией интеллектуального бреда, то второй период существенно характеризуется чувственным бредом». Касаясь соотношения между бредом и галлюцинациями в их содержании, можно отметить самонаблюдение Кандинского о выраженной разобщенности между ними. «... С удивлением заметим, как сравнительно мало характер галлюцинаций определяется характером интеллектуального бреда. Вообще, разве только 1/10 всех испытанных мною галлюцинаций имела прямую связь с насильственными и ложными представлениями». И, наконец, представляет особый интерес то, что в соотношениях между бредом и галлюцинациями на этапе, когда начинают преобладать галлюцинации, Кандинский отмечает известный антагонизм между этими двумя психопатологическими феноменами. «С появлением и развитием галлюцинаций, — пишет он, — прежний, чисто интеллектуальный бред, стал отходить на задний план. Вообще, в период чувственного бреда интеллектуальная сфера уже не работала, как прежде усиленно, скорее бездействовала».

Отсюда и предпринятое им самолечение, когда усиленной умственной работой он преодолевал у себя галлюцинации.

Высказывания Кандинского, касающиеся преодоления им в период выздоровления еще частично сохранившихся галлюцинаций, настолько интересны и значимы в плане выявления высоких возможностей применения с лечебной целью умственного труда, что мы считаем целесообразным их полностью привести. «... Без энергического вмешательства воли мои галлюцинации, вероятно, превратились бы в стабильные и оставшаяся без пищи интеллектуальная деятельность погасла бы окончательно. Вполне освоившись с галлюцинациями, я не боясь «утомлять себя», принялся за книги. Сначала читать было трудно, потому что занятию постоянно мешали галлюцинации слуха и зрительные образы становились между глазами и книгой... С возобновлением же правильной умственной деятельности галлюцинации стали более бледными, редкими, но прекратились совершенно только спустя несколько месяцев после того... соразмерные с силами больного умственные занятия чрезвычайно помогают в период выздоровления избавлению от галлюцинаций».

Приведенные данные, касающиеся психопатологической картины болезни Кандинского, сочетания и смены наблюдающихся в ней синдромов, для правильной клинической диагностики должны быть дополнены общей характеристикой ее течения. Оно складывается при изучении истории болезни Кандинского, хранящейся в Ленинградском областном историческом архиве.

В этой истории болезни имеются указания жены Кандинского, что он «страдал душевным расстройством с мая 1877 года по апрель 1878 года и с сентября 1878 года по май 1879 года», т. е. перенес за эти годы два приступа психоза с перерывом между ними в четыре месяца. Сам же Кандинский считал, что в то время был только один приступ, затянувшийся до двух лет. Следующий, второй приступ наступил в 1883 году. Вначале, с 7 по 16 марта 1883 года, он наблюдался в домашних условиях главным доктором Петербургской психиатрической больницы им. Николая Чудотворца О. А. Чечотом, а с 16 марта по 20 апреля того же года находился на излечении в Доме призрения для душевнобольных, учрежденном Александром III.

В. Х. Кандинский пишет об этом приступе психоза следующее: «На этот раз болезнь протекла быстро, так что менее чем через два месяца способность здорового критического отношения к болезненным субъективным фактам (как переживавшимся в это время, так и пережитым до периода decrement!) вполне возвратилась».

Таковы сохранившиеся, документально подтвержденные сведения о приступах душевного заболевания у Кандинского.

Но, кроме этого, имеются еще данные, которые позволяют думать, что приступы болезни повторялись и позже, но уже без того, чтобы он во время их стационарировался в психиатрическую больницу. Об этом в какой-то мере свидетельствует С. С. Корсаков, который в своем письме М. Ф. Беккер от 23 августа 1887 года пишет из Крыма: «Кандинского я там встретил, он чувствует себя хорошо, хотя говорит, что иногда бывает тоскливость».

О неблагоприятном состоянии Кандинского в начале 1889 года можно судить еще по одному факту. Живя с 1881 года в Петербурге, В. Х. Кандинский был очень аккуратен в посещении Петербургского общества психиатров, действительным членом которого состоял и в жизни которого активно участвовал. Но в 1889 году он посетил только одно заседание (21 января), а на всех остальных, вплоть до кончины, отсутствовал.

Со всей определенностью на повторный характер приступов психоза у Кандинского, в частности на приступ в 1889 году, указывает в своих воспоминаниях М. В. Сабашников. «Оправившись после одного из приступов болезни, он (Кандинский) слишком рано вернулся на работу в больницу. Под влиянием позыва к самоубийству, бывавшего у него обычно в переходном периоде к здоровому состоянию, он взял из аптечного шкафа в больнице опий и по возвращении домой принял безусловно смертельную дозу этого яда. Уменье и склонность к научному самонаблюдению не покинули его и в эти минуты. Он взял лист бумаги и стал записывать: «Проглотил столько-то граммов опиума. Читаю «Кзаков» Толстого». Затем уже изменившимся почерком: «читать становится трудно». Его нашли уже без признаков жизни».

Подтверждением этих воспоминаний М. В. Сабашникова являются аналогичные описания последних минут жизни Кандинского в некрологе А. Роте. «В оставленных после себя бумагах, — пишет А. Роте, — имеются указания, что он (Кандинский) до последнего мгновения был занят наукой. Его записки кончились словами: «Я не могу больше писать потому, что я не вижу больше ясно. Света! Света!».

Несколько иную трактовку самоубийства В. Х. Кандинского, чем М. В. Сабашников и А. Роте, дает В. Ф. Чиж. Выступая на похоронах Кандинского, в своем обращении к покойному у его гроба он говорил: «Но жить тебе было тяжело; мало кто понимал и ценил тебя; тебе много пришлось вытерпеть и больше всего, конечно, от тех, кто никогда и ничему, кроме золота и почестей, не поклонялись и для кого ты, человек убеждения, человек

идеалов — являлся живой укоризною; наконец, дорогой товарищ, ты не выдержал»».

Как видно из этой надгробной речи В. Ф. Чижа, он объясняет самоубийство В. Х. Кандинского тяжелой ситуационной психогенией, которую последний «не выдержал». Мы не можем согласиться с этой трактовкой психической болезни и смерти Кандинского. Мы полагаем, что наличие психического травмирования, если оно даже связано во времени с возникновением приступов психоза у Кандинского, нельзя признать достаточным для признания психоза реактивного психогенной природы. Против этого и говорит и клиническая картина приступов, сдвоенный характер аффективной и галлюцинаторно-параноидной симптоматики с нейтральным содержанием, не отражающим тематику психогении. Против этого говорит и рецидивирующий характер самого психического заболевания.

Мы полагаем, правильно другое предположение. И психическое травмирование Кандинского во время боя на Батумском рейде, совпавшее во времени с первой психотической вспышкой, и, возможно, наличие психогении перед последним приступом психоза, приведшим к столь трагическому концу — в обоих этих случаях психогения явилась лишь фактором, спровоцировавшим психоз иного эндогенного происхождения.

Что же это за психоз? Какова его нозологическая принадлежность? Вопрос этот был предметом размышлений и самого Кандинского, убедительность суждений которого по данному вопросу настолько велика, что мы считаем целесообразным их привести.

В монографии о псевдогаллюцинациях, в написанной под фамилией Долинина собственной истории болезни, Кандинский просто проставляет, без какой либо аргументации, такой диагноз: «Галлюцинаторный первично бредовый психоз (paranoia hallucinatoria)». В цитированной уже более ранней работе «К учению о галлюцинациях» он не только ставит перенесенному им психическому заболеванию диагноз «первичное умопомешательство», но и обосновывает его, подвергая критике тех врачей-психиатров, которые диагностировали его болезнь, как «меланхолию». Указывая на несовместимость диагноза «меланхолия» с обильными и разнообразными галлюцинациями с предшествующим им первичным бредом, Кандинский одновременно проводит глубокий анализ той сложной депрессии, которая сопровождала ведущий в клинической картине заболевания галлюцинаторно-параноидный синдром: «Было в это время,—пишет он,— и угнетенное состояние духа, но далеко не на первом плане, кроме того, для тоски можно указать достаточные реальные причины:

изменение условий жизни, прекращение привычной деятельности, разлука с близкими людьми, наконец, сознание болезни и представление возможных последствий, например, слабоумия». К этому следует добавить, что депрессия могла быть частично обусловлена и содержанием галлюцинаторных и бредовых переживаний, что отчетливо было выражено, кстати сказать, в приступе заболевания у Кандинского в 1883 году.

Следует сказать, что оба диагноза, поставленные Кандинским своему заболеванию: «галлюцинаторный, первичный бредовый психоз» и «первичное помешательство» соответствуют выделенной им впервые душевной болезни — идеофрении, в которой можно видеть прообраз позже описанной Е. Блейлером шизофрении. Течение заболевания, как видно из приведенных данных, носило весьма доброкачественный характер. Его можно отнести к той разновидности приступообразного протекания шизофрении, которое в настоящее время определяется как периодическое, когда болезнь проявляется в очерченных, острых приступах, а продуктивная симптоматика сочетается с аффективными расстройствами и наступают глубокие полноценные ремиссии. Такой характер течения болезни у Кандинского подтверждают данные о его психическом состоянии вне приступов в ремиссионном периоде.

Так, Кандинский пишет, что после «первой душевной болезни, продолжавшейся более полутора лет, Долинин [Кандинский] в течение четырех лет пользовался полным психическим здоровьем и не без некоторого успеха продолжал свою начатую раньше карьеру».

Полноценную и глубокую ремиссию после заболевания Кандинского в 1877 — 1879 годах описывает также в своих воспоминаниях В. М. Сабашников, отдыхавший с ним летом 1880 года на даче в с. Волынском под Москвой. «По соседству мы часто бывали друг у друга, — пишет В. М. Сабашников, — устраивали совместные прогулки и поездки и за это лето сестры [В. М. Сабашникова] сошлись с В. Х. Врач-психиатр, углубленный в изучение философии, человек живой и общительный, умевший хорошо и общедоступно говорить о самых сложных вопросах, он скоро сделался у сестер авторитетом и втянул их на некоторое время в чтение по философии».

Об этом же свидетельствует весьма интенсивная научная деятельность Кандинского в ремиссионный период между приступами заболевания в 1877— 1879 гг. и в 1883 году. С 1879 по 1883 год он опубликовал две монографии философского и психологического содержания, ряд статей и рецензий; перевел с немецкого языка на русский с добавлением новейших анатомо-физиологических данных капитальный труд В. Вундта

«Основание физиологической психологии», «Руководство к физиологии человека» Ландуа, книгу Т. Мейнерта «Механика душевной деятельности»; разработал классификацию психических заболеваний и активно участвовал в очень важной дискуссии о формулировании в новом «Уложении о наказаниях» статьи об условиях вменения.

В отношении становления ремиссии после приступа в 1883 году представляют интерес данные, которые сообщает жена В. Х. Кандинского и он сам. Становление этой ремиссии проходило через этап колеблющегося психического состояния с исчезновением и возобновлением продуктивной симптоматики.

Так, в письме Е. К. Кандинской от 30 апреля 1883 г. главному врачу Дома призрения душевнобольных, учр. Александром III, через две недели после выписки Кандинского из этого психиатрического стационара значится: «... Состояние его [В. Х. Кандинского] здоровья представляет значительные колебания; после некоторого ухудшения на страстной неделе, оно значительно улучшилось на Пасхе... В настоящую минуту он неудержимо стремится в больницу для приведения в порядок библиотеки и возится там до истощения сил, чем это кончится, не знаю...».

Сам Кандинский подтверждает эти наблюдения жены: «Через два месяца способность здорового критического отношения к болезненным субъективным фактам... вполне возвратилась, но слуховое галлюцинирование продолжалось, постепенно ослабевая, еще около месяца». После того как ремиссия после приступа 1883 года установилась, она так же, как в предыдущий раз, оказалась исключительно высокого качества.

Это убедительно подтверждают объективные данные о деятельности В. Х. Кандинского и его научной продуктивности.

После приступа в 1883 году, вплоть до нового обострения заболевания, с трагическим концом, В. Х. Кандинский опубликовал свою знаменитую монографию «О псевдогаллюцинациях», проводил многочисленные ответственные судебно-психиатрические экспертизы, подготовил к печати монографию «К вопросу о невменяемости», изданную посмертно его женой, активно участвовал в 1-м съезде отечественных психиатров. То, что Кандинский в той же больнице Николая Чудотворца, где он, работая, заболел, был избран через 2 года (в 1885 году) на более высокую должность старшего ординатора, а также то, что он являлся, как и С. С. Корсаков, ответственным секретарем 1-го Отечественного съезда невропатологов и психиатров, достаточно убедительно говорит об исключительно высоком качестве ремиссий в течении его заболевания и подтверждает диагноз

периодической шизофрении.

Этот диагноз также подкрепляет приведенные выше данные о наличии в роду Кандинских патологической наследственной отягощенности душевными заболеваниями в форме шизофрении. В психиатрической литературе подчеркивается, что наиболее часто наследственная отягощенность шизофренией наблюдается у больных с периодическим типом течения этой болезни.

Выше приводились также данные о наличии в роду Кандинских наследования художественных способностей и одаренности. В связи с этим позволим себе отметить, что, возможно, художественная одаренность в роду Кандинских получила в какой-то мере отражение в преобладании чувственно-образной психопатологической продукции во время приступов психоза у Кандинского. Речь идет о красочности, отчетливости в деталях и цветном характере испытываемых им псевдогаллюцинаций, а также об удивительной зрительной памяти, выявившейся при их описании. Но следует иметь в виду, что вопрос этот очень сложен и в задачу нашу не может входить выяснение в полной мере отношений двух линий наследственности: психопатологической и специальных творческих способностей. Мы должны лишь подчеркнуть, что не только не разделяем, но считаем глубоко ошибочными и вредными концепцию общей наследственной основы гениальности и помешательства, высказываемую в свое время Ломброзо, а также представления, что одаренность и психическое расстройство имеют общий корень в ненормальности, в одном случае — прогенерацию, в другом — дегенерацию.

Не разделяем мы по этому вопросу и взглядов нашего советского ученого Г. В. Сегалина, который утверждал, что для полного раскрытия творческих способностей человека необходимо наличие двух наследуемых факторов: скрытой одаренности и психотического компонента. Психотический компонент, по его мнению, способствует разворачиванию таланта, тогда как нормальность психики этому якобы препятствует. Напротив, мы видим в психическом здоровье человека одну из важных предпосылок его полноценного творчества, а в социальных условиях — необходимый и важный фактор превращения наследственных задатков и возможностей, того или иного специального вида одаренности в реальную действительность в виде расцвета таланта. В то же время мы считаем, что отнюдь не следует отрицать большие возможности богатого творчества у людей с теми или иными психическими расстройствами. Психические заболевания только в части случаев наносят глубокий и непоправимый ущерб личности, они редко тотально ее разрушают.

Выше мы останавливались на понимании личности человека как

сложного интегрального качества его психики. Здесь необходимо добавить следующее. Человек со сложившейся, сформировавшейся личностью, с выявившимися потребностями, склонностями, определенными чертами характера, установившимися убеждениями, политическими и морально-этическими взглядами определенным образом реагирует на вредоносные воздействия, вызывающие у него психическую болезнь, а не воспринимает ее пассивно и индифферентно. Он переживает болезнь, борется с ней. Надо иметь в виду большие возможности личности в компенсации и преодолении тех отрицательных на нее воздействий, которые несут с собой психические болезни. Следует учитывать и высокую их обратимость, в связи с успехами лечения и социально-восстановительными мероприятиями, которые увеличились в последнее время.

Мы полагаем, что болезнь В. Х. Кандинского может служить убедительным примером того, как личность борется и преодолевает свое психическое заболевание. Жизнь его можно без преувеличения признать подвигом.

Будучи психиатром, он сумел как бы подняться над перенесенным психозом, осуществляя самонаблюдения и изучая его проявления, когда «способность здорового критического отношения вполне возвратилась, но слуховое галлюцинирование продолжалось, постепенно ослабевая...». Можно согласиться с Н. В. Ивановым, считающим, что в этом во весь рост встает сам Кандинский. «Какую нужно было иметь любовь к науке, — пишет он, — чтобы после приступа заболевания, зная терапевтическую беспомощность психиатрии своего времени, все же «неудержимо стремиться» к постановке самоэкспериментов, к изучению сложной проблемы галлюцинаций».

Глава шестая. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ В. Х. КАНДИНСКОГО

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**

Л.Л.Рохлин

Развитие психиатрии в 80-х годах прошлого столетия в Петербурге. Роль кафедры психиатрии Военно-медицинской академии. Московская и Петербургская школы психиатров. Петербургская психиатрическая больница Николая Чудотворца и работа в ней В. Х. Кандинского. Участие В. Х. Кандинского в деятельности Петербургского общества психиатров. I съезд отечественных психиатров. Семейная жизнь. О жене В. Х. Кандинского. Смерть В. Х. Кандинского.

В 1881 году В. Х. Кандинский переезжает в Петербург и устраивается на работу в Петербургскую психиатрическую

больницу Николая Чудотворца.

Отныне вся его жизнь, вплоть до ее трагического конца, связана со столицей царской России и протекает в коллективе петербургских психиатров. Это наиболее важный этап его жизненного пути, охватывающий почти полностью 80-е годы прошлого столетия. Он являлся периодом расцвета творческого таланта Кандинского на психиатрическом поприще, к которому он давно, как мы видели, стремился и долго готовился. Он знаменателен еще и потому, что 80-е годы в Петербурге были годами особенно успешного развития научной и практической психиатрии.

В первой главе уже давалась характеристика состояния отечественной психиатрии во второй половине XIX столетия, многое относится к 80-м годам и к петербургской психиатрии. Поэтому, не вдаваясь в подробности, перечислим только некоторые наиболее важные факты, касающиеся Петербурга:

1. Особенно интенсивная научная работа кафедры нервных и душевных заболеваний при Медико-хирургической академии, которая выражалась в успешной защите большого числа диссертаций, публикаций научных монографий.
2. Замещение кафедр психиатрии воспитанниками Медико-хирургической академии в периферийных университетах, с тех пор как, согласно новому уставу высшей школы 1884 года, психиатрия начата признаваться обязательным предметом преподавания.
3. Возобновление деятельности Общества психиатров, которое в 80-х годах стало проводить регулярно свои заседания с живым, активным обсуждением наиболее актуальных научных проблем и организационных вопросов в области психиатрии.
4. Создание в 1883 году журнала «Вестник клинической и судебной психопатологии и невропатологии», что явилось важным шагом в развитии научной деятельности, обмена опытом и внедрения в практику научных достижений.

В области практической психиатрии надо указать на следующие события большого значения:

1. Передача в 1884 году из ведения Приказа общественного призрения в Петербургское городское управление учреждений по попечению душевнобольных.
2. Рост сети психиатрических учреждений, числа обслуживаемых ими больных и большая работа по

реорганизации психиатрической помощи в Петербурге.

3. Активное развертывание психиатрической экспертной деятельности в судебных органах в новых условиях после судебной реформы 1864 года, широкое обсуждение в Петербургском обществе принципиальных и методических вопросов судебной психиатрии.

4. Укрепление руководства и улучшение врачебного состава психиатрических больниц за счет привлечения к работе в них докторов медицины, научных и педагогических работников, прошедших подготовку на кафедре нервных и душевных болезней Петербургской Медико-хирургической академии.

Мы дали краткую научную и практическую характеристику петербургской психиатрии в 80-х годах, когда в Петербурге жил и работал Кандинский. Следует однако оговориться, что такое разделение нередко условно.

Весьма важно подчеркнуть, что в Петербурге тогда было особенно выражено нерасторжимое единство врачей-психиатров, работающих в системе научных учреждений и в психиатрических больницах. Несомненно, тон этому задавал руководивший кафедрой нервных и душевных болезней Петербургской Медико-хирургической академии И. П. Мержеевский. Приняв эстафету от своего выдающегося предшественника И. М. Балинского в отношении активной помощи кафедры практическим психиатрическим учреждениям, он дополнил ее огромным размахом научной работы как в стенах кафедры, так и за ее пределами.

В осуществлении объединения в единую семью психиатров, работающих на ниве науки и подготовки кадров с врачами, ведущими практическую работу в сочетании с научной деятельностью, сыграли роль Петербургское общество психиатров и «Вестник клинической и судебной психопатологии и невропатологии», возглавлявшиеся в 80-х годах И. П. Мержеевским.

Мы говорим обо всем этом потому, что в состоянии петербургской психиатрии 80-х годов видим одно из важных условий, способствовавших Кандинскому в петербургский этап жизни так успешно развернуть творческую деятельность, хотя он был только рядовым врачом. Но было бы также неправильным представлять, что он только «пожинал плоды» и пользовался указанными моментами петербургской жизни того времени.

Как будет отмечено в дальнейшем, в силу своей активной натуры В. Х. Кандинский сам участвовал в создании этих условий и оказывал большое положительное влияние на

петербургскую психиатрию.

Необходимо иметь в виду, что в вышеизложенном о психиатрии Петербурга 80-х годов речь идет только о господствующих тенденциях в ее развитии, которые реализовались не автоматически, а в направленной борьбе противостоящими и противоборствующими факторами. К таким факторам следует отнести прежде всего свирепствующую и все усиливающуюся реакцию в политической жизни России того времени.

В конце 80-х годов царское правительство предприняло ряд шагов по отмене прогрессивных реформ 60-х годов и мероприятий, восстанавливающих привилегии дворянства. Оно усилило политические репрессии и стремилось углубить влияние на все отрасли экономической и культурной жизни страны бюрократического, административного и полицейского аппарата. Но эти мероприятия царского правительства находились в глубоком противоречии с ходом исторического развития России, быстрым поступательным движением капитализма, ростом рабочего движения с проникновением в него революционных идей марксизма и оказались бессильными задержать неодолимый ход истории и парализовать отвечающие новым потребностям жизни утверждающиеся формы общественной активности. Однако последствия реакционной политики все же сказались в разнородности состава, пестроте политической настроенности различных общественных и культурных организаций того времени, в том числе относящихся к психиатрии. Наряду с буржуазно-либеральными и либерально-демократическими, оппозиционными царизму группировками, в них были также и реакционные элементы, слепо следующие установкам административного бюрократического аппарата царского правительства. Все это, конечно, делало не гладкой, а противоречивой жизнь петербургских психиатров того времени, и поступательное движение психиатрической науки и практики в период 80-х годов наталкивалось на препятствия и бюрократические рогатки, которые приходилось активно преодолевать.

Характеризуя психиатрию Петербурга 80-х годов предыдущего столетия, чтобы полнее осветить жизнь в нем Кандинского в этот период времени, мы не можем обойти еще одного важного вопроса.

Речь идет о том, что в психиатрической литературе петербургская психиатрическая школа настойчиво противопоставлялась, якобы кардинально от нее отличной, московской школе психиатров. Такое противопоставление проистекало из аналогичного, но более общего, подхода в сравнительной оценке внутренней медицины в Петербурге и Москве, ассоциируясь, с одной стороны, с именем С. П. Боткина

и с другой — Г. А. Захарьина и А. А. Остроумова. Однако в эти, казалось бы, недискутабельные концепции, ряд авторитетных авторов в последнее время пытаются внести коррективы. Так, Б. Д. Петров, касаясь этого вопроса, пишет. «В свое время, несколько десятилетий тому назад, историки медицины скрупулезно выясняли, а нередко выдумывали различия между теориями и позициями С. П. Боткина, Г. А. Захарьина, А. А. Остроумова. Теперь с дальней исторической дистанции отчетливо видно, что различия, имевшиеся между школами, интересны, важны и существенны, но во много раз важнее, существеннее их сходство — то, что их объединяет и роднит, эти, на первый взгляд, различные клинические школы». Аналогичных взглядов в отношении психиатрических школ Петербурга и Москвы держится О. В. Кербиков.

Мы разделяем точку зрения по этому вопросу Б. Д. Петрова и О. В. Кербикова. Так же, как упомянутые авторы, мы хотели бы подчеркнуть общность и единство взглядов московских и петербургских психиатров в основных мировоззренческих, клинических и социально-психиатрических проблемах.

Да это и понятно. Во-первых, петербургских и московских психиатров характеризовало выраженное влияние, как уже указывалось, передовой общественной мысли и естествознания, имеющих солидную материалистическую традицию. Во-вторых, единству взглядов петербургских и московских психиатров содействовал также постоянный интенсивный контакт путем регулярного обмена опытом на съездах и совещаниях через Петербургский и Харьковский журналы, а также в какой-то мере обмена людей в связи с переездом на постоянное жительство из Москвы в Петербург и обратно видных психиатров (26).

Большую роль в развитии философских воззрений петербургских и московских психиатров в духе естественноисторического материализма сыграл И. М. Сеченов. Нельзя, конечно, отрицать и некоторых различий в направленности, научных и клинических концепциях петербургских и московских психиатров. Но в литературе эти различия, нам представляется, охарактеризованы не всегда правильно и в ряде случаев недопустимо гиперболично. Например, московская школа С. С. Корсакова определяется как направление в психиатрии, развивающееся под знаменем материализма, клинического реализма, гуманизма и с социально-психиатрической направленностью, а петербургская в лице ее ведущих руководителей — И. М. Балинского, И. П. Мержеевского, В. М. Бехтерева — характеризуется обычно как имеющая узкое физиолого-клиническое направление.

Характеристики московской психиатрической школы мы здесь касаться не будем, исходя из хода изложения, относящегося к

петербургскому периоду жизни Кандинского. Укажем только, что она все же нуждается в дополнении, так как не отражает широко представленных в московской психиатрии анатомо-физиологических и экспериментально-психологических исследований. На анализе же петербургской психиатрии следует остановиться подробнее, так как он должен помочь в выяснении того, что получил и что внес в нее Кандинский в период его жизни в Петербурге.

Бесспорно, что И. П. Мержеевский и его ученики внесли оригинальный научный вклад в отечественную и мировую психиатрическую науку своими анатомо-физиологическими исследованиями, развивая эволюционно-биологическое направление в психиатрии. Здесь И. П. Мержеевскому, несомненно, принадлежит приоритет и важность его открытий в патологической анатомии идиотизма, микроцефалии и прогрессивного паралича вряд ли можно переоценить.

Конечно, и получившие мировую известность анатомо-физиологические исследования В. М. Бехтерева, в которых изучение строения и деятельности мозга проводится в тесной взаимосвязи, являются гордостью нашей отечественной науки. Но свести петербургскую психиатрическую школу только к физиолого-клиническому направлению значит обеднить ее содержание и снизить ее роль в развитии русской и мировой психиатрии. И в утверждении материалистического направления в психиатрии, и в формировании в ней клинко-нозологических принципов, и, наконец, в развитии социальной психиатрии, изучении пограничных состояний и организации психиатрической помощи — в разработке всех этих проблем принимала участие петербургская психиатрия второй половины XIX столетия и созданная ею петербургская психиатрическая школа имеет огромные заслуги. Во всем этом выявляется выраженная ее общность с московской психиатрической школой при всех отличиях, которые каждая из них имеет. Приведем коротко некоторые яркие факты, которые подтверждают указанные положения.

Уже в первой программе курса психиатрии, предложенного И. М. Балинским к рассмотрению на заседании Медико-хирургической академии 28 сентября 1857 года, можно отметить ряд положений, носящих мировоззренческий, в материалистическом аспекте, характер: «Тщетность усилий спекулятивной философии объяснить науку душевных болезней... Физиология о душевной деятельности человека вообще: о впечатлениях, пробуждающих душевную деятельность; о различных проявлениях ее; о самосознании и душевной свободе; о тесной связи, существующей между различными проявлениями душевной деятельности...»

Такая же материалистическая направленность отчетливо выражена у И. П. Мержеевского. «Уже первый труд И. П. Мержеевского, справедливо указывает Ю. В. Каннабих, его диссертация «Клиническое исследование неистовых», всецело посвященная материальным изменениям при душевных болезнях, отличалась своими строго проведенными материалистическими тенденциями». Но материалистическое мировоззрение И. П. Мержеевского характеризовалось не только признанием телесного субстрата психических явлений в норме и патологии, но поднималось до уровня понимания социально-исторической обусловленности возникновения и развития психических заболеваний.

В докладе И. П. Мержеевского на 1-м съезде отечественных психиатров «Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных заболеваний в России, и о мерах, направленных к их уменьшению» заслуживает внимания постановка вопроса о социальной этиологии психических заболеваний. Указав, что нервные и психические заболевания составляют в большинстве случаев последствия ненормальных общественных условий, И. П. Мержеевский относит к последним войны, экономические кризисы, банкротства, культурную отсталость, чрезмерные требования школы, злоупотребления спиртными напитками, сифилис, половые извращения и т. п. Наряду с практическими мероприятиями по устранению «угнетающих» обстоятельств внешней среды И. П. Мержеевский подчеркивает психогигиеническое значение развития «тех благородных стремлений, которые поднимают состояние чувствительного тонуса». Указав весьма формально на религию с ее верой в загробную жизнь, он в «эти благородные стремления» включает «стремление пользоваться жизнью, свободное упражнение чувств, развитие ума и мышления, занятия науками, искусствами, пользование тем благородным настроением, которое возникает при исполнении таких возвышенных задач».

Поднятие психического тонуса, по Мержеевскому, стоит в тесной связи с «верой в будущую лучшую жизнь на земле, которую всякое поколение prepares своей работой и испытаниями».

Учитывая особенно реакционный период времени царской России, когда была произнесена эта речь, нельзя сомневаться в прогрессивном характере этого выступления И. П. Мержеевского на съезде.

Понимание социальных причин психических заболеваний получило отражение в дореволюционное время в предельно четкой форме в выступлениях В. М. Бехтерева, утверждавшего, что условия, связанные с неблагоприятным экономическим

положением отдельных классов населения, отражаются самым существенным образом на развитии нервных и душевных болезней и считавшего капиталистический строй «основным злом нашего времени».

Хочется еще раз отметить, что в своих социально-психиатрических взглядах петербургские психиатры перекликались с московскими психиатрами. О таком единстве обеих отечественных школ психиатрии свидетельствуют высказывания С. С. Корсакова в его «Курсе психиатрии» о социальных причинах психической заболеваемости и путях ее преодоления. «Мы хорошо знаем, писал С. С. Корсаков, что бедность, пауперизм являются одним из могущественных факторов к увеличению числа душевных болезней и прямо и косвенно, вызывая хилость, алкоголизм, распространение повальных болезней». Выдвигая идею государственной профилактики и будучи близок к пониманию решающего ее значения, С. С. Корсаков признавал также, что осуществление этой задачи потребует «коренного переустройства общественных отношений и условий жизни».

И еще один вопрос, который как будто отделяет петербургских психиатров резкой чертой от московской школы психиатров во главе с С. С. Корсаковым. Это вопрос о режиме «нестеснения» (no-restraint) в психиатрических больницах. Ряд фактов как будто говорит, что в Москве и Петербурге по этому вопросу существовали противоположные мнения, глубокие расхождения. И. М. Балинский, например, писал, что «уместное употребление насильственных механических мер, необходимое для поддержания порядка и спокойствия в заведении, полезно и безвредно и что система no-restraint представляет только выражение справедливого, но преувеличенного негодования против злоупотреблений, никем не похваляемых». Известно также, что на I съезде отечественных психиатров в 1887 году доклад С. С. Корсакова «К вопросу о нестеснении (no-restraint)» вызвал возражения со стороны петербуржцев (П. Я. Розенбах, М. Н. Нижегородцев). Наконец, нельзя не указать на острую полемику С. С. Корсакова со старейшим врачом петербургской психиатрической клиники А. Ф. Эрлицким по вопросу о системе «нестеснения», когда Эрлицкий в своем учебнике по психиатрии писал: «... система *абсолютного* no-restraint заслуживает большего, чем порицание,— применение ее составляло бы жестокое варварство, не согласующееся с основными правилами гуманности и не приличествующее званию врача».

И все же, несмотря на приведенные нами данные, не следует рассматривать отрицательное отношение к системе «нестеснения» И. М. Балинского и ряда других петербургских психиатров как «credo» петербургской школы» психиатров, как ее отличительную черту и характерную, типичную особенность.

Не следует забывать, что авторитетный представитель петербургской школы психиатров В. М. Бехтерев выступал как активный защитник системы нестеснения и на ее основе перестроил психиатрическую клинику в период своего руководства кафедрой душевных и нервных болезней в Военно-медицинской академии. Знаменательно и то, что в сыгравшей столь большую роль в истории отечественной психиатрии Бурашовской колонии система no-restraint была введена воспитанником петербургской школы М. П. Литвиновым.

Как было отмечено, переехав в Петербург, Кандинский устроился на работу в психиатрическую больницу Николая Чудотворца. Особенности ее имели значение для жизни и научной деятельности Кандинского и потому заслуживают внимания. Архивные данные о ней оказались незначительными, но литературу мы обнаружили большую.

История этой больницы, ныне именуемой 2-й Ленинградской психиатрической больницей, сложна и противоречива. Формальная дата ее открытия — 29 апреля 1872 года, когда последовало «Высочайшее повеление» переименовать «Временную лечебницу для умалишенных» при Петербургском исправительном заведении в «Петербургскую психиатрическую больницу св. Николая Чудотворца». Но в действительности возникновение больницы Николая Чудотворца последовало почти тотчас же за организацией Петербургского исправительного заведения в том же здании, где размещалось последнее.

Таким образом, мы видим, что история больницы Николая Чудотворца была неразрывно связана с Петербургским исправительным заведением и хотя официально специальное судебно-психиатрическое отделение открылось в ней не сразу при его учреждении, а значительно позже, больница все время как бы размещалась в тюрьме, жила в симбиозе с «тюремной психиатрией» и всегда проводила судебно-психиатрическую экспертизу. Факт этот не безразличен для определения психиатрической направленности Кандинского, его интереса к судебной психиатрии, в области которой ему принадлежат особые заслуги.

В истории психиатрической больницы Николая Чудотворца можно отметить еще один важный факт. Выше мы подчеркнули постоянную связь «академической» и «практической» психиатрии Петербурга. Но особенно близкими были отношения больницы с кафедрой душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии как во время ее руководства И. М. Балинским, так и позже, когда заведовать кафедрой стал И. П. Мержеевский. Представляет интерес, что еще в тот период, когда больница существовала под титулом «Временная

лечебница для умалишенных», главным ее доктором был П. А. Дюков, который в течение многих лет одновременно являлся старшим врачом клиники душевных болезней при кафедре душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии. В 1881 году, в год приезда Кандинского, главным доктором больницы Николая Чудотворца стал приват-доцент Военно-медицинской академии О. А. Чечот, с которым Кандинскому пришлось работать все годы его жизни в Петербурге.

Анализ состава врачей больницы Николая Чудотворца и сотрудников кафедры душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии позволяет отметить, что при И. М. Балинском, а еще более И. П. Мержеевском многие сотрудники все время переходили из одного учреждения в другое. Все это дает основание прийти к заключению, что Кандинский, несмотря на служебную должность ординатора городской психиатрической больницы, был самым тесным образом связан с коллективом кафедры душевных и нервных болезней академии.

В нашем распоряжении оказалось много материалов, характеризующих деятельность психиатрической больницы Николая Чудотворца. Но, исходя из задач настоящей книги, посвященной Кандинскому, мы полагаем, нам не следует идти по пути систематического и полного анализа деятельности больницы, в которой он работал. Больше себя оправдывает выборочный принцип. В основном мы остановимся на двух работах, которые, как нам кажется, позволят получить наиболее важные сведения. Первая — обзор деятельности Петербургской городской психиатрической больницы Николая Чудотворца, составленный прикомандированной к больнице женщиной-врачом Е. Головиной под редакцией О. А. Чечота. В 1884 году произошла передача больницы Николая Чудотворца из ведения Приказа общественного призрения в Петербургское городское управление, и работа Е. В. Головиной является как бы актом такой передачи. Автором второй статьи, которая нас заинтересовала, является О. А. Чечот, напечатавший в журнале Петербургской городской думы отчет о работе больницы за 1885 год.

Из этих работ видно, что больница в период передачи ее в Петербургское городское самоуправление состояла из шести отделений (трех мужских и трех женских) со штатным фондом 310 коек. Отделения были размещены на 2-м, 3-м, 4-м этажах здания больницы таким образом, что мужские и женские отделения располагались на разных половинах. Распределялись больные по состоянию: спокойные — на 2-м этаже, полуспокойные — на 3-м этаже, беспокойные — на 4-м этаже. Такое распределение, особенно то, что беспокойные больные

находятся на 4-м этаже, вызывало тревогу О. А. Чечота, что было выражено в его статье.

Из нее же видно, что больница Николая Чудотворца представляла собой в период ее передачи из Приказа общественного призрения в Петербургское городское самоуправление психиатрический стационар преимущественно для хронических психически больных, в котором были в ходу меры стеснения, хотя и определялись они только врачебными распоряжениями.

Такое положение дел в больнице, вдобавок непрерывно растущее поступление больных, не удовлетворяло главного доктора больницы О. А. Чечота, который в этот период разрабатывал для Городской управы «общий план призрения помешанных». По этому плану больница Николая Чудотворца должна быть приспособлена для приема и обслуживания всех вновь поступающих больных, а для всех беспокойных больных с хронически текущим заболеванием создавалась новая больница святого Пантелеймона на 520 мест. Намечалось также возвращение в больницу Николая Чудотворца выведенного из нее судебно-психиатрического отделения, это было осуществлено в 1887 году, когда при помощи достроек, капитального ремонта, открытия новых отделений, приспособления помещений вне основного здания, стала проводиться интенсивная и успешная реконструкция больницы по намеченному плану.

Мы привели все эти данные, чтобы приблизить читателя к тем трудным условиям повседневной жизни практического врача-психиатра, какая выпала на долю Кандинского в первую половину 80-х годов. Но повествование было бы не полным, если бы мы не остановились на составе врачей, работавших в больнице Николая Чудотворца, не осветили бы их научную и педагогическую деятельность, ведущуюся на ее базе.

За время работы Кандинского в больнице Николая Чудотворца ее личный врачебный состав менялся. Но нам представляется, что одно только перечисление всех, кто работал в одно время с Кандинским в больнице вряд ли будет полезно. Достаточно проанализировать состав врачей за один 1885 год, тем более, что такой анализ его, как мы увидим, представляет большой интерес.

В 1885 году в больнице Николая Чудотворца состояло, как тогда определялось, 15 медицинских чинов: главный доктор О. А. Чечот; старшие ординаторы: К. В. Охочинский, Н. М. Попов, И. А. Сикорский; младшие ординаторы: В. Х. Кандинский, А. С. Новогонский, И. М. Сабашников, В. В. Ольдерогге, Б. А. Свенторжецкий. Прикомандированы

женщины-врачи: Скворцова, Жегина; кроме того, были 2 фельдшера и 1 фельдшерица. Из этого состава в 1885 году выбыли Новогонский по болезни и Свенторжецкий, откомандированный в больницу св. Пантелеймона. В апреле 1885 года И. А. Сикорский оставил больницу в связи с избранием профессором на кафедру психиатрии в Киевском университете. Его место старшего ординатора по конкурсу занял Кандинский. К. В. Охочинский работал в больнице с 1879 года и прошел в ней все ступени служебной лестницы, вплоть до занятия должности главного доктора (1909—1916). В. В. Ольдероге, занимавшийся до зачисления его в больницу Николая Чудотворца, научной работой в клинике И. П. Мержеевского, позже стал активным участником различных организаций по борьбе с алкоголизмом.

Большого внимания из врачей, сотоварищей Кандинского по работе, заслуживает его двоюродный брат И. М. Сабашников. О прогрессивной семье Сабашниковых, с которыми у Кандинского были родственные связи, мы уже писали, рассказывая о семье Кандинских.

О самом же И. М. Сабашникове (30) известно, что, окончив Московский университет в 1876 году, он одно время, до работы в области психиатрии, служил морским врачом. После Петербургской больницы Николая Чудотворца он долгое время был главным доктором психиатрической больницы «Творки» под Варшавой. Ему же наша отечественная наука обязана прекрасным переводом с английского языка учебника по психиатрии С. Клоустона, изданного с его предисловием в 1885 году. В предисловии к учебнику И. М. Сабашников, критикуя классификацию психических расстройств, предложенную С. Клоустоном, пишет: «Принимая во внимание изменения нашей официальной классификации душевных болезней, нельзя не указать здесь на прекрасную классификацию д-ра Кандинского, предложенную им в 1882 году и принятую в настоящее время в больнице св. Николая в С. — Петербурге».

Далее он излагает полностью эту классификацию. По приведенному отзыву И. М. Сабашникова о классификации душевных болезней Кандинского можно думать о дружеских отношениях между ними.

Среди старших ординаторов больницы Николая Чудотворца числился также Н. М. Попов 1854 года рождения. Окончив в 1877 году Медико-хирургическую академию, Н. М. Попов вначале был прикомандирован к военному клиническому госпиталю, а затем, поступив на службу в Министерство внутренних дел, был направлен на учебу в клинику И. П. Мержеевского. В 1882 году он был удостоен ученой степени доктора медицины и вскоре перешел на работу в

больницу Николая Чудотворца. С уходом из больницы он последовательно занимает кафедры психиатрии в Варшаве, Казани, Одессе. Диапазон его научных интересов был весьма велик. Он автор первой монографии о патологической анатомии психических заболеваний, курсов лекций по общей и частной психопатологии²³ и многих других работ по клинической невропатологии и психиатрии. В курсе лекций по общей психопатологии он подробно излагает психопатологическое толкование Кандинским описанных им псевдогаллюцинаций.

Касаясь сослуживцев В. Х. Кандинского в больнице Николая Чудотворца, нам осталось сказать о И. А. Сикорском, а также о ее главном докторе О. А. Чечоте. О Сикорском позволим себе только заметить, что он являлся воинствующим идеалистом и человеком с крайне реакционными политическими взглядами и, по нашему мнению, был как бы инородным телом в петербургской психиатрической среде того времени и, в частности, в коллективе врачей больницы Николая Чудотворца. Можно думать, что он был назначен бюрократическим чиновническим аппаратом Ведомства императрицы Марии, в ведении которой находилось тогда здравоохранение. Может быть потому, будучи на кафедре душевных и нервных болезней, и при И. М. Балинском, и при И. П. Мержеевском Сикорский состоял на внештатной должности — врача для пансионеров — по найму от клиники на пансионерские средства. Должность эта с уходом из клиники Сикорского была тотчас же упразднена. В психиатрической больнице Николая Чудотворца И. А. Сикорский работал всего 3 года с 1882 по 1885 год, вначале также на нештатной должности, а затем штатным старшим ординатором. Нам не известно, как сложились отношения между И. А. Сикорским и коллективом психиатров больницы и Кандинским, в частности, но имеются все основания предполагать, что они, по меньшей мере, не были дружеского характера.

Более подробно надо остановиться на характеристике О. А. Чечота. Он вошел в историю психиатрии как прогрессивный ученый, видный общественный деятель и талантливый организатор. Важно и то, что, проработав с Кандинским все годы в больнице, он был его верным другом и короткое время являлся его лечащим врачом. Оттон Антонович Чечот (1842 года рождения) происходил из дворянской семьи, проживающей в Минской губернии. Окончив Витебскую гимназию, он в 1860 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, но в 1863 году перевелся на 4-й курс Петербургской Медико-хирургической академии. Причиной было то, что в Московском университете в то время не преподавалась психиатрия, которая его интересовала. Окончив академию с серебряной медалью, он с трудом, при активной помощи И. М. Балинского, С. П. Боткина и президента академии

П. А. Дубовицкого, был устроен в 1866 году на работу ординатором во Временную лечебницу для умалишенных при Петербургском исправительном заведении, которая, как мы уже писали, в последующем была реорганизована в больницу Николая Чудотворца. Одновременно с этой работой О. А. Чечот по совместительству работал в соматической больнице на Путиловском заводе, находившейся в ведении земства за Нарвской заставой. С самого начала своей служебной деятельности О. А. Чечот проявил большой интерес к организационно-психиатрическим и судебно-психиатрическим вопросам и привлекался по ним в различные комиссии Министерства внутренних дел, Петербургского окружного суда и т. п.

Будучи доктором медицины, приват-доцентом Военно-медицинской академии, Чечот активно участвовал в научной работе и в течение многих лет занимался педагогической деятельностью. Последняя заключалась в преподавании нервных болезней на женских врачебных курсах. К этой работе его привлек И. М. Балинский, когда, выйдя по Медико-хирургической академии в отставку, в течение 1876—1877 года вел занятия по психиатрии на этих курсах.

О. А. Чечот был широко образованным человеком. Ему принадлежит ряд статей на общеклинические и судебно-психиатрические темы и перевод с английского языка книги Модели «Ответственность при душевных заболеваниях», оказавшей большое влияние на развитие отечественной судебной психиатрии. В больнице Николая Чудотворца он проработал почти 40 лет, из них 22 года в качестве «главного доктора», с должности которого был снят в 1903 году в связи с побегом из больницы Пилсудского, находившегося на судебно-психиатрической экспертизе.

Внимание к Кандинскому и заботы о нем со стороны О. А. Чечота, теплые дружеские отношения между ними и их духовную и идейную близость можно без труда проследить и в судебной, и в общественной деятельности. Приведем два заслуживающих внимания конкретных факта. В архиве Петербургской психиатрической больницы Николая Чудотворца хранится документ с ответом О. А. Чечота чиновнику из департамента здравоохранения на вопрос, кого из кандидатов на вакантную должность старшего ординатора больницы следует предпочесть — Н. М. Попова или В. Х. Кандинского. О. А. Чечот ответил, что оба кандидата по своей врачебной и научной ценности равны, несмотря на то, что Н. М. Попов имеет ученую степень доктора медицины. Второй факт состоит в том, что Кандинский был принят на работу в больницу Николая Чудотворца после двух приступов душевной болезни и что его работа была возобновлена после третьего приступа. Он даже

был повышен в должности в связи с избранием его по конкурсу старшим ординатором. Все это говорит о многом и прежде всего о хорошем отношении к нему главы учреждения, каким был в то время Чечот.

Наш очерк будет неполным, если не сказать о проводившейся в тот период в больнице Николая Чудотворца учебной и научной работе.

Больница являлась, как уже указывалось, базой преподавания женских врачебных курсов, где психиатрию вначале читал И. М. Балинский, затем И. П. Мержеевский, а нервные болезни — О. А. Чечот. На 5-м курсе слушательницы этого учебного заведения, разделяясь на небольшие группы, под руководством Чечота осматривали больницу и им демонстрировались все формы душевных болезней. Несколько женщин-врачей прикреплялись к больнице на длительное время в целях усовершенствования.

Научная работа велась в больнице с большим размахом. Продукция ее выражалась в научных статьях, печатавшихся в отечественных и зарубежных журналах, в издании монографий по различным проблемам клинической психиатрии, в переводах, особенно ценных книг и учебных руководств. К примеру, укажем, что только в одном 1885 году вышел на немецком языке замечательный труд В. Х. Кандинского о псевдогаллюцинациях, были напечатаны две статьи Н. М. Попова во французском журнале *Archiv de Neurologie* и, упоминавшееся уже нами, в русском переводе И. М. Сабашникова учебное руководство по психиатрии С. Клоустона.

Обобщая приведенные данные о Петербургской психиатрической больнице Николая Чудотворца, где Кандинский провел на службе все годы своей жизни в Петербурге, можно сказать, что эта больница для того времени представляла собой передовое психиатрическое учреждение, ведущее активную лечебную, учебную и научную работу, давшее Кандинскому возможность успешно приложить свои силы и проявить талант врача-психиатра и ученого.

Освещая петербургский период жизни Кандинского, необходимо остановиться на его участии в работе Петербургского общества психиатров. Восстановленное в 1879 году, после долгого перерыва, это общество под руководством И. П. Мержеевского стало жить интенсивной общественной научной жизнью. Кандинский, как мы уже писали, переехал в Петербург в 1881 году. Уже на первом заседании общества в 1882 году (23 января), по рекомендации трех действительных его членов — И. П. Мержеевского, А. Е. Черемшанского, Л. Ф. Рагозина, он вступает в общество. При рассмотрении протоколов

Петербургского общества психиатров с 1882 по 1889 год отчетливо вырисовывается высокий уровень общественной активности Кандинского.

Эта общественная активность Кандинского выражается в аккуратном посещении заседаний общества, частых докладах на заседаниях, участии в дискуссиях. Так, уже через два заседания после приема в действительные члены общества, на заседании 20 марта 1882 года, Кандинский выступает с проектом разработанной им новой классификации психических болезней. Это выступление Кандинского, нового для Петербурга человека, произвело самое благоприятное впечатление и было поддержано всеми присутствующими на заседании. Учитывая важность вопроса, принято было решение создать комиссию для детального рассмотрения проекта Кандинского. Кроме автора классификации, в эту комиссию вошли М. Н. Нижегородцев, А. Я. Фрей, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечот, А. Ф. Эрлицкий. К вопросу о классификации психических заболеваний общество возвращалось еще дважды. На заседании 26 октября 1885 года, в связи с просьбой Бельгийского общества прислать сведения о статистике душевных болезней в России, И. П. Мержеевский предложил использовать для этих целей классификацию Кандинского. Но Кандинский выступил против этого предложения, указав, что вопрос о классификации будет обсуждаться на I съезде отечественных психиатров и потому лучше выждать результатов такого обсуждения. На заседании общества 8 марта 1886 года И. П. Мержеевский опять возвращается к вопросу о классификации психических заболеваний, которая, по его мнению, должна включать общепринятые формы душевных заболеваний. Он предлагает пополнить существующую комиссию общества своим личным участием, а также рекомендует этой комиссии сравнить классификацию Кандинского с классификацией Крафт-Эбинга.

Из приведенных данных и из того, что общество представило на обсуждение I съезда отечественных психиатров от своего имени проект классификации психических заболеваний, в основу которого положена классификация, предложенная Кандинским, можно заключить, какую большую лепту вносил Кандинский в деятельность общества. Активно участвовал Кандинский и в заседаниях Петербургского общества психиатров, посвященных подготовке к съезду. В этом отношении заслуживает внимания, что при обсуждении программы съезда на экстренном заседании от 9. XI 1885 года он предложил включить пункт «о специальных методах лечения» и, в частности, продолжительного лечения опийными препаратами. На экстренном заседании общества от 8. VII 1885 г. Кандинский избран от Петербургского общества кандидатом в делегаты съезда, а на самом съезде он и С. С. Корсаков были избраны секретарями съезда. Следует отметить также три наиболее важных заседания общества, в

которых Кандинский принимал активное участие 12 и 18 февраля и 2 марта 1883 года, где обсуждался проект статьи 36 нового Уложения о наказаниях, в которой содержалось определение критериев невменяемости лиц, совершивших криминал. Этот вопрос подвергается нами углубленному и детальному обсуждению в главе, посвященной анализу деятельности Кандинского как судебного психиатра. Укажем здесь на то, что Кандинский выступал на этих заседаниях со своим особым мнением и был поддержан О. А. Чечотом. Хотя в результате бурной дискуссии он и О. А. Чечот остались в меньшинстве, точка зрения Кандинского в последующем полностью восторжествовала.

Отметим также, что Общество в своем заседании от 25 января 1886 года по развернутому мотивированному докладу И. П. Мержеевского и от имени специальной комиссии по разбору монографии Кандинского «О псевдогаллюцинациях» единогласно присудило ему премию врача Филиппова за лучшую научную работу того времени.

Выше приведенные сведения, а к этому надо еще добавить данные об активном участии Кандинского в 1-м съезде отечественных психиатров, позволяют считать убедительным высказанное нами мнение о высоком уровне общественной активности Кандинского. Важно также отметить глубочайшее к нему уважение со стороны Петербургского общества психиатров и большое положительное влияние Кандинского на деятельность последнего.

Мы характеризовали трудовую и общественную деятельность В. Х. Кандинского в период его жизни в Петербурге, кратко проанализировав социальные условия, состояние научной и практической психиатрии того времени.

О его семейной жизни и быте известно очень мало. О жене Кандинского мы знаем, что она обращалась в Общество психиатров с просьбой посмертно издать его труды. Еще при жизни ученого Петербургское общество неоднократно выносило решение опубликовать за счет общества монографию Кандинского «О псевдогаллюцинациях», но не имело возможности выполнить свое решение из-за отсутствия средств. Не смогло оно удовлетворить просьбу вдовы Кандинского и после его кончины. Несомненной заслугой Е. К. Кандинской было то, что она сама издала две его монографии: одну, уже упомянутую, «О псевдогаллюцинациях», другую — «К вопросу о невменяемости».

Как видно из примечаний Е. К. Кандинской, сделанных к монографии о невменяемости, можно со всей определенностью утверждать, что она была весьма образованной женщиной, в

полном курсе творческих замыслов и исканий Кандинского.

Кроме сведений, приведенных в предыдущей главе о Кандинской, в которой отчетливо выступает ее самоотверженная забота о здоровье Кандинского и преданная любовь, имеются некоторые формальные данные в послужном списке Кандинского в период пребывания на военной службе. В этом списке, составленном дополнительно к 1 января 1879 года, имеется короткая запись: «Женат на Елизавете Фреймут, дочери провизора 1878 года, сентября 1-го. Детей не имеет. Жена вероисповедания лютеранского». О жене Кандинского можно найти также теплые воспоминания в дневниках М. Н. Сабашниковой, которой Кандинский приходился деверем. По-видимому, М. Н. Сабашникова принимала деятельное участие в женитьбе Кандинского, будучи в дружбе с их семьей. М. В. Сабашников в своих воспоминаниях сообщает о трагическом завершении жизни жены Кандинского, таком же как и его самого. «Жена его [Кандинского], пишется в этих воспоминаниях, не пожелала жить без него. Озаботившись выпуском в свет его сочинений, она тоже покончила с собой». Так верная подруга Кандинского, его жена Елизавета Карловна Фреймут-Кандинская, поделила с ним его трагическую судьбу.

Последние годы жизни в Петербурге Кандинский жил на Большой Садовой, дом No 125 (ныне эта улица именуется Садовой и находится в Октябрьском районе Ленинграда). Дом этот сохранился полностью, не подвергался капитальному ремонту, не попадал под бомбежку в период Великой Отечественной войны. Мы посетили квартиру, где жил Кандинский. Квартира эта на 3-м этаже и имеет 5 комнат. В одной большой комнате вид на Садовую и балкон. В другой такой же комнате камин. 3 комнаты меньшего размера с окнами на двор.

Кандинский имел также дачу по Финляндской железной дороге в поселке Шувалово. Умер он на даче и согласно его завещанию похоронен на тамошнем кладбище. Оно расположено на обрывистом берегу красивого озера. К сожалению, могила его, при посещении этого кладбища, нами не обнаружена, так как после смерти его жены пристрастия к ней, по-видимому, не было. Каменная церковь, откуда гроб с телом Кандинского несли на руках к кладбищу его друзья и товарищи, сохранилась.

Обобщая эту последнюю главу первого раздела книги, посвященного описанию жизни Кандинского, необходимо указать на следующее.

Петербургский период жизни В. Х. Кандинского был периодом расцвета его таланта и активной общественной деятельности. Именно в этот период Кандинским были созданы его

фундаментальные труды по общей психопатологии, клинической и судебной психиатрии, получившие всеобщее признание в отечественной и зарубежной психиатрической науке.

Расцвету его творчества содействовало успешное развитие отечественной психиатрии в 80-х годах прошлого столетия, оформление ее в самостоятельную научную дисциплину. Большую роль в этом сыграла научная и практическая деятельность коллектива прогрессивных петербургских психиатров, возглавляемого одним из основоположников отечественной психиатрии И. П. Мержеевским.

Преждевременная трагическая смерть оборвала жизнь Кандинского в возрасте 40 лет. Отечественная наука потеряла крупнейшего ученого в расцвете его творчества, столь продуктивного и прокладывающего новые пути в психиатрии.

Глава седьмая.
ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.
Х. КАНДИНСКОГО

Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского
Л.Л.Рохлин

Стихийный материализм выдающихся естествоиспытателей второй половины XIX столетия. Материалистическое мировоззрение русских психиатров. Влияние на В. Х. Кандинского Л. Нуаре, И. Гете, Э. Геккеля. Учение Ч. Лайеля, Ч. Дарвина об эволюции и В.Х. Кандинский. Философское произведение В. Х. Кандинского «Современный монизм» и его анализ. Характеристика естественно-исторического материализма В.Х. Кандинского.

Мы начинаем второй раздел книги о творческой деятельности В. Х. Кандинского с характеристики его философских взглядов.

К такому порядку побуждает то, что Кандинский признавал важное значение выработки ученым стройного философского мировоззрения для плодотворной научной деятельности в какой-либо специальной области знания.

Эта концепция, подчеркивающая роль философии в успешном развитии специальных научных дисциплин, в частности естественных наук, являлась знамением времени, когда жил и творил В. Х. Кандинский. Интерес к методологическим и философским вопросам в среде ученых особенно возрастает на поворотных пунктах в развитии науки. Такой крутой поворот в естествознании совершался во 2-ой половине XIX столетия в связи с открытием Ч. Дарвиным законов эволюции живой природы.

Огромное значение для формирования мировоззрения Кандинского имело то, что в его время на арену научной и общественной деятельности России выдвинулась блестящая

плеяда материалистически мыслящих ученых в области естественных наук и медицины. Бурное развитие с позиций И. М. Сеченова характеризовало в то время и психиатрию, которую представляли И. П. Мержеевский, С. С. Корсаков, П. И. Ковалевский и В. М. Бехтерев.

Свое философское мировоззрение Кандинский, по сравнению с выдающимися психиатрами его времени, выразил относительно полней. Кроме высказываний по философским вопросам, которые содержатся в его научных трудах по общей психопатологии и клинической психиатрии, он опубликовал две крупные работы, посвященные изложению своих философских взглядов.

Одна из — «Современный монизм», которую Кандинский охарактеризовал как «популярный философский этюд», вторая — «Общепонятные психологические этюды», представляющая собой «очерк истории воззрения на душу животных и человека».

Кроме прямых философских высказываний Кандинского в этих книгах, о его концепциях в философии можно судить также по отношению к различным философам и ученым-естествоиспытателям.

На Кандинского, по-видимому, большое впечатление произвела книга французского философа, его современника, Людвига Нуаре. Эпиграфом к своей работе «Современный монизм» он взял слова Нуаре: «Над природой нет для нас ничего, природа — все».

Приведя высказывание Нуаре, что основной истиной является утверждение: «Я есть я», Кандинский далее пишет, что отсюда вытекает другая основная истина: «мое я не есть все» в этом заключается... источник нашего убеждения в реальности внешнего мира... Итак,— обобщает он, — существуют вещи вне нашего я, существует внешний мир. Как мы назовем самую суть мира — субстанцией, субстратом, телом, материей — все равно; будем, пожалуй, называть ее материей». Определяя свое философское мировоззрение в терминах, принятых в его время как монистический реализм, в другой своей философской книге Кандинский писал: «... понятия никогда не могли бы возникнуть у нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир». Эти высказывания можно дополнить и рядом других, которые свидетельствуют о признании им первичным, основным — материального мира и производным, вторичным по отношению к нему — духовное, психическое. Материализм Кандинского отчетливо выразился в его утверждениях, что «... вся психическая деятельность может быть сведена на механизм, т. е. объяснена в том же роде, как мы объясняем весь мир...», «...

мысль есть не что иное, как функция мозга».

Интересны высказывания Кандинского в области гносеологии. «... В данных чувствования,— писал он,— мы можем истолковать все вселенную, потому что чувствование и есть источник всякого познания». «... Какое мы имеем право предполагать,— спрашивает он,— что реальность независимо от ощущения должна быть другой, чем в нашем ощущении, если ощущение признается частью этой реальности».

Кандинский критикует концепцию Канта об априорности пространства и времени, рассмотрение их как субъективных категорий и его агностицизм,— признание им непознаваемости «вещи в себе». «Пространство и время,— пишет Кандинский,— по монистическому воззрению суть не что иное как формы, в которых проявляются вещи... Монизм утверждает полное тождество между вещами в форме явлений и вещами «в самих себе». Узнав природу вещи, мы можем сказать, что проникли в самую «сущность» вещи». «Шопенгауэр хотел объяснить мир,— пишет он, — отправляясь от человеческого самосознания. Монисты, напротив, хотят изучить дух из природы, путем наблюдения постепенного развития духа в ряде существ. Сущность познания должна быть исследуема не *a priori*, но из природы познаваемого».

Характеризуя философские взгляды Кандинского, следует остановиться на его отношении к успехам естественных наук во второй половине XIX столетия и видным их представителям. Опираясь на концепции эволюции Лайеля, Ламарка, Дарвина, Геккеля, Кандинский активно пропагандирует в своих философских произведениях материалистически понимаемую идею развития. Он указывает, что теория развития послужила прочным основанием монистической материалистической философии. «Мир в том виде, в каком он существует теперь,— пишет он,— есть продукт развития, а развитие есть непрерывный переход от простого к сложному, от однородности к разнообразию, от низшей степени сознания к высшей». В тот период времени, к которому относятся цитируемые высказывания Кандинского, центральной фигурой в ожесточенной борьбе между материализмом и идеализмом явился Э. Геккель, подвергнувшийся яростным нападкам реакционных философов-идеалистов и мракобесов. Представляет большой интерес отношение Кандинского к этому пламенному пропагандисту идей Дарвина, о котором В. И. Ленин писал, что он силен «изложением *победного шествия естественноисторического материализма*». Вот одно из многочисленных высказываний Кандинского, из которого видно его выраженное признание заслуг Геккеля.

«... Эрнст Геккель своими смелыми теориями существенно

способствовал распространению идеи развития и в значительной степени осветил до тех пор темную область биогенетических фактов. Заслуга Геккеля, главным образом, состоит в том, что он последовательно провел Дарвиновскую теорию до самых границ животного царства и показал, что между мирами неорганическим и органическим непрерывной бездны не существует».

В идее развития Кандинский видел универсальный принцип природы, а не только живого мира. «Современные монисты,— писал он,— идут далее науки и утверждают, что развитие есть закон всеобщий, действующий не только в органическом мире, но и во всей природе». Он отмечал качественное отличие человека от животных, понимая, что явилось основой выделения человека из животного мира. «Отделение мира человека,— писал он, — от мира животных началось с того момента, когда четырехрукий примат стал употреблять орудие, сначала, конечно, самое первобытное... Употребление орудия развило способность держаться в вертикальном положении, так как при работе орудием необходимо прямо и крепко держаться на ногах, имея руки свободными. Совместная деятельность первобытных людей... дала начало языку. Развитие же человеческого разума совершилось в зависимости от развития языка, потому что понятия, способность к образованию которых составляет характеристическую особенность человека, создаются голосовой речью. Длинный путь развития,— заключает Кандинский,— отделил человека от мира животных настолько, что теперь человек по своей умственной организации, справедливо может быть поставлен в особое царство — царство человека».

Как видно из этого высказывания Кандинского, в нем подчеркнуты физические и психические особенности человека, его способность к речи и понятийному мышлению, его умение пользоваться орудиями. Но материализм Кандинского не перешагнул в данном случае границы домарковского материализма, характеризующегося абстрактным, неисторическим подходом к человеку, без понимания того, что действительная сущность человека, как утверждал К. Маркс «есть совокупность всех общественных отношений».

Итак, имеются все основания считать философские взгляды Кандинского материалистическими. К какому же варианту материализма их можно отнести? Мы полагаем — к той его разновидности, которую В. И. Ленин определял как естественно-исторический материализм. Расшифровка этого понятия дана Лениным в полемике с махистами.

По В. И. Ленину, естественно-исторический материализм «абсолютно не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма». Владимир Ильич подчеркивает

«неискоренимость естественнoисторического материализма, непримиримость его со всей казенной профессорской философией и теологией». В то же время он отмечает стихийность и непоследовательность идей многих представителей естественнoисторического материализма и в ряде случаев, при объективно неразрывной его связи с философским материализмом, отрицание принадлежности к таковому. Кандинский тоже не всегда был последователен в своих философских высказываниях. В ряде случаев эти высказывания противоречивы. Можно отметить его несостоятельную попытку к примирению идеализма и материализма и признание существования, кроме материалистического и идеалистического монизма, еще одной его разновидности «равно далекой как от спиритуализма, так и от материализма, занимающего, так сказать, среднее место между этими двумя крайностями...». Кандинский указывает, что исходным моментом этого третьего варианта монизма было учение Спинозы, а продвигалось оно в настоящее время вперед «на фундаменте естественных наук». Как и другим вариантам немарксовского материализма, материализму Кандинского не хватает диалектики и он не распространяется на общественные явления.

В нашей литературе Кандинского критиковали за приверженность к концепции «всеобщей одушевленности материи», гилозоизму. В известной мере эта критика должна быть признана справедливой. Содержанием одного из эпиграфов к своей книге «Современный монизм» Кандинский выбрал высказывание Гете: «Нет духа без материи, нет материи без духа». Гете стоял, как известно, на позициях гилозоизма. Великий немецкий поэт и выдающийся представитель научного естествознания оказал, несомненно, большое влияние на Кандинского. Имеется и прямая ссылка Кандинского в его книге на Спинозу. «Для монистов, пишет Кандинский, упоминая его имя, вселенная одушевлена до последнего атома».

Однако, если следовать не букве, а духу высказываний ученого, то становится ясно, что ему в определенной мере было доступно понимание метафизической ограниченности концепций гилозоизма. Он был весьма близок к признанию психического высшим продуктом особым образом организованной материи, появившимся на определенной ступени ее развития. Можно с уверенностью сказать, что он видел разницу психических проявлений и их эволюцию как в низших формах органического мира, так у высших животных и у человека. «Если мы не хотим становиться в разрез с положительной наукой,— пишет Кандинский,— то мы не можем смотреть на психическую жизнь иначе как на часть общей жизни, и, следовательно, должны признать психическую деятельность свойственной в большей или меньшей степени всем живущим существам животного

царства». Указывая, что душа есть продукт неизмеримо длительного духовного развития всех наших человеческих и животных предков, Кандинский вступает в полемику с Геккелем, который наделял душу атомы. «Мы не скажем, по примеру Геккеля,— пишет он,— «атомы имеют душу», потому что этот способ выражения может вызвать у читателя недоумение... наворачивается вопрос — неужели атомы мыслят и чувствуют? Нет, конечно, атом не мыслит...». И далее: «Атом... не душа, но во всяком случае то, из чего есть возможность получиться душе на высших ступенях развития, т. е. в животном мире». Кандинский возражает также против наличия сознания и даже чувствительности у растений. «Что касается до растительных организмов,— указывает он,— то мы не находим достаточных оснований согласиться с теми естествоиспытателями (Фехнер, Геккель, Льюис, Виньоли) и философами (Шопенгауер, Гартман), которые приписывают «душу» растениям».

Как другой пример непоследовательности и эклектизма в философском мировоззрении Кандинского, если следовать опять-таки букве, а не духу написанного, можно было бы привести его высказывания о Лейбнице и развиваемом им учении о монадах. Последние, как известно, Лейбниц считал основой всего сущего, наделенными стремлением и представлением и построенными по образцу «рефлектирующей души». Однако можно согласиться с М. Г. Ярошевским, что видеть в учении Лейбница всего лишь возврат к анимизму, было бы крайним упрощением. «... Естествоиспытатель,— справедливо указывает этот автор,— уживался в Лейбнице с теологически настроенным метафизиком, детерминист—с телеологом. Там где верх брал первый; в сокровищницу психологического знания попадали изумительные находки».

Мы полагаем, имеются все основания считать, что Кандинскому были близки именно эти «изумительные находки» Лейбница, вызываемые им в мистифицированной форме диалектические идеи. К таковым, в частности, относится дифференциация монад по уровню одушевленности, что соответствует настойчиво проводимой Кандинским мысли о приложении принципа развития к психической деятельности.

К сказанному следует добавить отмеченные А. В. Снежневским качества Кандинского как полемиста, его острую критику вульгарных материалистов и идеалистов, что позволяет трактовать его материализм не просто как естественно-исторический, а как воинствующий.

Однако было бы ошибкой не видеть и ряд противоречий в мировоззрении Кандинского.

О нем можно сказать то же, что говорил В. И. Ленин о Геккеле,

ссылаясь на Меринга: он был «материалист и монист, но не исторический, а естественноисторический материалист». Вот почему Кандинский не смог понять законы общественного развития. Но глубина мысли выдающегося ученого-психиатра позволила ему интуитивно предугадать будущий новый, подлинно гуманистический прогрессивный общественный строй.

«Великое утешение знать,— писал он,— что жизнь, мировая, индивидуальная и общественная, есть развитие; это значит, что будущее обещает быть лучше настоящего... не всегда будет продолжаться такой порядок вещей, в котором homo horainis lupus. Пока существует человечество... оно не сойдет с пути развития, а этот путь, все более и более отдаляя людей от животных, приведет, наконец, к иным, истинно человеческим порядкам».

Таким образом Кандинский в своей научной деятельности уделял большое внимание философским проблемам. Он придавал огромное значение философской подготовке ученого в разработке специальных областей научного знания. Его перу принадлежит ряд ценных философских трудов, в которых он убежденно и стойко придерживался материалистических взглядов. Характеризуя философские концепции Кандинского, можно отнести их к той разновидности материализма, которая определяется В. И. Лениным понятием «естественноисторический материализм».

Глава восьмая. В. Х. КАНДИНСКИЙ КАК ПСИХОЛОГ

Жизнь и творчество В.Х.Кандинского

Л.Л.Рохлин

В. Х. Кандинский об отношениях психиатрии и психологии. Его историко-психологическое произведение «Общепонятные психологические этюды». Отношение В. Х. Кандинского к высказываниям видных философов материалистов и идеалистов по вопросам психологии. Перевод труда В. Вундта «Основания физиологической психологии». В. Х. Кандинский как сторонник сеченовского направления в психологии. Его отношение к Г. Спенсеру. Взгляды В. Х. Кандинского в области социальной психологии.

В некрологе, посвященном В. Х. Кандинскому, который был напечатан в журнале «Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии» есть такие строки: «Покойный был одарен выдающимися способностями и по организации своего ума преимущественно склонен к занятию психологическими вопросами; в разработке последних он, при громадной начитанности и обширном общем образовании, проявлял значительную тонкость анализа».

Мы хотели бы эту оценку Кандинского дополнить.

В историю психиатрии Кандинский вошел как выдающийся психопатолог, сыгравший огромную роль в творческой разработке психопатологического метода и давший филигранное описание ряда новых, открытых им психопатологических феноменов.

Интерес Кандинского к психологии определялся его представлением о связи психологической науки и психиатрии. Данное им общее определение отношения этих наук заслуживает того, чтобы его привести полностью. «Отношение психиатрии к психологии и. Психология есть наука о душе вообще; психиатрия есть наука о душевном расстройстве. Выводы психиатрии к здоровой душе неприложимы; общие выводы научной психологии для психиатрии обязательны, ибо душа, расстроившись, не перестает быть душою.—Рациональная психиатрия неизбежно имеет в своей основе психологию».

К участию в разработке проблем психологии Кандинского побуждала конкретная ситуация, сложившаяся в этой науке во второй половине прошлого века. Выдающиеся успехи естествознания, развитие которого отвечало потребностям все растущего производства и техники развивающегося капитализма, создавали предпосылки для распространения естественно-научных методов и на область психологии, которая до этого не существовала как самостоятельная наука, а пребывала в лоне философии, преимущественно умозрительной. Наступающий же новый период в истории психологии характеризуется Кандинским... «как естественно-научный, как полнейшая противоположность прежнему фазису метафизическому».

Важно подчеркнуть, что указанные тенденции развития психологии на основе естественно-научных методов проходили в условиях напряженной борьбы двух основных философских мировоззрений: материалистического и идеалистического. Особенно остро эта борьба протекала в России, где вопросы психологии, неразрывно связанные с выяснением происхождения и сущности психического, отношения к его материальному субстрату и внешнему миру, играли большую роль в идеологической борьбе того времени.

И еще одну важную особенность можно отметить. В формировании психологии в России на материалистических началах большую роль сыграли не только выдающиеся представители самой психологии, но и прогрессивные ученые всей передовой русской науки того времени,

характеризовавшейся материалистической направленностью, в

том числе и психиатры.

Много сделал в этом отношении и Кандинский, психологические воззрения которого и значение для развития русской психологии не получили, однако, должного освещения.

Интерес Кандинского к проблемам психологии нередко ошибочно датируют началом 80-х годов, когда была напечатана его монография «Общепонятные психологические этюды», и почти одновременно вышли в свет переведенные им с немецкого «Основания физиологической психологии» В. Вундта. Об этом, например, пишет А. Роте в своем задушевно-трогательном некрологе о Кандинском.

Между тем еще в 1872 г. по окончании медицинского факультета, работая врачом-терапевтом, Кандинский часть своих многочисленных рефератов, печатавшихся в журнале «Медицинское обозрение», посвятил вопросам психологии и психиатрии.

Знаменателен и тот факт, что в 1876 г. в журнале «Природа» Кандинским была опубликована социально-психологическая статья «Нервно-психический контагий и психические эпидемии», представляющая собой его публичную лекцию, переработанную для печати.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что Кандинский почти с самого начала своей врачебной деятельности проявил глубокий интерес к вопросам психологии, был в курсе ведущихся в ней в этот период острых идеологических и проблемных дискуссий и занимал в них, как мы на этом ниже подробно остановимся, самостоятельную прогрессивную материалистическую позицию. Однако участие в русско-турецкой войне и последующая болезнь заставили Кандинского временно прекратить свою научную работу в области психологии, с тем чтобы вернуться к ней позднее, к началу 80-х годов.

Эти годы характеризуются особым вниманием Кандинского к вопросам психологии и его большой научной продуктивностью в этой области.

Мы начнем анализ психологических концепций Кандинского с разбора первого раздела его монографии «Общепонятные психологические этюды». Обосновывая цели и задачи этой книги, Кандинский в самом ее начале указывает на мотивы его исторического подхода к тем или иным положениям психологии. «При историческом порядке, — пишет он, — — мы будем видеть взаимную связь психологических теорий различных мыслителей и для нас ясно обрисовуется постепенный прогресс мысли в

понятиях о душе и ее деятельности; рассмотрение современных воззрений даст нам возможность представить очерк научной психологии настоящего времени и сообщить важнейшие открытия последних лет в физиологии мозга, составляющей теперь основание научной психологии».

Анализируемый раздел книги Кандинского можно разделить на три основных части. Первая — посвящена психологическим воззрениям, как они вырисовываются в учении о душе и теле, и их месте в различных религиях и идеологиях; во второй — речь идет о психологических концепциях различных выдающихся представителей метафизической, или как ее определял Кандинский, предшествовавшей «априорной» философии; наконец, в третьей — ученый рассматривает основные принципы и содержание соответствующей его времени научной психологии и трактовке психической деятельности в плане материализма и идеализма.

Не останавливаясь на подробном изложении Кандинским взглядов и трактовок, касающихся души и ее отношений с телом в различных верованиях первобытных народов и в распространенных религиях, отметим только, что в этой части своей книги он обнаруживает огромную эрудицию и склонность к обобщению. Однако в определении отношений между верой и знанием, наукой и религией он допускает в отдельных местах непоследовательность, и ряд высказываний Кандинского явно вступает в противоречие с системой его же взглядов, которые в целом можно охарактеризовать как монистически-материалистические. В то же время Кандинский выступает с острой разоблачающей критикой занесенного из США и Англии спиритизма, солидаризуясь в этом отношении с прогрессивными учеными-естествоиспытателями, решительно выступавшими против распространения этого модного в то время увлечения. Кандинский в своей книге подвергает критике и вскрывает научную несостоятельность работ зарубежных авторов (Перти, Г. Корнелиуса, Гера и др.), в которых они пытаются научно обосновать спиритизм.

Особый интерес представляет всесторонняя критика взглядов известного английского естествоиспытателя Альфреда Рассела Уоллеса, одновременно с Дарвиным выдвинувшего теорию об изменении видов путем естественного отбора, за его книгу «О чудесах и современном спиритуализме». В этой книге Уоллес тщетно пытался показать научную оправданность спиритизма, доказать, что «сверхчувственный мир не есть мир сверхъестественный».

Анализ того, как Кандинский рассматривает в историческом аспекте развитие различных философских и психологических учений, позволяет сделать вывод, что поставленную им перед

собой задачу показать «взаимную связь психологических теорий различных мыслителей», чтобы установить перспективные направления в развитии психологии и «прогресс мысли в понятиях о душе и ее деятельности», он выполнил с блеском.

Исторический обзор Кандинского со всей отчетливостью выявил материалистическую направленность его мировоззрения, его симпатий, положительное отношение к выдающимся философам-материалистам прошлого и психологам, стоящим на материалистических позициях в трактовке психической деятельности как функции мозга и отражения внешнего мира, рассматривавшим в этом плане различные стороны и механизмы такой деятельности.

В то же время отчетливо выступает отрицательное и критическое отношение Кандинского к пониманию выдающимися философами-идеалистами теоретических основ психологии. Речь идет как об их открытом признании первичности психики, так и о скрытом, «стыдливом» идеализме, прячущимся в концепциях психофизиологического параллелизма.

При анализе психологических воззрений философов-идеалистов Кандинский выявлял те психологические теории и концепции, которые, находясь в противоречии с идеалистическим мировоззрением их авторов, могут быть признаны содействующими прогрессу развития психологической науки на материалистических основах.

Как и другие представители естественно-исторического материализма, Кандинский проявлял в своих оценках в ряде случаев непоследовательность. Элементы эклектизма обнаруживались в некритическом пользовании им позитивистской терминологией, в итоговых общих оценках тех или иных философских концепций.

Не следует однако забывать, что Кандинский не только стоял на позициях монистического материализма, но и активно отстаивал эти позиции и боролся за развитие на материалистических основах психологии как самостоятельной науки.

Главное значение в этом отношении он придавал становлению психологии как экспериментальной естественно-научной дисциплины, широко использующей достижения и методы нейрофизиологии.

Остановимся на некоторых из оценок, которые он дает различным философским и психологическим учениям.

Рассматривая взгляды Канта, в своей монографии

«Современный монизм» Кандинский подвергает критике априоризм и агностицизм немецкого философа. В то же время в «Общепонятных психологических этюдах» он высказывает сожаление о том, что «влияние Канта на философию, а также на психологию, чрезвычайно велико», что «это влияние видно почти во всяком труде по физиологической психологии».

Касаясь же непосредственного вклада Канта в психологию, Кандинский подчеркивает, что он в своей «Критике чистого разума» только «исследует априористические принципы знания, не занимаясь ощущениями». «В понятиях о душевных способностях Кант недалеко ушел от старой психологии. Классификация способностей у него довольно сбивчива».

Анализируя философские воззрения Гегеля и разбирая значение трудов последнего как психолога, Кандинский обнаруживает к нему резко отрицательное отношение. Последнее относится не только к идеалистической системе философа, но и совершенно напрасно к его диалектическому методу. «Даже почитатели его [Гегеля],— пишет Кандинский,— соглашаются, что в нем нет ничего, нового, кроме метода... Гегель измыслил лишь принцип противоположностей, по которому противоположности... отождествляются в высшем единстве... В общем — это целый ряд «эволюции» и их «универсальный закон», по которому, разумеется, можно примирить что угодно... Гегелевское учение есть идеализм абсолютный». Заканчивает рассмотрение гегелевских концепций Кандинский чрезвычайно резкими словами: «У Гегеля было множество последователей, но никто из них не подарил мир психологией, потому что характеристическая черта их творений, говоря словами Экснера, — сплошная игра пустыми понятиями, порой переходящей в чепуху».

Еще более сурово критикует Кандинский немецкого философа-идеалиста Гартмана, с которым он познакомился по его труду «Философия бессознательного». Сам Кандинский в ряде своих работ, которых мы коснемся ниже, признавал наличие элементов бессознательного в психике человека. Но для него в книге Гартмана была неприемлема ее направленность против естественно-научного материализма и прогрессивных социальных идей, пронизанность духом мистики, иррационализма, насыщенность нигилистическими пессимистическими идеями о гибели мира.

О книге Гартмана, пишет Кандинский, «можно сказать, что она написана дилетантом и для дилетантов. По выражению Оскара Шмидта, это — опиат для слабых голов,— вот вся тайна ее успеха». Нам хотелось бы здесь подчеркнуть, что в отрицательном отношении Кандинского к Гартману проявлялись не только его естественно-научный материалистический подход,

но и либеральные социально-этические чувства. Их выражение мы находим в ряде мест его книги. Например, когда он характеризует философски-психологические воззрения Фихте, то подчеркивает преобладание в его учении «нравственной стороны». «Социальные взгляды Фихте,— писал Кандинский,— отличались вообще прогрессивностью, в этом отношении он противоположность Гегелю, мирившемуся с политическим гнетом».

Что касается философов-материалистов и их психологических воззрений, то в монографии Кандинского большое внимание уделено французским материалистам XVIII столетия.

Концепции же английского врача и философа-материалиста Дэвида Гартли, одного из основателей ассоциативной психологии и автора так называемой вибрационной теории, дающей с позиций механистического материализма объяснение происхождения психических явлений, получили в книге Кандинского недостаточное освещение.

Всего несколько фраз уделяет он представителям немецкого «вульгарного материализма» Бюхнеру и Молешоту. «Материализм прав только тогда,— пишет Кандинский,— когда он борется с ходячим дуализмом, но он не умеет сладить с результатами критики познания. Этими результатами завладевает идеализм, но он или переходит в дуализм, или вступает в противоречие с философией действительности». Естественная неудовлетворенность Кандинского концепциями указанных представителей немецкого метафизического, механистического материализма ведет его к неоправдывающей себя позитивистской попытке подняться над этими двумя основными видами философских мировоззрений. Задавая вопрос: «Какой же характер имеет теперь научная психология?», Кандинский отвечает на него: «Она реалистична в противоположность метафизичности идеализма и материализма». Затем следуют непоследовательные рассуждения, в которых выступает непреодоленное еще влияние идеалистических взглядов Вундта о «психологическом начале» основных понятий причинности, субстанции и т. д. Но перечисленные им субъективные формы и понятия оказываются все же не первичными, а вторичными. «Но эти понятия никогда не могли бы возникнуть в нас, если бы не побуждал нас к тому объективный мир. Признанием реальности внешнего мира характеризуется реализм». (38).

Приведенные высказывания Кандинского, в которых можно было усмотреть уступку идеализму, находятся в противоречии с его основной выраженной материалистической направленностью, в этом можно убедиться по тому разделу его книги, который посвящен психологическим воззрениям

французских материалистов XVIII века, названных В. И. Лениным «великими материалистами». В этом отношении ярким примером является выраженное сочувствие, которое проявляет Кандинский к видному представителю французских философов-материалистов XVIII столетия Пьеру Жану Кабанису, наиболее близкому к врачам-психиатрам Франции того времени. «Великая заслуга Кабаниса,— писал Кандинский,— состоит в том, что у него первого психология является отраслью науки о жизни вообще, связывает проявления разума и воли с общими жизненными явлениями и показывает, что тело и душа соотносительны. С этих пор душа, как одна из сторон жизни, должна быть изучаема не спекулятивно, но посредством метода естественных наук».

Изложение взглядов Кабаниса Кандинский заключает, выделяя курсивом, следующие слова последнего «Головной *мозг есть специальный орган мысли*». Кабанисом была также указана внешне детерминированная материальная обусловленность психики, ее отражательная сущность. Кандинский приводит следующие, соответствующие этому высказывания Кабаниса: «Ощущения составляют результат действия внешних предметов на органы чувств; от ощущения происходят идеи... Ощущение и движение тесно связаны друг с другом. Каждое движение обуславливается впечатлением и нервы, как органы ощущения, возбуждают и направляют органы движения...».

Также положительно относится Кандинский к другому выдающемуся представителю французского материализма XVIII столетия — Ламетри. Важно то, как определяет Кандинский эволюцию его философского мировоззрения: «Начав с эмпиризма, Ламетри потом вполне становится материалистом». Кандинскому импонируют тот большой фактический материал, который приводит в своих книгах Ламетри, ярко иллюстрирующий, что «все психические явления имеют физиологическую почву» и что разработка психологической науки «должна принадлежать одним врачам, потому что только они одни имеют возможность наблюдать душу во всем ее величии и в глубочайшем упадке».

Он подчеркивает то место в рассуждениях Ламетри, где последний утверждает, что «материи присуща также способность ощущать», а «место ощущений не на периферии... а в мозге» и что «может быть материя способна к ощущению только в форме организма, но и в этом случае ощущение, все равно как движение, должно быть присущим, по крайней мере потенциально, всей материи», «Ламетри,— пишет далее Кандинский,— даже предупреждает до известной степени Чарльза Дарвина и эволюционистов, потому что он считает весь разум человека продуктом развития и воспитания».

Большое место уделяется в книге Кандинского английской психологической школе. Он начинает соответствующую главу с указания на то, что «со времени Локка англичане с большой любовью занимались эмпирической психологией, освобожденной от всякой метафизики, и сделали в этом направлении для психологии больше чем какая-нибудь другая нация». Далее им подробно излагаются психологические концепции виднейших английских ученых Джеймса Милля и его сына Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера, А. Бэна, Джорджа Генри Льюиса. Наибольшее внимание Кандинский уделил психологическим воззрениям Спенсера и Льюиса.

При анализе отношений Кандинского к Спенсеру необходимо учитывать то, как был воспринят Спенсер широкими естественно-научными кругами в России в конце 60-х годов, когда были переведены на русский язык его основные научные труды. Идеалистические философские концепции Спенсера, его реакционные политические взгляды оставались тогда в тени. Импонировало же публике широкое использование Спенсером научных достижений естествознания того времени, созвучность выводам естествознания ряда высказываемых им идей, общедоступность изложения. Даже И. М. Сеченов не сумел заметить чуждости общей концепции Спенсера материалистическому мировоззрению и уделил Спенсеру большое внимание.

К чести Кандинского, он не обходит вопроса о философских концепциях Спенсера, но оценка, которую он дает им, противоречива и непоследовательна. С одной стороны, он пишет, что «Спенсер далек от материализма», отмечает его агностицизм, указывает, что для Спенсера «Сущность души так же мало постижима, как сущность движения». Кандинский характеризует двойственность Спенсера в плане психофизического параллелизма его собственными словами: «Мы можем мыслить о материи только в терминах духа; мы можем мыслить о духе только в терминах материи». С другой стороны, Кандинский как бы солидаризуется с Спенсером, определяющим свои философские концепции как «трансформированный реализм» и делает при этом весьма неясную поправку, заявляя, что реализм Спенсера «мы можем назвать *философским*». Этим Кандинский наглядно иллюстрирует, насколько прав был В. И. Ленин, высказываясь против термина «реализм», как эквивалента понятия «материализм».

Из наиболее важных научных идей Спенсера, имеющих принципиальное значение и несомненно близких Кандинскому, мы остановимся на двух.

О первой из них Кандинский писал следующим образом:

«Основная идея психологии Спенсера—*принцип прогресса или развития*». Задача научной психологии, по Спенсеру, в представлении нашего ученого, состоит в том, чтобы проследить нить непрерывного развития от ничтожнейшей инфузории до цивилизованного человека. «Хотя мы обыкновенно различаем жизнь душевную от жизни телесной, но стоит только немного подняться выше обыкновенной точки зрения, чтобы убедиться, что жизнь тела и жизнь души суть только виды одной общей жизни и что всякая граница между ними совершенно произвольна». Как мы покажем ниже, эта мысль Спенсера о производности психического от жизненного, о психике как проявлении жизни и о включении эволюции психической в эволюцию биологическую была подхвачена Кандинским и отразилась в дальнейшем в его общих психологических воззрениях. Что касается мысли Спенсера о якобы обязательной непрерывности и постепенности эволюции, то, хотя она в данной работе Кандинского и не встретила возражений, в дальнейшем была подвергнута сомнению.

О второй принципиально важной для него идее Спенсера Кандинский писал: «Другое основание доктрины Спенсера — необходимое соответствие между живым существом и его средой. Жизнь есть *соответствие* или непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним. Когда к физической жизни присоединяется жизнь психическая, приспособление становится только более сложным». Принцип этот — единства и соответствия — распространяется от простейших «до Шекспира и Ньютона, носивших в уме всю конкретную и абстрактную реальность мира».

С чувством глубокой симпатии подходил Кандинский к взглядам английского психолога Льюиса. Особенно он с сочувствием оценивал мысль Льюиса о единстве физиологического и психологического (то, что с физиологической точки зрения *нервный процесс*, то с психологической точки зрения психологический *процесс чувствования*). На него произвели впечатление установленные Льюисом градации — от простого неосознаваемого чувствования (неосознанные ощущения) до высшего дифференцированного сознания. Наконец, он разделял положение Льюиса, что в основе своей широко понимаемое чувствование представляет собой особого вида молекулярное движение в нервной ткани — нервные колебания в различной степени сложности, психологически определяемые нами как разные психические явления. Рассматривая философскую позицию Льюиса, Кандинский опять-таки пользуется понятием «реализм». Он соглашается с тем, как определяет ее сам Льюис, писавший о своем рациональном реализме. Интересно отметить, что далее Кандинский пишет: «-в этом отношении он резко отличается от Гельмгольца и Вундта, принадлежащих к

категории идеалистического реализма».

Вопрос о роли Кандинского в развитии психологии требует учета ряда сложных моментов, и его нельзя разрешить, не определив отношения Кандинского к концепциям и деятельности немецкого физиолога, психолога и философа Вильгельма Вундта. В своей монографии «Общепонятные психологические этюды», уже подвергнутой выше обсуждению, Кандинский уделил Вундту несколько страниц. Но мы отложили их *анализ* до рассмотрения и выяснения значения ранее уже упомянутого перевода Кандинского фундаментального труда Вундта «Основания физиологической психиатрии». Вот как сам Кандинский определял мотивы, по которым он взялся за перевод труда Вундта: «Проф. Вундт первый сделал попытку полного и систематического изложения психологии, основанной на специальных исследованиях строения и отправления нервной системы... книга проф. Вундта характеризуется направлением преимущественно физиологически-экспериментальным. Перевод такой книги мы сочли положительно нужным...». Указывая далее, что переведенная им книга вышла 6 лет тому назад, а с тех пор появилось немало новых исследований по физиологии мозга и нервов, Кандинский оправдывает этим сделанные им к книге дополнения и примечания.

Рассмотрение этих дополнений и примечаний позволяет с несомненностью установить, что они имеют преимущественное отношение к экспериментально-физиологическим исследованиям, представляющим интерес для психологии. Наиболее важные из них содержат новейшие данные о кортикальных центрах и вообще мозговой локализации психических функций, а также собственные, опережающие его время, представления самого Кандинского о физиологических механизмах обманов восприятия. В своем предисловии он также указывает, что перевод подобного сочинения с присоединением необходимых добавлений потребовал от него много сил и знаний, тем более, что пришлось почти заново повторно сделать перевод второго тома, так как к моменту его издания в 1880 году уже вышло на немецком языке новое, значительно дополненное, издание этого труда Вундта.

Перевод Кандинского вызвал положительный отклик в литературе того времени и был отмечен рядом положительных рецензий.

Следует указать, что Кандинский не прилагает к своему переводу анализа общих теоретических и философских концепций Вундта и не делает критических замечаний по поводу каких-либо его высказываний. Этот анализ он проводит в «Общепонятных психологических этюдах», опять-таки не проявив четко своего к ним отношения. По отдельным репликам

при изложении взглядов Вундта и с помощью сопоставления этих взглядов с собственными концепциями, изложенными в книге, видно, что Кандинский не признает, во всяком случае полностью не разделяет, философских воззрений Вундта. Почему же все-таки он в данном случае изменяет своей обычной манере открыто и определенно выражать собственную точку зрения по принципиальным и мировоззренческим вопросам, отстаивать и бороться за свои монистически-материалистические взгляды? Известно, что в своих философских и психологических воззрениях Вундт вступал в глубокие противоречия с основным прогрессивным сеченовским направлением развития психологии в то время. Напомним, что характеристика философских взглядов Вундта была дана, со всей определенностью, В. И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». В ней В. И. Ленин указывал, что «Вундт сам идеалист и фидеист... он вовсе не враг всякой метафизики (т. е. всякого фидеизма)». Такую же оценку философских позиций Вундта дает ряд видных советских психологов.

Однако, вопреки своим позитивистски оформленным идеалистическим концепциям, объективно труды и деятельность Вундта сыграли известную положительную роль в отрыве психологии от идеалистической философии, в развитии ее на экспериментально-физиологических основах, в формировании ее в самостоятельную научную дисциплину.

Во-первых, Вундт дал исчерпывающую систематизированную сводку всех разрозненных физиологических и экспериментальных исследований, имеющих большое значение для психологии, и сделал он это именно в своем труде «Основания физиологической психологии», переведенном и дополненном Кандинским.

Во-вторых, ему принадлежит заслуга организации в 1879 г в Лейпцигском университете первой психологической лаборатории, которая в последующем превратилась в институт. Огромная организаторская, научная и педагогическая деятельность Вундта привела к тому, что впоследствии были созданы такие же экспериментально-психологические лаборатории во многих странах, в том числе и в России, где их на первых порах организовывали психиатры. Последние вообще сыграли большую положительную роль в этот период в развитии в России того самобытного, материалистического направления в психологии, которое возглавил и идейно вдохновил И. М. Сеченов.

Мы думаем, что Кандинский дальновидно учитывал позитивную научно-организационную деятельность Вундта для психологии и потому занял по отношению к нему позицию «лояльного

нейтралитета».

В то же время можно согласиться с А. В. Снежневским, писавшим, что Кандинский все же не преодолел Вундта., «пройдя мимо учения Маркса и Энгельса, не принимая активного участия в движении русских революционных демократов».

Правильная оценка Кандинского как психолога не может быть дана, если не рассмотреть вопрос об отношении Кандинского к И. М. Сеченову. Это тем более необходимо потому, что, хотя Вундт, как мы отмечали, объективно своей организаторской работой и развитием экспериментально-физиологических исследований содействовал прогрессивному развитию психологии, его позитивистские, дуалистические концепции в то же время сбивали психологию с правильного пути. Этому как раз и противостояла воинствующая материалистическая позиция Сеченова. «В этот переломный в истории психологии период, справедливо указывает Е. А. Будилова, определяются два ее пути дальнейшего развития: идеалистически-вундтовский и материалистический сеченовский».

В работах Кандинского мы не смогли найти прямых ссылок на Сеченова. В сделанном Кандинским переводе на русский язык «Оснований физиологической психологии» Вундта имеются указания на работы Сеченова о задерживающих влияниях головного мозга на протекание рефлексов и говорится о дискуссии с ним швейцарского физиолога Шиффа и работавшего у него на кафедре А. А. Герцена (сына революционного демократа А. Н. Герцена).

Но Вундт не раскрывает теоретического значения, установленного Сеченовым, столь важного факта центрального торможения. Не делает этого и Кандинский в своих примечаниях к переводу книги Вундта.

Однако было бы ошибкой из приведенных нами данных сделать вывод, что Кандинский никак не реагировал на ту напряженную и страстную борьбу, которую вел Сеченов, борьбу за развитие психологии на материалистических началах, что он не разделял сеченовских концепций физиологической психологии.

Кандинский решительно выступил против К. Д. Кавелина, опубликовавшего в 1872 г. работу «Задачи психологии», которая своим острием была направлена против Сеченова. «Можно указать,— писал Кандинский,— на психологов-естествоиспытателей, по-видимому, отправляющихся от данных положительной науки, но приходящих к воззрениям, не имеющим ничего общего с последнею... Из российских писателей по психологии напомним В. Кавелина (трактат

которого был помещен в «Вестнике Европы»), с его вовсе не научным представлением о душе, — как об *организме*, хотя и тесно связанным с организмом телесным, но в то же время и самостоятельным».

В этой рецензии Кандинский далее высказывается полностью в духе Сеченова по психофизической проблеме, активно отстаивая материалистическую концепцию психофизического монизма: «В современной научной психологии никто уже не говорит о душе, — пишет он, — как об абстрактной сущности, как о чем-то целом, нераздельном и не материальном, только внешним образом связанном с телом, но совершенно отличным от последнего. Под именем *душа* психолог понимает всю совокупность явлений психической жизни, обнимающую способность ощущения, представления, воли, — явлений, которые в конце концов сводятся на молекулярное движение вещества в мозгу и нервах. Поэтому для нас душа не есть постоянное, метафизическое целое, но количественно и качественно изменяющаяся функция». Наука установила уже как незыблемое положение: — «без мозга, или, верней, без нервной системы — нет душевной деятельности, нет психической жизни».

Это высказывание Кандинского заслуживает особого внимания. В нем решительно отбрасываются метафизические рассуждения о душе, которые были подвергнуты справедливой критике В. И. Лениным. Кандинский отмечает недостаточность для материалистических концепций указаний только на внешним образом обусловленную связь души с телом и подчеркивает необходимость признания функционально-производного отношения психики к мозгу и нервной системе в целом.

В этой же работе Кандинского имеется еще ряд соображений, созвучных концепциям Сеченова. Так, Кандинский пишет, что «психическая жизнь не ограничивается сферой сознания... Бессознательные душевные процессы составляют как бы основу, из которой возникает сознательная душевная деятельность... многие весьма сложные действия, сначала будучи вполне сознательными и произвольными с течением времени могут сделаться совершенно автоматическими, т. е. совершаться без всякого участия сознания...». Дает Кандинский в рецензии также и развернутую критику эмпирической психологии, которая «имела единственным источником самонаблюдение». Он указывает, что самое изощренное пользование одним методом самонаблюдения «не в состоянии дать нам ни малейшего понятия не только о сущности явлений внутренней жизни, но и о возникновении отдельных психических моментов» и неизбежно ведет к воззрению, характеризующемуся дуализмом психического и телесного. «Таким воззрением, — утверждает Кандинский, — собственно говоря, отрицается самая

возможность психологии как науки».

Близостью взглядов Кандинского по ряду основных вопросов психологии концепциям Сеченова подтверждается общность их мнений о молекулярной основе единства физиологических и психических процессов. Указывая, что «физиология представляет ряд данных, которыми устанавливается родство психических явлений с так называемыми нервными процессами», Сеченов отмечает, что под последними надо разумеать «недоступный нашим чувствам частичный (молекулярный) процесс в сфере нервов и нервных центров». Кандинский же подчеркивает, что явления психической жизни «в конце концов сводятся на молекулярные движения вещества в мозгу и нервах».

«Можно смело сказать,— пишет С. Л. Рубинштейн,— что И. М. Сеченов сделал два особо важных открытия: 1) в области физиологии — открытие центрального торможения и 2) в области психологии — открытие рефлекторной природы психического. Последнее принадлежит к числу тех особенно значительных открытий, которые выходят далеко за пределы одной науки, приобретая общее, мировоззренческое значение».

Вот почему весьма важно выяснить отношение Кандинского к возможности распространения рефлекторного принципа на деятельность головного мозга и к правомерности в связи с этим признания сеченовского положения о том, что все психические акты совершаются по типу рефлексов. На оба эти вопроса Кандинский отвечает утвердительно. Он указывает, что «новейшие анатомические исследования мозга действительно позволяют заключить, что головной мозг есть механизм, в устройстве которого дана возможность самых сложных отправлений, совершающихся, вообще говоря, по принципу рефлекса». Исходя из отсутствия резкой разницы между сознательными и бессознательными психическими явлениями, поскольку последние протекают рефлекторным порядком, он также считает, что «весьма естественно возникновение стремления объяснить и сложные психические отправления по принципу рефлекса». Кандинский даже видит в этом «главнейшую задачу психологии».

Выясняя близость взглядов Кандинского с концепциями Сеченова, мы главным образом ссылались на те его взгляды, которые он высказал в своей ранней работе. В более поздних работах выдающегося психиатра можно отметить еще ряд высказываний, свидетельствующих об общности позиций Кандинского и Сеченова в учении о психике и в понимании задач и построении психологии. Это прежде всего относится к вышеупомянутой идее развития в органическом мире, базирующейся на учении Дарвина о непрерывно связанной с ней

эволюции психического в животном мире. Хотя на общих представлениях Кандинского об эволюции сказалось влияние Спенсера, все же Кандинский, по сравнению с другими естествоиспытателями, например с Геккелем, имеет определенное преимущество. Он в конце концов преодолевает концепцию «всеобщей одушевленности» и видит в психическом свойство высоко организованной материи, появившейся на определенной ступени ее развития в животном мире у видов, наделенных нервной системой. Исторический подход к психологии, столь ценный у Сеченова, получил также отражение в трудах Кандинского.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что как психолог Кандинский стоял на сеченовских позициях.

Надо только еще раз отметить, что он не заявил прямо и открыто о своей поддержке Сеченова в его трудной борьбе за утверждение материалистической, развивающейся на физиологических основах отечественной психологии. Но на это, по-видимому, имелся ряд причин, связанных с индивидуальными особенностями и условиями жизни Кандинского, о которых мы писали выше. Ясно одно, он проводил в психологии прогрессивную линию и стоял на позициях материалистического монизма, хотя и не всегда был последователен в своих философских и общетеоретических высказываниях.

Для характеристики Кандинского как психолога, важно проанализировать его работы, выходящие по своей тематике за пределы физиологической психологии. К ним относится уже упоминавшаяся работа «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии», а также посмертно изданная книга «К вопросу о невменяемости».

Первая из указанных работ по существу касается вопросов социальной психологии и пограничной с ней социальной психопатологии. Написанная прекрасным языком, она содержит интересный по своей экзотичности материал о различных «душевных эпидемиях». Хотя по своей тематике эта работа не является одной из первых в нашей и зарубежной литературе, она выгодно отличается подробным описанием различных вариантов «повальных, эпидемических душевных расстройств» (эпидемий самобичевания, хореоманий, тарентизма, дельноманий, вампиризма, зооантропии и др.). В ней обращает на себя внимание глубина анализа, преимущественно физиологического и психопатологического явлений «психической заразительности». Отчетливо выступает стремление автора вскрыть полную несостоятельность идеалистического и мистического толкования явлений массовой психической контагиозности, снять с нее ореол чудесности и покрывало таинственности, дать ей строго научное объяснение.

В этом плане автором были также рассмотрены явления спиритизма и гипноза.

Душевные эпидемии трактуются Кандинским как пограничные состояния между нормой и патологией, рассматриваются как не имеющий строгих границ текучий переход (перелив) социально-психологических явлений в нерезко выраженные психопатологические.

«Подобного рода факты,— пишет Кандинский,— обыкновенно только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когдадвигающая идея или чувство слишком нелепы, слишком далеки от нормы или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами. Но степени душевного расстройства бесчисленны и строго разграничить явления патологические и физиологические — невозможно».

Психолог и психиатр найдет в этой работе Кандинского много интересного и поучительного. Она, несомненно, должна содействовать лучшему пониманию явлений конформизма и психического индуцирования, роли гиперэмотивности в нормальном поведении, в клинике психопатий, особенно истерической. Дано в ней и тонкое психопатологическое описание экстатических состояний.

Хотя основное внимание Кандинский уделял физиологическому анализу механизмов подражательности, внушаемости и конформизма, явлений сомнабулизма и гипнотизма, он учитывал также и значение для надлежащего понимания описываемых им явлений социологических, социально-психологических, общепсихологических и психопатологических факторов.

Естественно, что Кандинский, не знакомый с трудами классиков марксизма, не мог оказаться способным к анализу социологических явлений с позиций исторического материализма. Но для нас важно, что он не поддавался столь распространенному в его время в кругах интеллигенции влиянию субъективно социологических толкований истории, проповедуемых П. Л. Лавровым и Н. К. Михайловским. Идеалистическая, субъективно-социологическая трактовка ряда исторических событий иногда получает отражение в работе Кандинского. Это проявлялось главным образом в трактовке роли личности в истории. Но она не образует у него системы взглядов, а имеет характер наносного, некритического использования литературы. Так, например, он цитирует американского социолога Д. Дрейпера, писавшего, что «Видения Магомета изменили обыденную жизнь половины народов Азии и Африки... Догмат пророка привел в трепет души людей от Гвинейского залива до Китайского моря». В этом же плане

Кандинский цитирует Спенсера с его объяснением крестовых походов как следствия проповедей экзальтированного монаха Петра Пустынника, а наполеоновских войн как последствия «ненасытного честолюбия одного корсиканца». И в то же время, проводимый Кандинским в социально-психологическом аспекте анализ явлений, хотя и не занимал в его работе большого места, весьма интересен. Кандинский касается таких социально-психологических феноменов, как мода, настроения отдельных социальных групп, отношения коллектива и его руководителей, социально-психологические факторы в возникновении паники, массового энтузиазма и проч.

Весьма важно также, что свой психологический, социально-психологический и исторический подход к изучаемым явлениям психической контагиозности и конформности Кандинский никогда не подменяет их биологизацией. Придавая столь большое значение у отдельного человека анализу физиологических механизмов подражания идеям, чувствам, поступкам других людей и уподобления им своего поведения в целом, Кандинский нигде не пытается с позиций такого анализа исчерпывающе объяснить причины психических эпидемий как массовых социальных форм подражательности и конформизма.

«Конечно,— пишет он в заключении своей работы,— в происхождении душевных эпидемий играют различные причины и условия, случайные и частные, общественные и исторические...».

Представляет большой интерес, что видный представитель субъективно-социологической школы Н. К. Михайловский стремился использовать эту работу Кандинского в своем нашумевшем произведении «Герой и толпа».

В этом публицистическом трактате идея Михайловского, что историю творят «критически мыслящие личности», а послушным орудием в их руках являются безличная, стихийно действующая, покоренная их воле, толпа — получила наиболее развернутое изложение. Михайловский приводит выдержку из работы Кандинского, в которой подчеркивается, что к сходной с животными подражательности больше склонны люди с незрелой или дефектной психикой.

Эту выдержку из статьи Кандинского Михайловский хотел использовать для подтверждения своей субъективной социологической концепции, но получилась неувязка, так как Кандинский в своей работе далее в то же время утверждал, что при определенных условиях «при высокой степени умственного и нравственного развития человек никогда *вполне* не избежит действия нервно-психического контагия». Он даже указывает (и это особенно раздражает Михайловского), что «главнейшие

источники душевных эпидемий — религиозное чувство, мистические стремления, страсть к таинственному... Михайловский обрушивается на Кандинского. Он пишет, что «книжка г. Кандинского представляет любопытный пример того, как часто люди науки сами себя обворовывают...».

Это самообворовывание он видит в том, что в книге Кандинского обойден ряд вопросов и особенно неудовлетворительно освещены явления гипнотизма. Теоретик либерального народничества негодует, что Кандинский «стремится, главным образом, опровергнуть чудесность спиритизма при помощи разъяснения гипнотических опытов... что в трактате, специально посвященном подражательности, едва-едва упоминается о той громадной роли, которую подражание играет в самом составе гипнотических сеансов. Между тем здесь-то может быть и лежит ключ к уразумению всей тайны «героев и толпы». Последняя фраза, собственно говоря, и является «ключом к уразумению» того, чем не «угодил» Кандинский Михайловскому.

В физиологическом анализе механизмов подражательности и конформизма Кандинским было уделено большое внимание соотношению в жизни и деятельности человека разумного, целенаправленного, волевого поведения и поведения автоматического, осуществляемого ниже порога сознания. С этим был неразрывно связан и вопрос о «свободе воли», бывший предметом острых и бурных споров среди философов, психологов и психиатров, поскольку он имел важное мировоззренческое значение.

Кандинский уделил большое внимание вопросу о свободе воли; он занимал здесь весьма четко материалистическую позицию. Например, он писал «о спиритуалистическом принципе абсолютно свободной воли» как о «принципе, нарушающем всеобщность закона причинности». Возражая против концепции абсолютной свободы воли, Кандинский опирается в качестве аргумента на судебную-исправительную практику, базирующуюся на «принципе определяемости воли внешними факторами, на принципе *детерминистическом*, совершенно противоположном индетерминистическому учению спиритуалистов». «Тот, кто хочет путем наказания исправить злую волю,— пишет он,— уже этим самым отрицает абсолютную свободу воли и напротив утверждает, что внешние факторы (как, например, наказание) могут отражаться на воле определяющим, изменяющим образом...».

Но не только четкие и определенные материалистические позиции по вопросу о свободе воли характеризуют Кандинского в его книге «К вопросу о неменяемости». В этом своем произведении, отражающем его более поздние взгляды, ученый, в какой-то степени преодолев представления о физиологическом

детерминизме поведения человека, приблизился к представлениям социальной его детерминированности. Большой интерес представляет, что в анализе проблемы вменяемости и ответственности лиц, совершивших криминальные деяния, Кандинский обнаруживает глубокое и диалектическое понимание сложной психологической структуры волевого акта. Он надлежащим образом учитывал неразрывную связь побудительных мотивов, взвешивания их, выбора решения и его осуществления с целеполагающим сознанием, анализом и синтезом мышления и социально-этическими чувствами. Опираясь на эти психологические концепции, Кандинский всесторонне обосновывает свою точку зрения на критерий вменяемости, на чем мы подробно остановимся в главе нашей книги, посвященной взглядам Кандинского в области судебной психиатрии.

В заключение можно определить основные качества Кандинского как психолога следующим образом.

Занимаясь историческими исследованиями в области психологии, Кандинский проявил себя не «историком-летописцем», а «историком-мыслителем», раскрывающим направленность и закономерности в историческом развитии психологии. Соответственно своему материалистическому мировоззрению Кандинский положительно относился к материалистическим концепциям философов-материалистов в психологии. Он критически подходил к психологическим концепциям философов-идеалистов и вскрывал их несостоятельность.

Можно считать установленным, что Кандинский поддерживал прогрессивное сеченовское направление в психологии, его материалистические психофизиологические концепции и рефлексорную теорию психической деятельности. Что же касается Вундта, объективно способствовавшего развитию экспериментальной физиологической психологии, то Кандинский считал необходимым использовать все то ценное и полезное, что сделал Вундт, но не был достаточно критичен к идеалистическим философско-психологическим концепциям последнего.

Кандинскому принадлежит заслуга разработки некоторых вопросов социальной психологии и пропаганды естественно-научных взглядов на такие нередко мистически-религиозно толкуемые явления, как психические эпидемии, сомнамбулизм, гипноз. В этой своей деятельности Кандинский проявил себя как воинствующий материалист.

Кандинский высказал ряд ценных и оригинальных мыслей об общих отношениях между психологией и клинической

психиатрией. Ему принадлежит заслуга правильного формирования психологического критерия определения вменяемости, столь значимого для практики судебной психиатрии.

Глава девятая.

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. Х. КАНДИНСКОГО

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**

Л.Л.Рохлин

Общая характеристика В. Х. Кандинского как психопатолога. Основные работы по психопатологии. Монография «О псевдогаллюцинациях» и ее значение. Вклад в учение о галлюцинациях. Описание В.Х. Кандинским псевдогаллюцинаций. Их отличие от галлюцинации, психических галлюцинаций Байярже, образных представлений, чувственных фантазий. Описание явлений психического автоматизма в монографии В. Х. Кандинского. Физиологические основы галлюцинаций. Значение психопатологических исследований В. Х. Кандинского.

Творческое наследие В. Х. Кандинского в области общей психопатологии особенно велико. По праву Кандинский считается одним из основоположников этого важного раздела психиатрии. Ему принадлежат неоценимые заслуги в развитии учения о галлюцинациях. С именем его связано открытие и описание нового психопатологического феномена, относящегося к обманам восприятий, вошедшего и закрепившегося в психиатрической клинике под названием псевдогаллюцинаций Кандинского. Ему также принадлежит приоритет в описании распространенного психопатологического синдрома, который позже весьма полно был охарактеризован французским ученым Клерамбо и в психиатрической литературе был назван синдромом психического автоматизма Кандинского-Клерамбо.

Кандинскому принадлежит также заслуга разработки опережающей его время физиологической теории галлюцинаций.

В настоящей главе предпринята попытка дать краткий очерк исследований Кандинского, относящихся к вопросам психопатологии.

Свое учение о галлюцинациях Кандинский развил в двух статьях (первая — «К вопросу о галлюцинациях», вторая — «Клинические и практические изыскания в области обманов чувств» и в монографии «О псевдогаллюцинациях» Кроме того, в упомянутых выше дополнениях и примечаниях к переведенной им книге В.Вундта имеются развернутые высказывания о физиологических основах галлюцинаций.

Монография «О псевдогаллюцинациях», как об этом пишет сам Кандинский, была намечена им как первый очерк из серии, посвященной вопросу об обманах восприятий, но преждевременная трагическая смерть (40 лет) не позволила осуществить это намерение (44).

В период, предшествующий выходу в свет монографии Кандинского, вопрос об определении сущности галлюцинаций, их классификации, отношении к другим психопатологическим явлениям, в частности к бреду, являлся предметом широкого обсуждения в психиатрической литературе, особенно французской и немецкой. Напомним об оживленной дискуссии в Парижском медико-биологическом обществе в 1855 году, посвященной вопросу об отношениях между галлюцинациями, восприятиями и представлениями. В Германии в этот же период были опубликованы имеющие большое теоретическое значение для учения о галлюцинациях работы Гагена (1868), Кальбаума (1866), Майера (1865)

Впервые выделяя новый психопатологический феномен в обманах восприятиях, названный им «псевдогаллюцинацией», Кандинский, естественно, не мог обойти молчанием всю предшествующую богатую литературу о галлюцинациях. Напротив, он уделил в своей монографии большое внимание всесторонней и острой полемической критике взглядов на галлюцинации, господствовавших в психиатрии того времени. Имеются все основания считать родоначальником всех теорий галлюцинаций Эскироля, который впервые дал развернутое определение этого психопатологического явления. Он писал: «В состоянии галлюцинации находится тот, кто имеет внутреннее убеждение в том, что он воспринимает в данную минуту ощущение, тогда как в пределах досягаемости его органов чувств нет никакого внешнего предмета, способного возбудить это ощущение».

Кандинский не случайно начинает свою монографию с критического анализа данного Эскиролем определения галлюцинаций. «Быть убежденным в том, что имеешь ощущение, — указывает он, — и действительно иметь ощущение — не всегда одно и то же». Кроме того, подчеркивал он «галлюцинации суть не просто субъективные ощущения, но субъективные *восприятия*», и делает важное примечание: «Ощущение есть элементарная и первичная душевная деятельность, результат возбуждения — нервов чувствования. Чувственное восприятие есть душевная деятельность высшего порядка, которая, беря своим материалом ощущения, строит из них нам познание предметов. Тут же Кандинский дает свое развернутое определение галлюцинаций, которое мы считаем целесообразным привести полностью: «Под именем *галлюцинация* я разумею непосредственно от внешних

впечатлений независящее возбуждение центральных чувствующих областей, причем результатом такого возбуждения является чувственный образ, представляющийся в восприимлющем сознании с таким же самым характером объективности и действительности, который при обыкновенных условиях принадлежит лишь чувственным образам, получающимся при непосредственном восприятии реальных впечатлений».

Кандинский поясняет это свое определение галлюцинаций. Во-первых, он раскрывает содержание упоминаемого в этом определении понятие объективности, которую рассматривает как возможность постигать при помощи извне обусловленных восприятий существо предметов внешнего мир, которые, таким образом, являются объектами нашего познания. Во-вторых, он указывает, что галлюцинаторные образы возникают вместе и одновременно с действительными чувственными восприятиями и могут заменять собой реальный внешний мир. Но и в этом и в другом случае галлюцинаторные восприятия для восприимлющего сознания «должны иметь *такое же значение*, каким при нормальных условиях обладают лишь действительные, объективно обусловленные чувственные восприятия».

Приведенное выше определение галлюцинаций служит Кандинскому основой для выявления особенностей, выделяемых им тех разновидностей обманов восприятий, которым он дал название псевдогаллюцинаций. По поводу названия «псевдогаллюцинации» Кандинский пишет, что оно может вызвать возражения, как и другие термины с приставкой «псевдо». Он не будет спорить, если описываемые им субъективные явления в сфере восприятий будут называться иначе, «например, «hallucinoides», «illuminationes», «illustrationes», или как-нибудь иначе».

Раньше, чем перейти к раскрытию содержания этого понятия, Кандинский посвящает специальную главу анализу работы Гагена, который также пользовался термином «псевдогаллюцинация». Кандинский считает, что гагеновские «псевдогаллюцинации» принадлежат к психопатологическим явлениям, «к сфере чувственного восприятия вовсе не относящимся», а являющимся сборной группой симптомов, нередко ошибочно определяемых как галлюцинации. В порядке уточнения следует указать, что среди описываемых Гагеном «псевдогаллюцинаций» Кандинский все же обнаружил и такие психопатологические явления, которые подходят под его определение «слуховых псевдогаллюцинаций». Но это не противоречит даваемой им общей оценке псевдогаллюцинаций Гагена.

В гагеновскую сборную группу, по Кандинскому, входят образный, чувственный бред, насильственно-навязчивые представления, ошибки воспоминаний, «ложные идеи вторичного происхождения, возникшие в непосредственной зависимости от *содержания слуховых галлюцинаций*».

В советской и зарубежной литературе в настоящее время высказываются многочисленные ошибочные суждения относительно псевдогаллюцинаций, выделенных и описанных Кандинским. Их нередко отождествляют с живыми образными представлениями и фантазиями, видят их отличие от истинных галлюцинаций в отсутствии проекции во вне и отмечают возникновение их внутри организма («внутренние голоса»), приравнивают к психическим галлюцинациям Байарже, подчеркивая их якобы бестелесный, нечувственный характер. В целях устранения таких ошибочных суждений лучше всего привести высказывания самого Кандинского. Мы воспользуемся для этой цели кратко сформулированным определением псевдогаллюцинаций, приведенным им в выводах, которыми заканчивается его монография. Вот это определение: «То, что я называю настоящими псевдогаллюцинациями, есть весьма живые и чувственно до крайности определенные субъективные восприятия, характеризующиеся всеми чертами, свойственными галлюцинациям, за исключением существенного для последних характера объективной действительности; только в силу отсутствия этого характера они не суть галлюцинации». Отграничивая псевдогаллюцинации от различного характера представлений, Кандинский называет еще ряд важных дополнительных признаков псевдогаллюцинаций. «Мои псевдогаллюцинации не суть простые, хотя бы необычайно живые, образы воспоминания и фантазий; оставляя в стороне их несравненно большую интенсивность (как признак несущественный), я нахожу, что они отличаются от обыкновенных, воспроизведенных чувственных представлений некоторыми весьма характерными чертами (как-то: рецептивное отношение к ним сознания; их независимость от воли; их навязчивость; высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов; неизменный или непрерывный характер чувственного образа при этого рода субъективных явлениях)».

В этом определении Кандинского мы бы хотели привлечь внимание к следующим двум признакам. Первый из них — «высокая чувственная определенность и законченность псевдогаллюцинаторных образов». Как мы увидим дальше, отмеченный признак имеет существенное значение для разграничения псевдогаллюцинаций Кандинского от психических галлюцинаций Байарже.

Ярким примером такой высокой чувственной определенности и

законченности псевдогаллюцинаторного образа является приведенная Кандинским в его монографии клиническая иллюстрация в истории болезни больного Долинина.

«Образ гусара в красной фуражке, синем мундире и малиновых штанах... видится *внутренне*,... *спонтанно* является не перед телесными очами... но перед очами духовными, именно *перед* внутренне зрящим субъектом... воспримется сознанием... *сразу со всеми мельчайшими своими частностями*... Долинин с большой отчетливостью видит не только ярко-красную фуражку, но и кокарду на ней, все черты лица и выражение последнего, черные бакенбарды и закрученные в кольца усы, все шнурки голубого мундира на груди. В этом живом и до мельчайших подробностей отчетливом чувственном образе ничто не может быть изменено произвольными усилиями воображения».

Второй признак — это навязчивый характер псевдогаллюцинаторных образов, то, что они, по словам А. В. Снежневского, «являются результатом воздействия, насильственности, проявляемой извне, что они им «сделаны». Указанный признак весьма важен потому, что, с одной стороны, позволяет с помощью критерия объективности (по Кандинскому) определить существенное отличие псевдогаллюцинаций от истинных галлюцинаций, с другой — потому, что сопровождающее псевдогаллюцинации чувство воздействия «сделанности» вводит их в круг явлений психического автоматизма, на чем мы еще остановимся.

Вопросу об отношениях псевдогаллюцинаций к психическим галлюцинациям, описанным Байарже, Кандинский уделил большое внимание. Мы полагаем, этот вопрос представляет интерес для читателя, тем более что в советской и зарубежной литературе нередко отмечается неправильное отождествление названных психопатологических феноменов.

В своей монографии Кандинский часто обращается к высказываниям Байарже о психических галлюцинациях, характеризует отношение к ним его французских коллег, сопоставляет их с псевдогаллюцинациями и дает сравнительную оценку тех и других.

Так, он уже в начале книги цитирует слова Байарже о «чисто интеллектуальных восприятиях, которые больными часто бывают ошибочно смешиваемы с чувственными восприятиями», что в отличие от обычных, «полных», по определению Байарже, галлюцинаций, психические галлюцинации «происходят единственно от непроизвольной деятельности памяти и воображения и являются совершенно независимыми от органов чувств». Далее Кандинский касается высказывания Байарже о том, что «психические галлюцинации, по-видимому,

исключительно относятся к области слуха», но в сущности «они не имеют никакого отношения к сенсориальным аппаратам». По словам Байарже, «больные здесь не испытывают ничего похожего на слуховые ощущения», но уверяют,— дополняет Кандинский,— что они слышат беззвучно (иногда с очень больших расстояний), посредством индукции, мысль других лиц, что они могут вести со своими невидимыми собеседниками интеллектуальные разговоры, вступать своей душой в общение с душами этих лиц, слышать идеальные, таинственные или внутренние голоса» Кандинский подробно цитирует Байарже и во многих других местах своей монографии, приводя его высказывания о том, что «психические галлюцинации не имеют никакого отношения к органам чувств», что «они слышат мысль без посредства звука, слышат тайный внутренний голос, не имеющий ничего общего с голосами, воспринимаемыми при посредстве уха..., ведут со своими невидимыми собеседниками интимные разговоры, в которых чувство слуха положительно не играет никакой роли». Тут же Кандинский указывает, что Байарже сам говорит, что выражение «внутренние, интеллектуальные голоса» здесь собственно непригодны: «нельзя говорить о голосах, если явление совершенно чуждо чувству слуха, а совершается в глубинах души», «больные пользуются подобного рода неверными выражениями только за неимением лучших. Не ограничиваясь высказываниями Байарже, Кандинский приводит мнения французских психиатров Мише, Мореля, Марсе о том, что «психические галлюцинации» Байарже, собственно говоря, не разновидность обманов восприятия, а «скорее род интеллектуального бреда» и что относятся они к расстройствам мышления.

Сам Кандинский, допуская, что в отдельных случаях описанные Байарже психопатологические феномены и определяемые им как психические галлюцинации являются разновидностью слуховых псевдогаллюцинаций, решительно возражал против отождествления этих двух психопатологических понятий. «... Внимательно читая о психических галлюцинациях у Байарже,— пишет Кандинский,— нетрудно убедиться, что он скорее дает описание простого (т. е. нечувственного) насильственного мышления, чем тех живо чувственных субъективных восприятий, которые я называю псевдогаллюцинациями слуха».

В другом месте он указывает «Описание Байарже приложимо только к тому, что некоторые из моих больных называют «мысленные внушения», «мысленная индукция» и что они отличают от «внутреннего слушания», от «внутреннего слухового внушения» или от «внутренней слуховой индукции», первое из этих явлений имеет характер действительно чисто интеллектуальный, а органы чувств, в частности орган слуха, здесь нимало не замешаны. Напротив, во втором случае мы имеем дело с явлением резко чувственным, с особого рода

весьма живыми и именно слуховыми субъективными восприятиями, местом происхождения которых могут быть только специально слуховые области головного мозга коры».

К этому четкому определению Кандинского различий между «психическими галлюцинациями» Байарже и выделенными им «псевдогаллюцинациями» по признаку сенсорности следует добавить, что при псевдогаллюцинациях, в отличие от истинных галлюцинаций, больные отмечают особенный способ восприятий. Они слышат «внутренним ухом» и видят «внутренним зрением». Преобладает у этих больных внутренняя проекция псевдогаллюцинаторных восприятий. Они слышат «голоса» и им «делается словесное внушение» внутри головы или из разных частей тела. Им таким же образом «навязываются видения» и «насилыно демонстрируют картины».

Выше мы уже отмечали связь псевдогаллюцинации с идеями внешнего воздействия, их «насилыственность», «сделанность». При этом следует подчеркнуть, что речь идет не только об интерпретирующем, объяснительном бреде воздействия, бреде влияния, но и о непосредственно присущем больным чувстве чуждости, непринадлежности своему «я» таких психопатологических феноменов, как псевдогаллюцинации. Отсюда ясно, что псевдогаллюцинации в какой-то мере относятся к тому психопатологическому синдрому, который в современной литературе определяется как синдром психического автоматизма, их можно понимать как сенсорный вариант этого сложного синдрома. Как известно, заслуга наиболее полного, всестороннего клинического описания этого синдрома психического автоматизма принадлежит французскому ученому Клерамбо.

Представляет большой интерес тот факт, что в анализируемой монографии Кандинского весьма подробно и красочно представлены разнообразные психопатологические явления, входящие в структуру названного синдрома. Это послужило основанием для советских психиатров назвать данный синдром синдромом Кандинского-Клерамбо (45). Мы не можем входить в подробное обсуждение, как характеризовал и как толковал Кандинский психопатологические явления, которые надлежит относить к синдрому психического автоматизма. Ограничимся только кратким обзором этих явлений, превосходно описанных в историях болезни, приведенных в его монографии.

Сензорного варианта психического автоматизма мы уже касались при анализе выделенных Кандинским псевдогаллюцинаций. Отметим только, что он различал псевдогаллюцинации слуха, зрения, общего чувства, вкуса и обоняния, всегда подчеркивая их чуждый, навязанный больному характер. «Слуховые псевдогаллюцинации душевно больных,

подобно зрительным, почти всегда характеризуются навязчивостью», — читаем мы в его монографии. «Больные внутренне слышат не потому, что хотят этого, но потому, что *принуждены слышать*: при всех своих стараниях они не в состоянии отрешиться от этих внутренних речей, содержание которых весьма часто бывает для них крайне неприятно и оскорбительно».

То же относится и к другим видам псевдогаллюцинаций. Представляет интерес, что разнообразные феномены идейно-словесного автоматизма также получили весьма полное освещение в работе Кандинского.

Так, он выделил различные симптомы «открытости мыслей». К ним он отнес чувство «внутренней раскрытости», бредовую уверенность больного в известности его мыслей, разнообразные явления «эха мысли» (повторяющего, предвосхищающего, уведомляющего). «Внутреннюю раскрытость» Кандинский иллюстрирует ярким сравнением: «О положении больного, у которого вдруг все мысли стали открытыми для окружающих — пишет Кандинский, — может дать некоторое понятие сравнение с положением стыдливой девицы, с которой в многочисленном собрании, например, на балу, сразу, по необъяснимому для нее волшебству, спадают все одежды, и она остается в ярком свете люстр под устремленными на нее взорами сотни глаз блестящих разодетых гостей, абсолютно нагой».

Четко описывается им также «эхо мысли» в разнообразных его проявлениях: «Когда эти больные думают про себя, они слышат своими внешними ушами, слышат вполне объективно (на то это и галлюцинации), что чьи-то голоса где-нибудь в стороне произносят эти мысли *вслух*; когда они читают про себя, то голоса со стороны, слово за словом, фразу за фразой читают *вслух* вслед за ними... Это бы еще ничего, если бы тут дело ограничивалось одним регулярным повторением вслух сознательных мыслей больного, им самим внутренне формулируемых в словах, то больные сравнительно легко свыклись бы с таким эхом. Из некоторых, точно прослеженных мною клинических случаев, я убедился, что обыкновенные «голоса» выговаривают мысли больного прежде, чем последний успеет внутренне облечь их в слова...

К оригинальным идейно-словесным автоматизмам относится также выделение Кандинским особых расстройств памяти, названных им «псевдогаллюцинаторными, псевдовоспоминаниями». Вот как он их описывает: «... *Какой-нибудь измышленный факт, то есть какое-нибудь представление, созданное фантазией больного мгновенно (в момент своего перехода за порог сознания) становится псевдогаллюцинацией, зрительной или слуховой, и эта псевдогаллюцинация ошибочно*

принимается сознанием больного за живое воспоминание действительного факта, совершившегося в далеком или недавнем прошлом. Важно, что эти псевдогаллюцинаторно оформленные псевдовоспоминания, по утверждению Кандинского, также возникают неожиданно, произвольно, а содержание их имеет аффективное отношение к бредовым идеям больного.

Из разнообразных двигательных компонентов психического автоматизма, описанных Кандинским, мы позволим себе остановиться только на рече-двигательных галлюцинациях, поскольку последние, вскоре после выхода на немецком языке книги Кандинского, описаны известным французским психиатром Сегла. Кандинский выделял рече-двигательный вариант психического автоматизма в двух формах автоматического говорения: внутреннего и двигательного (действительного). Последнее он в свою очередь подразделял на произвольное и насильственное говорение. Под «внутренним говорением» Кандинский подразумевал такое состояние, когда больному кажется, что он говорит, между тем подлинных речевых высказываний в это время не происходит.

При «действительном говорении» речевые высказывания больного имеют место, но при этом больной произвольно говорит то, что говорить в ответ на заданный вопрос не имел намерения, либо его речевое высказывание носит непонятно насильственный характер, либо совершается под каким-то чужим влиянием. У ряда больных язык начинает действовать не только помимо воли, но даже наперекор ей, вслух и притом очень быстро, выбалтывается то, что никоим образом не должно было высказаться. В этих случаях воля больных оказывается «бессильной задержать внезапно получивший автономию язык».

Как известно, Сегла, кроме этих двух разновидностей рече-двигательных механизмов, описанных Кандинским, выделил еще и третий — «немое говорение», когда больные испытывают обманчивые ощущения автономных от их воли движений губ и языка, так, как будто они говорят, когда в действительности звуковой речи у них не наблюдается. В то же время Сегла, выделяя в одну общую группу словесные галлюцинации, допустил смещение моторных и сенсорных проявлений психического автоматизма. Кандинский же строго различал «словесное говорение» и «словесное слушание» у наблюдавшихся им больных.

Приведенных выборочных данных об описанных Кандинским явлениях психического автоматизма (в монографии их значительно больше), мы полагаем, вполне достаточно, чтобы утверждать значение Кандинского, наряду с Клерамбо, в выделении такого важного и распространенного в

психиатрической клинике психопатологического синдрома.

Большой интерес представляют взгляды Кандинского об особенностях сна у душевнобольных, об отношениях между сновидениями и галлюцинациями, об онейроидных (онирических) расстройствах сознания.

Кандинский считал, что «сон у душевнобольных часто весьма отличается от сна здоровых, представляя нечто среднее между нормальным сном и полным бодрствованием, причем в одних случаях он ближе к одному из этих состояний, в других — другому.

Он ссылается на следующее высказывание по этому вопросу ученика Эскироля Кальмейля: «Многие из душевнобольных спят не иначе как сном неполным; другие же спят изредка. Иногда бред продолжается даже в то время, когда больной отдается сну; галлюцинации, мучительные идеи, ложные ощущения угнетающего свойства тогда преследуют больного под формой сновидений».

Кандинский подчеркивал также общность состояния сознания при галлюцинации и при сновидном изменении сознания. Состояния сна и бодрствования у галлюцинирующего больного, — считал он, — резкого различия между собой не представляют: с одной стороны, грезы настолько живы, что больной, так сказать, бодрствует во сне, с другой стороны, галлюцинация бодрствующего больного так причудливы и разнообразны, что, можно сказать, он грезит наяву. «Сновидение, полагал он, в сущности есть не что иное как кортикальная галлюцинация».

Исключительный интерес представляет то, что, изучая зрительные псевдогаллюцинации и, в частности, когда наблюдается их наплыв, «псевдогаллюцинирование сплошным потоком», Кандинский описал онейроидный (онирический) вид расстройства сознания, отметил все основные черты последнего: сказочность и драматичность разыгрывающихся в сознании больного снопоподобных событий с обязательным его деятельным и активным в них участием.

Особенностью психопатологических воззрений Кандинского является то, что, описывая с исключительной тонкостью различные психопатологические феномены, он всегда стремился установить их патофизиологическую основу. Ему принадлежит, далеко опередившая его время, гипотеза о происхождении галлюцинаций, которая впоследствии получила подтверждение в исследованиях выдающегося русского физиолога И. П. Павлова и новейших работах по нейрофизиологии. Вопреки мнению большинства своих современников, Кандинский связывает галлюцинации не только с возбуждением определенных

мозговых центров, но полагает, что они возникают при наличии истощения коры передней части полушарий головного мозга.

В своих дополнениях к переводу уже упомянутой книги В. Вундта «Основания физиологической психологии», он писал: «Наши собственные наблюдения решительно показывают, что галлюцинации самым тесным образом связаны не с возбуждением, но с *ослаблением* собственно умственной деятельности. Самые благоприятные условия для происхождения галлюцинаций — истощение мозга и отсутствие всякой активности, умственной и телесной... От картин воспоминания и воображения, как бы живы они ни были, галлюцинации отличаются присущим их характером *объективности*. В происхождении галлюцинаций, особенно сложных, кроме чувственных *вне-кортикальных* центров, играют роль, по нашему мнению, *чувственные корковые центры*... При ослаблении регулирования деятельности коркового чувственного центра передним мозгом, приходящие к первому из соответствующего внекортикального центра автоматические возбуждения обуславливают галлюцинации». Эти положения Кандинского, высказанные им 90 лет тому назад, соответствуют взглядам известного советского психиатра Е. А. Попова, много занимавшегося исследованием галлюцинаций и подчеркивающего значение тормозного состояния коры (гипнотических в ней фаз) для процесса галлюцинирования.

Заканчивая наш краткий очерк, характеризующий психопатологические воззрения В. Х. Кандинского, мы хотели бы выразить наше согласие с А. В. Снежневским, написавшим в своем предисловии к монографии «О псевдогаллюцинациях»: «В ней изложено не только учение о псевдогаллюцинациях, психическом автоматизме, онейроидных состояниях, особых расстройств памяти, патологии мышления, но и дан метод психопатологического исследования, которым продолжают пользоваться и до настоящего времени».

Глава десятая.
КЛИНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ В.
Х. КАНДИНСКОГО

Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского
Л.Л.Рохлин

Общие клинические воззрения В. Х. Кандинского. Его роль в формировании клинико-нозологического направления в отечественной психиатрии. Первое психопатологическое описание шизофрении под названием идеофрения. Взгляды В. Х. Кандинского на психопатию. Его работа: «Случай сомнительного душевного состояния перед судом присяжных» как одно из первых описаний психопатии. Концепции В. Х. Кандинского в отношении эпилепсии. Оценка клинической психиатрии того времени в рефератах и рецензиях В. Х. Кандинского. В. Х. Кандинский как психиатр-клиницист.

Если психопатологические исследования В. Х. Кандинского получили широкую известность и всеобщее признание в отечественной и зарубежной литературе, то этого нельзя сказать о его клинических концепциях. Специальных работ о Кандинском как клиницисте вообще нет. Имеются лишь ценные сведения о его взглядах на общие и частные проблемы клинической психиатрии, приводимые в послесловии А. В. Снежневского к книге Кандинского «О псевдогаллюцинациях».

Объяснение тому факту, что клинические воззрения крупнейшего психиатра не привлекли должного внимания советских и зарубежных ученых, не следует искать в том, что Кандинский якобы не имеет больших заслуг как клиницист, что его клинические концепции не представляют будто бы значительного интереса. Дело заключается в другом. Если по вопросам психопатологии Кандинский опубликовал ряд статей и монографию, то свои клинические воззрения он не успел обобщить в специальном труде. Взгляды Кандинского как клинициста получили свое выражение лишь в виде разрозненных высказываний в разных его работах, многочисленных рефератах, рецензиях и частично в монографиях. Судить о Кандинском — клиницисте можно и по помещенным им в этих публикациях превосходным историям болезни и по глубоким клиническим разборам.

В настоящей главе мы хотим на основе анализа и обобщения отдельных клинических высказываний Кандинского охарактеризовать его как клинициста.

Для того чтобы правильно понять и надлежащим образом оценить клинические воззрения Кандинского, необходимо предварительно проанализировать два важных момента. Это, во-первых, состояние клинической психиатрии и основные тенденции ее развития в 70—80-х годах предыдущего столетия, когда Кандинский формировался как клиницист-психиатр; и, во-вторых, индивидуальный путь Кандинского в клинической психиатрии, особенности его деятельности как клинициста-психиатра.

В 70—80-е годы прошлого столетия наблюдался крутой перелом в воззрениях психиатров в отношении понимания причин душевных расстройств и принципов их классификации. Господствующее положение здесь стала занимать естественно-научная концепция.

Уже в недрах симптоматического направления в психиатрии конца XVIII и начала XIX столетий, в частности в трудах Пинеля и Эскироля, возникали, как это хорошо показал в своей монографии В. М. Морозов, концепции, подрывающие

симптоматический подход к пониманию психических расстройств.

Новые взгляды характеризовало стремление выделить по примеру общей медицины отдельные клинические формы и установить анатомо-физиологические основы тех или иных психических расстройств. Этот подход нашел отражение в клиническом описании Бейлем и Кальмейлем (учениками Эскироля) прогрессивного паралича и Фальере — циркулярного помешательства. Сюда же следует отнести и работу Маньяна о хроническом эволютивном бреде, в которой подчеркивались закономерность и поэтапность развития бредовых психозов. Даже в концепции «единого психоза», предложенной Е. Целлером и в дальнейшем развитой В. Гризингером, как это не парадоксально, содержались предпосылки для подразделения психических заболеваний на отдельные клинко-нозологические единицы, ибо эта концепция базировалась на закономерностях течения различных психических расстройств.

Но в наиболее полном виде новый принцип клинко-нозологического подразделения, или, как тогда выражались, группировки психических расстройств по клиническим формам, получил свое выражение в классификации, предложенной немецким психиатром К. Кальбаумом, и его работе, посвященной кататонии, в которой он видел самостоятельную болезнь.

Естественно-научные взгляды на психические расстройства как проявления патологии мозга, намечавшиеся в трудах В. Гризингера, получили в 70—80-х годах прошлого столетия развитие в исследованиях Т. Мейнерта и его ученика К. Вернике. Весьма интересно, однако, что на том первоначальном этапе развития клинко-нозологических концепций анатомическое (церебральное) направление Мейнерта и Вернике при всей его прогрессивной роли находилось в известном противоречии с клинко-нозологическим направлением психиатров того времени. Ведь для того, чтобы исследование анатомо-физиологических основ психозов не превратилось в «мозговую мифологию», ему должно предшествовать клиническое изучение этих психозов. И это хорошо понимал Кальбаум. Он писал: «Работы патологоанатомов дали весьма содержательный и ценный материал. Но они не могли продвинуть наше понимание патогенеза психозов и их структур, так как последние наблюдаются *intra vitara*. Все более укрепляется наша уверенность в том, что только принципиально-клиническая точка зрения, подобная той, на которой стоят специалисты по соматопатологической клинике, может и должна разъяснить и разграничить душевные заболевания. Таким образом, клиническое объяснение подготавливает почву для дальнейшего анатомического

проникновения».

Как мы увидим дальше, отмеченные сдвиги в теории психиатрии нашли глубокое понимание у Кандинского с его материалистическим мировоззрением, специальным интересом к физиологии мозга и хорошей общей клинической подготовкой, полученной им еще в Московском университете у Г. И. Захарьина (по терапии) и А. Я. Кожевникова (по невропатологии и психиатрии).

Переходя к анализу становления Кандинского как клинициста-психиатра и условий его клинической психиатрической деятельности, следует прежде всего остановиться на том важном факте, что он пришел к психиатрию после работы в течение ряда лет терапевтом.

Переехав в 1881 г. в Петербург для работы врачом в Петербургской психиатрической больнице Николая Чудотворца, Кандинский сразу же вошел, как мы выше указывали, в тот круг петербургских психиатров, которые работали под руководством выдающегося ученого того времени, заведующего кафедрой психиатрии Медико-хирургической академии И. П. Мержеевского. Укажем на таких известных психиатров, как Ф. И. Герцог, А. Я. Фрей, В. Н. Томашевский, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечот и др.

Почти все они были практическими врачами и вместе с тем, как и Кандинский, вели исследовательскую работу, которую, как правило, консультировал И. П. Мержеевский. По составу профессуры в области естественных наук и медицины Петербургский университет представлял собой в то время одно из лучших учебных заведений не только нашего отечества, но и в Европе. Все это не могло не сыграть огромной роли в формировании Кандинского как клинициста.

Как в научной так и в практической деятельности В. Х. Кандинский всегда был к себе чрезвычайно требователен. Необходимым условием работы для него всегда являлось осмысление тех теоретических проблем, которые относились к области исследований, привлекавшей его внимание.

Для него обязательной была выработка тех исходных принципиальных позиций, опираясь на которые можно было бы обеспечить строгую последовательность в решении тех или иных конкретных научных и практических вопросов. Именно это характеризовало его деятельность в области клинической психиатрии.

В этом отношении заслуживает внимание то, как вообще понимал Кандинский границы между нормой и патологией в

психиатрии и то содержание, которое он вкладывал в понятие «психическая болезнь».

В своем раннем, написанном еще в 1876 г., труде «Нервно-психический контагий и душевные эпидемии» он трактует эти явления как пограничные состояния между нормой и патологией и указывает на отсутствие строгих границ, неуловимость перехода социально-психологических явлений в психопатологические. «Подобного рода факты, — пишет он, — обыкновенно только тогда причисляются к области душевной патологии, когда душевное расстройство является в слишком резкой форме, когда двигающая идея или чувство слишком нелепы, слишком далеки от нормы, или когда психическое расстройство сопровождается резкими телесными симптомами. Но степени душевного расстройства бесчисленны и строго разграничить явления патологические и физиологические — невозможно».

Позже, в 1880 г., в своей рецензии на книгу Б. Окса «Физиология сна и сновидений» Кандинский писал: «Одного мы только не понимаем, — почему автора так шокирует сравнение душевной жизни во время сна с умопомешательством, сравнение сновидений с галлюцинациями...» И далее: «Автор* как будто думает, что все принадлежащее к болезненному состоянию должно быть и по существу чем-то другим, отличным от явлений нормальной жизни, — как будто болезненное состояние не есть та же жизнь, текущая по тем же самым законам, как и жизнь нормальная, но только при измененных условиях». В этом определении болезни, в том, что Кандинский вначале выделил слово «по существу» и в концовке фразы «только при измененных условиях», отчетливо выступает диалектичность его клинического мышления в понимании отношений нормы и болезни, их единства и различий. Нельзя не обратить внимания и на то, как перекликается позиция Кандинского в этом вопросе с современными воззрениями общих патологов, как близко его определение понятия «болезнь» к определению, данному И. П. Павловым.

Выше, касаясь состояния и тенденций развития психиатрии в тот период, к которому относится деятельность Кандинского, мы указывали, что для этого периода наиболее характерным и важным было стихийное стремление прогрессивных психиатров к материалистическому естественно-научному толкованию психических заболеваний.

Что же касается становления Кандинского как клинициста-психиатра, то мы отметили, что оно прошло через предварительную фазу работы в качестве терапевта и что сам ученый непосредственно шел от соматической медицины к

психиатрии.

Мы полагаем, что оба отмеченные нами момента сыграли важную роль в формировании у Кандинского клиниконозологических психиатрических концепций, клиниконозологического подхода к систематике и классификации психических расстройств.

Эти новые клиниконозологические установки в психиатрии того времени определялись, в частности, и успехами естествознания во второй половине XIX века. Не малую роль здесь сыграло учение Дарвина о происхождении видов. В области психиатрии речь шла о выделении в психической патологии различных ее биологически обусловленных типов. С другой стороны, принцип клиниконозологического подразделения психических расстройств пришел в психиатрию от общей медицины, в которой выделение отдельных клинических форм с закономерным им течением вошло в клинический обиход значительно раньше, чем в психиатрии. Мы считаем, что Кандинский стал убежденным и активным пропагандистом внедрения в психиатрическую клинику клиниконозологического принципа в связи с тем, что этот принцип полностью соответствовал его мировоззрению, которое характеризовалось естественно-научным материалистическим монизмом. Мы полагаем также, что формирование клиниконозологического подхода, несомненно, определялось и опытом работы Кандинского в области соматической патологии.

Имеется несколько высказываний Кандинского по поводу клиниконозологического принципа систематики и классификации психических расстройств. Большой интерес представляет их сравнение, так как они относятся к разным этапам его научной деятельности.

К ранним его высказываниям по вопросам клинической нозологии относятся сделанные им замечания к работам П. Замта и К. Кальбаума.

В рецензии к работе Замта Кандинский солидаризуется с ним в критике концепции единого психоза, поддерживаемого тогда Гризингером. «До сих пор обыкновенно делили душевные болезни, — пишет он, — на первичные и вторичные. В этом делении выражается издавна уже установившееся воззрение на отдельные формы душевных болезней как на различные фазисы одного и того же болезненного психического процесса, начинающегося меланхолией и кончающегося слабоумием. Замт объявляет себя решительным противником этого воззрения, вовсе не соответствующего действительности. По его мнению, душевные болезни являются в совершенно отдельных и самостоятельных клинических формах, из которых некоторые

столь же типичны по течению, как, например, пневмония или тиф». Далее Кандинский приводит три из этих типичных форм, выделяемых Замтом: манию в тесном смысле слова, галлюцинаторное помешательство депрессивного и галлюцинаторное помешательство экзальтированного характера. Мы не будем касаться того, в какой мере оправдывают себя в клиническом отношении выделенные Замтом новые формы и каким болезням в современном понимании они соответствуют. Здесь важно другое. Еще в 1874 г. В. Х. Кандинский одним из первых в отечественной психиатрии решительно поддержал клинко-нозологический принцип подразделения психических заболеваний, аналогичный тому, на котором основано подразделение болезней в соматической медицине.

В том же 1874 г. Кандинский в реферате монографии Кальбаума «Клинические работы по душевным болезням» уже более обстоятельно обосновывает применение клинко-нозологического принципа в психиатрии. Это не удивительно, ибо, как мы уже указывали, именно работы Кальбаума, в которых он положил в основу выделения отдельных клинических форм психозов закономерности течения в единстве со своеобразием их проявлений, были весьма важным этапом в развитии клинко-нозологических концепций. Кандинский в вводной части своего реферата не столько занимается изложением описываемой Кальбаумом кататонии, сколько рассуждает по вопросу о новом принципе подразделения психических расстройств. В этом реферате подвергается критике уже не концепция единого психоза Целлера, а симптоматическая классификация психозов, предложенная еще Эскиролем. Эта классификация, по Кандинскому, «не имеет большого научного значения»; при ее применении «неизбежно сводятся под одну общую рубрику случаи, существенно отличные друг от друга, и, наоборот, разделяются по разным рубрикам случаи однородные». Решающим, по его мнению, является клинический метод: «путь клинического наблюдения и анализа отдельных случаев психического страдания во всех их подробностях». Кандинский считает, что «необходимо обращать внимание не только на одни психические симптомы, но и на явления соматические, а не считать последние... только случайными осложнениями психического страдания». Эталоном клинко-нозологической формы был выбран прогрессивный паралич. С ним и сравнивали кататонию, которую Кальбаум и вслед за ним Кандинский ошибочно принимали за самостоятельную форму.

Еще раз к вопросу о клинко-нозологическом принципе классификации психических расстройств Кандинский возвращается уже значительно позже (в книге, которая была издана посмертно «К вопросу о невменяемости»). Здесь его высказывания носят обобщающий характер. Основаны они на

собственном клиническом опыте ученого. Он пишет: «Настоящее время, т. е. 70-е и 80-е годы текущего века, есть в психиатрии время замены прежних односторонне симптоматологических воззрений, оказавшихся неудовлетворительными именно по несогласию их с действительностью и по происхождению от произвольно предвзятых психологических теорий, воззрениями клиническими, основанными на точном изучении, на терпеливом и всестороннем наблюдении душевного расстройства в его различных конкретных или клинических формах, т. е. в тех, так сказать, естественных формах, которые имеются в действительности, а не в искусственных, теоретически построенных на основании какого-либо одного произвольного избранного симптома». Вместе с тем Кандинский проявлял осмотрительность и предостерегал против поспешного выделения новых клинических форм, так как «новая, нигде еще не описанная форма душевного страдания может представить собой не что иное, как лишь новую комбинацию или новый порядок последовательности элементарных психопатологических состояний».

Как видно из изложенного выше, Кандинский был убежденным сторонником клинико-нозологического направления в психиатрии. Такая позиция закономерно вытекала из его мировоззрения и клинического опыта. Ведь клинико-нозологическое направление базируется на материалистическом понимании обусловленности психических расстройств, их биологической типологии и процессуальных закономерностях течения.

В соответствии с характерным для Кандинского стремлением к внедрению своих теоретических концепций в практику и проверке их на практическом опыте он и пытается проводить соответствующий анализ и диагностировать у больных ту или иную клиническую форму психоза. В качестве примера можно привести случай известной судебно-психиатрической экспертизы, испытуемой Губаревой. Кандинский установил впервые у нее диагноз психопатии (на этом мы подробнее остановимся ниже).

Но для того, чтобы применить указанный принцип диагностики у больных с определенными клиническими формами душевных заболеваний, нужно иметь, пишет Кандинский, классификацию, обязательную для всех психиатров.

Не удовлетворяясь действующей в то время, введенной с 1863 года, официальной классификацией душевных расстройств, поскольку она не соответствует «современному уровню психиатрии, целиком основана на принципах... совершенно утративших прежнее значение», Кандинский берет на себя

ответственную и трудную задачу выработки собственной клинической классификации. В официальной классификации 1863 года выделялись 9 групп психических расстройств, в классификации же Кандинского было уже 16 рубрик, каждая из которых состояла из подрубрик (отдельных клинических форм психических заболеваний).

Для полной надлежащей оценки классификации Кандинского приводим ее в полном виде.

I. Hallucinationes (hallucinationes ebriosae и др. Sine alienationae).

II. Melancholia (sine delirio-hypochondrica-delirica simplex — attonita s. katatonica-transitoria-alcoholica).

III. Mania (simplex s. exaltativa-furibunda, transitorian-gravis alcoholica).

IV. Ideophrenia (hallucinatoria acuta-katatonica-chronica simplex — hallucinatoria chronica — cum delirio — cum delirio mixte (сюда между прочим относится и Ideoprenia alcoholica — cum delirio initialiter expansive)).

V. Paraphrenia (agoraphobia-mysophobia-delire du doute-Grubelsucht).

VI. Dementia primaria acuta. VII. Dementia primaria chronica (Senilis-alcoholica-elaesione cerebri organica (syphilitica, traumatica etc.)).

VIII. Paralysis generalis progressive.

IX. Psychoepilepsia (paroxysmatica s. transitoria-continua specifica-dementia epileptica).

X. Psychohysteria (paroxysmatica-continua-melancholica-maniacaidiophrenica).

XI. Psychosis periodica et psychosis circularis (melancholia periodicamania periodica-ideophrenia periodica-psychosis circularis).

XII. Delirium tremens potatorum.—Delirium acutum.

XIII. Dementia (et amentia) secundaria (post melancholiam, post maniam — post idephreniam).

XIV. Imbecillitas.

XV. Idiotismus.

XVI. Psychoses constitutionales cum degeneratione (ideophrenia argutans — insanitas moralis — ideophrenia impulsiva).

Было бы неправильным при анализе классификации В. Х. Кандинского подходить к ней с меркой современного состояния психиатрии и ныне действующей классификации психических заболеваний. Надо учитывать, что, когда Кандинский предложил ее, клинко-нозологический принцип классификации психических заболеваний только нарождался, а практика выделения отдельных клинко-нозологических форм была еще крайне противоречивой и непоследовательной. Не случайно сам Кандинский, как мы уже указывали, предостерегал против поспешности выделения новых клинических форм.

В приведенной классификации Кандинского клинко-нозологический принцип подразделения психических расстройств выдержан лишь частично. В нее входят также психические расстройства, выделение которых отражало чисто симптоматические принципы классификации. Такими были, например, рубрики, I. Hallutiones; II. Melancholia; III. Mania; VI. Dementia primaria acuta. Отчетливо видно и влияние еще не изжитых концепций «единого психоза» [рубрика XIII. Dementia (et amentia) secundaria]. Нарушается последовательность клинко-нозологического принципа и в рубрике XI. Psychosis periodica et psychosis circularis, в которую, исходя из типа течения психозов, автор кроме маниакально-депрессивного психоза, включил и другие клинические формы со сходным течением.

В то же время несомненным достижением является то, что, кроме прогрессивного паралича (рубрика VIII), в классификации Кандинского представлен ряд еще клинко-нозологических форм: белая горячка, эпилептические психозы, истерические психозы, олигофрени. Особенный интерес представляет последняя рубрика — XVI, в которой несмотря на неудачную формулировку («конституциональные психозы»), подразумевается выделение психопатии в отдельную клиническую группу.

Принципиально новым шагом Кандинского является включение в классификацию рубрики IV, где в качестве отдельной клинической формы выделена «идеифрения» (с детальным подразделением на различные варианты).

Клинические описания больных с диагнозом «идеифрения», приведенные Кандинским в его монографии «Ю псевдогаллюцинациях», позволили ряду отечественных авторов

прийти к заключению, что «идеофрения» в значительной мере тождественна описанным раннему слабоумию Э. Крепелина и шизофрении Е. Блейлера.

«Чрезвычайно важно отметить,— пишет А. В. Снежневский,— что в своей классификации психозов В. Х. Кандинский впервые в истории психиатрии выделил в качестве самостоятельной формы психического заболевания идеофрению — в объеме, почти идентичном современной шизофрении. В составе идеофрении В. Х. Кандинский различал простую форму, кататоническую, периодическую... острую форму с начальным экспансивным или депрессивным бредом, хронически галлюцинаторную, вяло протекающую, далее возникающую на почве хронического алкоголизма, и, наконец, состояние слабоумия после идеофрении.

Сам Кандинский указывал, что слово «идеофрения» заимствовано им у бельгийского психиатра Гислена, который называл этим именем известные бредовые формы. Кандинский считал, что термин «ideophrenia» соответствует обозначению «той, ныне твердо установленной, психопатологической формы, которая называется немцами *primäre Verrücktheit*. Для русского обозначения идеофрении Кандинский считал подходящим термин впервые употребленный И. Пастернацким — «первично-бредовой психоз».

Кандинский не считал удачным замену предлагаемого им термина «идеофрения» термином Кальбаума *paranoia*, так как последний, по его мнению, «не обнимает всего того, что принадлежит к «*primäre Verrücktheit*».

Заслуживает внимания тот факт, что Кандинский отчетливо понимал значение выделяемой им идеофрении в психиатрической клинике. В своей рецензии на книгу П. И. Ковалевского «Судебно-психиатрические анализы» он упрекает автора, что тот «не уделил внимания первичному помешательству» Изучение *помешательства*,— пишет он,— в тесном смысле (*Verrücktheit, Wahnsinn*) стоит на первом плане в современной психиатрии... оказывается это самый частый из всех видов душевного расстройства».

По нашему мнению, только скромность Кандинского заставила его сказать, что выделяемая им идеофрения полностью соответствует «первичному бредовому психозу» (*primäre Verrücktheit*) немецких авторов. (49) В действительности же, как видно из приведенной выше классификации Кандинского с ее разделением идеофрении на отдельные клинические подформы, он предвосхитил не только бредовую шизофрению, но и другие ее формы, почти идентичные современным формам шизофрении. Это подтверждается, в частности, теми клиническими

наблюдениями, которые Кандинский приводит в монографии «О псевдогаллюцинациях». Такова, например, история болезни студента-филолога Козловского, которому Кандинский поставил диагноз *ideophrenia catatonica* и у которого он отмечал галлюцинации слухом и осязанием в состоянии, переходном «от атоничности к кататонической экзальтации». В другой своей монографии «К вопросу о невменяемости» он описывает исходные состояния больных идеофренией в форме шизофразии. Он пишет, что у таких больных наблюдается наличие «слов или фраз без тени общего смысла... такие лица совсем утратили способность устанавливать между своими представлениями апперцептивную связь».

Однако, как можно судить по историям болезни, приведенным в монографии «О псевдогаллюцинациях», Кандинский наиболее полно описал бредовую форму шизофрении, установил закономерности ее течения и дал непревзойденные образцы ее психопатологической характеристики. Считая, что при параноидной шизофрении ведущее место занимают расстройства в области мышления и чувственных представлений, Кандинский выделял два варианта этой формы шизофрении (в соответствии с преобладанием тех или иных психопатологических феноменов и их ведущего значения) — бредовой и галлюцинаторный.

Уже в своей первой работе «К вопросу о галлюцинациях» Кандинский устанавливает закономерное двухступенчатое развитие бреда в дебюте идеофрении — от бреда «интеллектуального» к бреду «чувственному». Более подробно развитие бреда и сложные отношения между бредом и галлюцинациями характеризуются Кандинским в монографии «О псевдогаллюцинациях — в истории болезни больного Дашкова. Указав, что по истории болезни он убедился в том, что данный случай относится не к меланхолии, а к первичному бредовому психозу в подострой форме, Кандинский так описывает динамику психического состояния у этого больного: «Первичное расстройство в сфере представления, в начале — лишь одни навязчивые представления и отдельные, мало устойчивые ложные идеи самостоятельного (первичного) происхождения, уже через 1—2 недели от начала болезни присоединились галлюцинации слуха, сперва интеркуррентные, потом сделавшиеся постоянными; далее — вторичное развитие ложных идей и выработка сложного, постепенно систематизируемого бреда, в тесной зависимости от галлюцинаций слухом; наконец, непрерывное галлюцинирование слухом, осязанием и общим чувством». Далее Кандинский приводит данные обратного развития болезни под влиянием лечения. Из этого описания видно, что последними исчезают самые начальные симптомы. Из истории болезни также явствует, что больной выздоровел, «блистательно доказав мне

свою способность к умственной работе и вполне объективное отношение к перенесенной болезни». Представляет интерес, что данное указание о выздоровлении больного идеофренией не является случайным, так как Кандинский твердо стоял на позиции признания излечимости последней. В своей рецензии на книгу П. И. Ковалевского «Первичное помешательство» он писал: «... страдающие хроническим первичным помешательством (идеофренией) могут излечиваться. Едва ли справедливо, что во *всех* случаях хронического первичного помешательства существуют «дефекты мозгового вещества». В то же время Кандинскому были известны, как мы уже отмечали, исходные (конечные) состояния при идеофрении.

Клинические воззрения на эпилепсию складывались у Кандинского очень рано, еще в то время, когда он работал терапевтом и активно сотрудничал в журнале «Медицинское обозрение». В 1876 г. Кандинский публикует подробные рефераты из немецкой литературы с приведением описанных авторами историй болезни. В этих рефератах получают освещение вопросы так называемой психической эпилепсии. Кроме того, что они содействовали распространению среди отечественных врачей-психиатров сведений о несудорожных, психических проявлениях эпилепсии и имели известное значение для судебно-психиатрической практики, представляют также интерес в связи с содержащимися в них высказываниями и соображениями Кандинского в отношении эпилепсии. Он подчеркивал полиморфность клинических проявлений при этом заболевании, замещаемость, эквивалентность различных эпилептических состояний (в том числе психических пароксизмов), а также то, что «эпилептическое помешательство» может быть диагностировано независимо от наличия или отсутствия «собственно судорожных эпилептических припадков». В реферате работы Вейса «Эпилептическое помешательство» им приводится случай травматической эпилепсии с периодическим эпилептическим психозом, когда «после короткой стадии ступорозной меланхолии и преходящего бреда с характером боязливости больной впадает в маниакальное состояние с галлюцинациями — принимает воинственные позы, видит сражения, считает себя одаренным необычною физической силой или главнокомандующим, а также австрийским императором». Кандинский пишет: «главная отличительная черта новой клинической формы — полная одинаковость отдельных приступов периодического душевного расстройства. Кроме того, для эпилептического помешательства характеристична внезапность начала и окончания приступа и нормальность психического состояния больных в промежутках между припадками».

Кандинский подчеркивает оправданность включения таких

случаев в специальную форму «эпилептическое помешательство», вместо того, чтобы определять их по-прежнему как *mania periodica*, *mania transitoria*, потому что выгодно «не разделять болезненные формы, когда они принадлежат к одной естественной группе». Это целесообразно еще и потому, что при «эпилептическом помешательстве» естественно ожидать пользы от тех эмпирических средств, которые дают наилучший результат при лечении эпилепсии».

Не меньший интерес представляет реферат В. Х. Кандинского работы Крафта-Эбинга «Об эпилептоидных состояниях, подобных грезам и «сновидениям». В работе описываются случаи экспансивного бреда; перед больным разворачивался постоянно один и тот же ряд связанных сцен, в которых он сам был героем. По описанию В. Х. Кандинского, эти случаи Крафта-Эбинга правильней всего трактовать как эпилептический онейроид. При этих сноподобных психических расстройствах последующая амнезия носит частичный характер. Она относится только к объективным событиям, впечатлениям в период психического расстройства, но не распространяется на фантастические, сноподобные переживания. Иное дело при сумеречных состояниях с различными формами сложного автоматического поведения, продолжающегося недолго (типа амбулаторного автоматизма) или даже затяжного. Такие состояния, как правило, сопровождаются полной амнезией всех переживаний, относящихся к периоду приступа. Кандинский пишет: «Эти состояния, характеризующиеся бессознательными или полусознательными импульсивными действиями и экспансивными ложными представлениями (*Zwangvorstellungen*), весьма близки к состояниям сомнабулизма и экстаза. И тут и там способность сознания глубоко расстроена, тем не менее, однако, возможны действия и речи на первый взгляд ничем не отличающиеся от действий и речей сознательных».

Мы привели ранние высказывания В. Х. Кандинского по эпилепсии, иллюстрирующие полиморфизм психотических проявлений при ней.

Значительно позже он описал еще одну разновидность эпилептических психических состояний, но уже непродуктивных. Это наступающие после судорожных припадков и длящиеся разное время явления «отупения» (*Stupiditas postepileptica*).

В книге его «К вопросу о невменяемости» он вновь и неоднократно возвращается к клинической характеристике эпилепсии в своих судебно-психиатрических экспертных заключениях. Им проводится дифференциация органической эпилепсии по этиологическим факторам и дается описание

различных ее форм (травматической, алкогольной, сифилитической). Кроме того, он выделяет простую эпилепсию с доброкачественным течением, которая характеризуется редкими большими и малыми припадками, изменениями в характере (угрюмость, отчасти раздражительность, сварливость) и в известной степени, весьма умеренной, слабоумие, выражающееся в слабости нравственного чувства и воли», и эпилепсию прогрессивную, злокачественно текущую с полиморфными пароксизмами, с быстро наступающим слабоумием.

Все сказанное выше свидетельствует о том, что тонкая клиническая наблюдательность и высокая эрудиция Кандинского позволили ему приблизиться к современным представлениям об эпилепсии.

Огромный интерес имеют клинические представления Кандинского о психопатиях. Эта проблема особенно интересовала русских психиатров после судебной реформы, проведенной в России в 1864 г., когда был утвержден суд присяжных и психиатры стали чаще привлекаться к судебно-психиатрической экспертизе.

Особенную трудность для такой экспертизы представляли лица, у которых были пограничные состояния, а из них в первую очередь психопаты, наиболее часто совершающие те или иные правонарушения. Необходимо считаться с тем, что в ряде случаев психопатия по своей тяжести и глубине может быть приравнена к психической болезни. Чаще же лицо, совершившее преступление, являясь психопатом, должно быть признано способным отдавать отчет в своих поступках и руководить ими и потому подлежащим наказанию, а не лечению. Вот почему в 80-х годах прошлого столетия у многих выдающихся русских психиатров в актах судебно-психиатрической экспертизы впервые начинает фигурировать понятие психопатии. Приведем, например, судебно-психиатрическое заключение С. С. Корсакова по напугавшему делу Прасковьи Качки, убившей своего возлюбленного, студента Гортынского. Знаменательна также экспертиза И. М. Балинского, который применил термин «психопатия», характеризуя психическое состояние подэкспертной Семеновой, и отметил при этом отличие психопатий от психических заболеваний и психопатизации. Кандинский также описал психопатию и подробно высказался по поводу ее клинической сущности в своем уже упоминавшемся нами судебно-психиатрическом заключении по делу Юлии Губаревой (Островлевой).

В понимании психопатий Кандинский, как и его выдающиеся современники И. М. Балинский, И. П. Мержеевский и С. С. Корсаков, исходил из признания этих состояний

прирожденными аномалиями психики. Он ясно видел отличие психопатий от психических заболеваний и считал, что если в психической болезни есть начало, развитие и тот или иной конец, то при психопатии «вся жизнь — болезнь».

Кандинский пользуется для иллюстраций толкования психопатии аналогией из общей медицины с пороками развития. «Это состояние, пишет он о психопатии, относится к сумасшествию от случайных причин совершенно так же, как телесные уродства с пороками физического развития относятся к случайно приобретенным физическим болезням».

Кандинский также с предельной четкостью понимал отличие психопатий как врожденных аномалий личности от врожденных недоразвитий мозга с различными степенями умственной недостаточности. Он учитывал также, что при психопатии речь идет о постоянной дисгармонии всего душевного строя человека и тонко описывал основные черты этой дисгармонии. В своей судебно-психиатрической экспертизе по делу Губаревой он пишет: «Обыкновенное психопатическое состояние» определяется тем, что «весь строй душевной жизни... характеризуется непостоянством, изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон...».

Исключительный интерес представляет то, что Кандинский, опережая свое время, смог понять ограниченность статического толкования психопатий. Он указывал на их динамичность, проявлявшуюся в разных ракурсах. Здесь могла идти речь и о предрасположенности к разнообразным патологическим реакциям, и о преходящем психотическом состоянии, и о лабильности больных и склонности к декомпенсации при воздействии различных вредоносных внешних факторов и, наконец, о возможности дальнейшего патологического развития личности.

В экспертизе Губаревой Кандинский констатирует и подробно описывает на фоне постоянной психопатичности различные «транзиторные болезненные состояния... равнозначащие с временным полным умопомешательством или с *умоисступлением*». Также он утверждает, что «психопатическое состояние, начавшееся с первого времени ее жизни и в самом себе носящее условия своего прогрессивного усиления... по временам обостряется... в скоропреходящие состояния полного душевного расстройства».

Описывая психопатии, В. Х. Кандинский отмечает их разнообразие, выделяет их различные клинические разновидности. В подразделении психопатий на отдельные клинические формы он опирается, главным образом, на

господствующие в его время во французской и немецкой литературе представления, обнаруживая огромную клиническую эрудицию.

Представляет интерес, что хотя Кандинский формально определяет подэкспертную Губареву как психопатку истерического круга, он в то же время описывает у нее сложную амальгамного типа психопатию. Он глубоко анализирует у Губаревой проявления половой психопатичности с «прирожденным контрарным половым инстинктом» (влечением к одноименному полу). Он отмечает также у нее черты циклоидной психопатичности, выражающиеся в периодичности психопатологических явлений, смене состояний угнетенности состояниями психического возбуждения, и наоборот. Кандинский указывал, что в литературе это часто связывалось с явлениями сексуальной психопатичности.

В описаниях психопатий, как врожденных особого рода аномалий личности, психопатологическое трудно отделимо от психологического. Необходим при этом не только психопатологический, но и психологический анализ. Весьма тонкий и совершенный анализ такого рода был дан Кандинским в его экспертизе баронессы М. Ф. Бр., являющейся психопатической личностью из круга истеричных, аффективно лабильных. Приведем лишь один — два отрывка из описания, сделанного В. Х. Кандинским. Указав, что испытуемая «отличается во всех сферах душевной деятельности многими особенностями, которые делают из нея субъекта исключительного...» Кандинский далее пишет: «Отдельные стороны ума и характера обвиняемой не гармонируют между собой, на что следует смотреть частично как на врожденный недостаток, частично как на результат односторонности ее умственного и нравственного развития. Имея некоторый литературный талант и дар к стихотворству... она во всех прочих отношениях умственно ниже посредственности: мало сообразительна, наивна, легковерна, лишена практичности, мало сведуща в сфере будничных житейских отношений, лишена понимания материальных интересов... Понятия ее о людях фантастичны, ибо она склонна идеализировать людей и смотреть на них сквозь призму своего романтического воображения. В особенности она идеализирует людей ей симпатичных, к которым привязывается беззаветно... Любовь Марии ф, Бр... носила чрезвычайно страстный и всепоглощающий характер. Муж до конца остался для нее тем же, чем был с самого начала, именно казался ей идеалом мужчины...». Кандинский цитирует в истории болезни письмо испытуемой, из которого мы приведем только маленький отрывок, где она выражает свое желание быть похороненной рядом с мужем, который покончил с собой и которому она сама перед этим принесла по его просьбе револьвер, за что и была

привлечена к ответственности. «О, дайте мне возможность успокоиться в могиле,— пишет испытываемая,— прикинувшись к мертвой, холодной груди моего мужа, прижав мои губы к его бледным онемелым устам! Даже в объятиях смерти покоиться сладко...»! Независимо от мечтательности и страсти ко всему романтичному, отмечает далее В. Х. Кандинский, у обвиняемой имеется постоянная склонность к самоубийству. После такой подробной характеристики испытываемой, в истории болезни приводятся полные данные объективного анамнеза, обстоятельств дела и, наконец, аргументированное судебно-психиатрическое заключение, в котором представляет интерес следующий пункт: «Обвиняемая совершила то деяние, которое ей ставится в вину, во-первых, под давлением чужой воли со стороны лица, которому она привыкла безусловно подчиняться; во-вторых, под влиянием острого порыва сострадания и самоотверженности на почве постоянной чрезмерно-напряженной страсти (любовь к мужу); в-третьих, в зависимости от ошибочно понятого долга».

Приведенные выше данные характеризуют клинические воззрения Кандинского на ряд важнейших психических заболеваний. Но о Кандинском как клиницисте позволяют судить также некоторые его высказывания по отдельным психопатологическим состояниям. Например, им очень ярко описаны состояния экстаза, астенические состояния и др. Упомянем также об описании им различных вариантов психомоторного возбуждения, которое так часто наблюдается в психиатрической клинике.

Оно интересно в плане того, как понимал Кандинский отношения между синдромами и клинико-нозологическими формами. Наблюдая одного испытываемого, который симулировал психоз в форме психомоторного возбуждения, Кандинский в своем экспертном акте, противопоставил этому симулятивному возбуждению описание «шести различных состояний психического беспокойства», действительно наблюдающихся в психиатрической клинике.

Кандинский исходил в основном из признания относительной клинико-нозологической специфичности синдромов, той концепции, которая разделяется в настоящее время большинством ведущих советских психиатров. Каждому выделяемому им виду «беспокойства» он дает клинико-нозологическую характеристику. Кандинский различал в рамках циркулярного психоза: «беспокойство меланхолическое» и «беспокойство маниакальное»; во время других заболеваний — «беспокойство при острой форме первично-бредового психоза», «состояние возбуждения эпилептического свойства», «беспокойство при вторичном безумии (*dementia secundaria*)»; «состояние возбуждения при разных органических поражениях

головного мозга».

Как видно из приведенных вариантов синдромов возбуждения у психически больных каждый из них (исключение составляют беспокойства при вторичном безумии) выделены с учетом того, как нозология «накладывает свою печать» на него.

Вопросы терапии психозов не получили специального освещения в трудах Кандинского, да и арсенал терапевтических средств был в то время ограничен. Но во многих историях болезни, приводимых Кандинским в его работах, он всегда уделял большое внимание терапии. Короткой, но эмоциональной рецензией он откликнулся также на книжку П. И. Ковалевского «Руководство к правильному уходу за душевнобольными». Свою рецензию Кандинский кончает словами: «Книга проникнута искренностью и гуманным отношением к страждующему человечеству». Эти слова мы по праву можем отнести и к самому Кандинскому, вся клиническая психиатрическая деятельность которого была также проникнута высоким гуманизмом.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующее краткое резюме о Кандинском как о клиницисте.

Кандинский, несомненно, являлся одним из основоположников клинико-нозологического направления в психиатрии. Он был автором первой отечественной классификации психических расстройств, в которой клинико-нозологический принцип получил определенное отражение.

Кандинский впервые в истории психиатрии выделил под названием идеофрении самостоятельное психическое заболевание, почти идентичное современной шизофрении, и дал непревзойденное описание психопатологии его бредовой формы.

Являясь клиницистом широкого профиля, Кандинский в своих клинических концепциях ряда важнейших психических заболеваний (идеофрении, эпилепсии, психопатии и др.) во многом опережал свое время.

Как психиатра его характеризовали клинический реализм и способность сочетать глубокие и тонкие психопатологические описания с физиологическим анализом.

Глава одиннадцатая. РОЛЬ В. Х. КАНДИНСКОГО В РАЗВИТИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

Посмертное издание книги В. Х. Кандинского «К вопросу о невменяемости» и ее значение для развития отечественной

судебной психиатрии. Обсуждение в петербургских обществах психиатров и юристов в 1883 г. проекта статьи Уложение о наказаниях 36 о вменяемости. «Особое мнение»

В. Х. Кандинского по этому вопросу. Обоснование

В. Х. Кандинским необходимости включения в статью 36 психологического критерия вменения. Философские и психологические комментарии В. Х. Кандинского по этому вопросу. Его важнейшие психиатрические экспертизы. Общая характеристика В. Х. Кандинского как судебного психиатра.

Судебно-психиатрические воззрения В. Х. Кандинского представляют большой интерес. Они до сих пор являются одним из руководящих принципов судебно-психиатрической экспертной практики.

Исследования Кандинского по вопросам судебной психиатрии получили широкое освещение в советской литературе. Здесь прежде всего следует указать на данную А. В. Снежневским в биографическом очерке о Кандинском подробную характеристику его судебно-психиатрических взглядов, а также на работы Д. Р. Лунца и Ц. М. Фейнберг, в которых дан углубленный анализ высказываний В. Х. Кандинского по проблеме вменяемости.

Все же судебно-психиатрические работы ученого заслуживают дополнительного анализа. При характеристике судебно-психиатрических концепций В. Х. Кандинского необходимо иметь в виду ряд особенностей их возникновения и развития. Кроме того, анализ судебно-психиатрических воззрений В. Х. Кандинского в их динамике хорошо рисует его облик как ученого и общественного деятеля, раскрывает ряд черт характера и личности. Несомненный интерес представляет и эволюция отношения психиатров к судебно-психиатрическим взглядам Кандинского — от выраженной оппозиции к ним большинства, преимущественно петербургских психиатров, до всеобщего признания их и включения в золотой фонд науки и практики.

Как можно судить по предисловию к посмертно изданной монографии «К вопросу о невменяемости», проблемы судебной психиатрии вызвали в В. Х. Кандинском в течение последних лет жизни повышенный интерес. Результаты их изучения должны были стать составной частью готовившегося им к печати большого труда. Характерное для В. Х. Кандинского стремление к монументальности исследований, взыскательность и требовательность к их теоретическому содержанию при стремлении в то же время добиться их практического претворения получили отражение в следующих словах самого исследователя: «Мой труд, имея заглавием: О свободе воли (медико-философское исследование), распадается на три части. Первая часть: «учение о свободе действия», по свойству

предмета носит характер исследования философско-психологического; вторая часть: «учение об ответственности», трактует о вопросах, относящихся к области индивидуальной и общественной этики; третья часть: «учение о вменении и о состояниях невменяемости», применяет принципы, добытые предыдущими исследованиями к практике судебной, имеет главным содержанием своим чисто практические вопросы судебной психопатологии».

Подчеркивая тесную связь трех разделов задуманного труда, В. Х. Кандинский при этом в следующих словах выражает свое творческое кредо, раскрывающее его стиль научной работы: «Спокойствие, последовательность и уверенность действия в области столь трудной и налагающей на действителя ответственность столь серьезную, как деятельность медико-судебная, возможны лишь при твердости принципиальной почвы».

В указанной монографии можно выделить два раздела. Первый составляет выступление В. Х. Кандинского по проблеме вменяемости в совместно проведенной в 1883 г. дискуссии по этой проблеме Петербургского общества психиатров и Петербургского общества юристов. Второй раздел включает несколько экспертных заключений В. Х. Кандинского, отражающих его судебно-психиатрическую экспертную практику.

Хотя, как уже отмечалось, сам В. Х. Кандинский считал, что опубликованная в монографии третья часть его большого труда, имеет своим главным содержанием чисто практические вопросы судебной психопатологии, было бы неправильно думать, что в ней отсутствуют теоретические, философско-психологические и общеклинические рассуждения, позволяющие получить представление о его принципиальных позициях в области судебной психиатрии.

Этот важный, посмертно опубликованный труд В. Х. Кандинского не исчерпывает, однако, его высказывания по судебно-психиатрическим вопросам. Для полной характеристики воззрений В. Х. Кандинского в данной области весьма ценным является привлечение всех его выступлений по проблеме вменяемости, а также написанных им рецензий на опубликованные к тому времени труды по вопросам психиатрии.

Характеристику судебно-психиатрических взглядов В. Х. Кандинского целесообразно начать с оценки его участия в уже упомянутой дискуссии по проблеме вменяемости, которая проходила в 1883 г. в связи с обсуждением формулировки 36-й статьи нового проекта Уложения о наказаниях, составленного комиссией при Министерстве юстиции под председательством

сенатора Э. Фриша. Эта статья касалась правового положения душевнобольных, критериев вменяемости и содержания проведения судебно-психиатрической экспертизы при криминальных деяниях психически больных. В проекте она была выражена следующим образом: «Не вменяется в вину деяние, учиненное лицом, которое по недостаточности умственных способностей, или по болезненному расстройству душевной деятельности, или по бессознательному состоянию, не могло во время учинения деяния, понимать свойства и значение совершаемого, или руководить своими поступками» Обсуждению этой статьи были посвящены три заседания Петербургского общества психиатров (12 и 18/II и 2/III 1883 г) и 2 заседания уголовного отделения Юридического общества при Петербургском университете (5 и 10/III 1883 г). Кроме того, статья эта была рассмотрена на двух заседаниях Московского юридического общества (25 и 28/IV 1883 г.), с участием московских психиатров, в том числе С. С. Корсакова, и получила освещение в двух номерах «Судебной газеты» за 1883 г.

Совместно проведенные дискуссии юристов и психиатров по проекту 36-й статьи нового Уложения о наказаниях получили широкое освещение в газетах и медицинских журналах того времени. «Обсуждение редакции 36-й статьи,— писал секретарь Петербургского общества психиатров А. Е. Черемшанский в своей большой статье, посвященной изложению этой дискуссии, — составляло важное событие в жизни психиатрического и юридического общества в С. Петербурге».

Участники дискуссии раскололись па два непримиримых лагеря. Камнем преткновения оказался вопрос о целесообразности внесения в обсуждаемую статью Уложения о наказаниях юридического (психологического) критерия вменения.

О страстности споров может в какой-то мере свидетельствовать тот факт, что указанная статья А. Е. Черемшанского вызвала резкую реплику со стороны участника дискуссии Л. Ф. Рагозина, придерживавшегося точки зрения, противоположной точке зрения А. Е. Черемшанского. «Он,— писал Рагозин, про Черемшанского,— может даже ошеломить неопытного читателя своим субъективным характером и крайней аподиктичностью тона и выражений».

Прежде чем перейти к анализу высказываний Кандинского в отмеченной дискуссии по существу, коротко остановимся на его линии поведения в сложившейся тогда ситуации. В основном вопросе дискуссии — нужно ли дополнять медицинский критерий, содержащий в кратком виде психиатрическую мотивировку невменения, его психологической расшифровкой и аргументацией — Кандинский уже на первом заседании Петербургского общества 5. II 1883 г. оказался почти в

одинокости. Его мнение о необходимости включения психологического критерия в статью 36-ю, где регламентируется порядок признания невменяемости, было поддержано по существу только главным врачом Петербургской психиатрической больницы св. Николая О. А. Чечотом и частично Л. Ф. Рагозиным (присутствовало 22 человека). Будучи рядовым врачом, ординатором психиатрической больницы, Кандинский оказался в оппозиции к самым именитым и заслуженным психиатрам столицы, среди которых были И. П. Мержеевский, В. М. Бехтерев, М. П. Литвинов, Б. В. Томашевский и др. Не разделял его взглядов также столь авторитетный юрист, как А. Ф. Кони, выступивший на этом заседании с большой речью.

Несмотря на, казалось бы, полное свое поражение, на следующем заседании Петербургского общества 18.11 Кандинский вновь выступает, но уже с пространным «Особым мнением», в котором всесторонне обосновывает свою точку зрения.

На этом втором и затем на третьем, последнем, заседании Петербургского общества психиатров, общество вновь отвергло его предложение об упоминании в статье 36-й наряду с медицинским критерием невменяемости и психологического его критерия, но уже 12 голосами против 6. Против точки зрения В. Х. Кандинского на этих заседаниях выступили А. Ф. Эрлицкий, В. Ф. Чиж, М. Н. Нижегородцев, Б. В. Томашевский. Согласились же с ним, кроме О. А. Чечота и Л. Ф. Рагозина, еще три члена общества — Ф. И. Бартолинк, Э. К. Маак, П. Н. Никифоров.

На состоявшихся вскоре (5 и 10.11 1883 г.) заседаниях Петербургского юридического общества спорный вопрос был, наконец, разрешен. От большинства членов Петербургского общества психиатров, сторонников исключения из статьи 36-й психологического критерия вменяемости, выступали А. Е. Черемшанский и Б. В. Томашевский, а от меньшинства, поддерживающего Кандинского и сохранении этого критерия, — О. А. Чечот и сам В. Х. Кандинский. Кроме того, с обоснованием своей точки зрения и внесенного предложения по редакции статьи на этом заседании выступил А. Ф. Кони. Высказывались также А. Е. Черемшанский (вторично) и Л. Ф. Рагозин, а из юристов В. К. Случевский (поддерживающий Кандинского) и Л. З. Слонимский.

Юридическое общество большинством голосов (18 против 4) высказалось за сохранение в статье 36-й наряду с медицинским и психологического критерия. Таким образом В. Х. Кандинский одержал победу в дискуссии по такой важной и принципиальной проблеме судебной психиатрии, как проблема вменяемости. Она была одержана в столкновении с такими видными психиатрами,

как И. П. Мержеевский и В. М. Бехтерев, таким юристом, как А. Ф. Кони.

Эта дискуссия показала, что еще в первые годы своей психиатрической деятельности Кандинский обнаружил столь обширные знания, такую эрудицию, глубину и зрелость судебно-психиатрических воззрений, что смог стать одним из основоположников отечественной судебной психиатрии.

Кандинский показал себя в этой дискуссии как передовой ученый, стойкий, нестигаемый борец за истину в науке, способный принципиально и убежденно, страстно и вдохновенно отстаивать свою точку зрения, основанную на глубоком знании обсуждаемого предмета.

Для того, чтобы сказанное не выглядело голословным, необходимо рассмотреть некоторые вопросы дискуссии по существу. Прежде всего следует указать, что Кандинский и поддерживающий его Чечот, признавая важное значение и единство клинической и судебной психиатрии, в то же время отчетливо видели специфику последней, тогда как их противники, в той или иной мере отождествляли два этих раздела психиатрии.

В чем же, по мнению Кандинского, эта специфика судебной психиатрии? Она определяется связью психиатрии с правовыми науками тем, что психиатрам приходится выполнять функции судебных экспертов, удовлетворять запросы судебных и других правовых органов. Предпосылками судебно-психиатрической деятельности является необходимость и возможность «согласовать принципы и взгляды современной психиатрии с требованиями уголовного закона», общая почва, «на которой могли бы сходиться эксперты и судьи». Судебная психиатрия связана с правовыми науками, поэтому необходимо выработать общий для психиатров и юристов язык, применяемый в судебной практике. Психиатры, занимающиеся судебно-психиатрической экспертизой, должны, по Кандинскому, быть более компетентными в социологических, социально-психологических, психологических и юридических вопросах и использовать эти знания для должного понимания экспертных задач и лучшего проведения судебно-психиатрической экспертизы. Иначе, — говорил Кандинский, — психиатры смогут «быть на суде только свидетелями, а не экспертами»... «Свидетель сообщает, — писал он, — лишь факты, свидетель-врач, значит, может (потому что и должен) ограничиться медицинскими фактами. Эксперт же — умозаключает и цель его умозаключений должна привести судью к правильному применению закона в данном случае...».

В своем заключительном слове на последнем заседании Петербургского общества психиатров, посвященном выработке

окончательной редакции статьи 36-й, В. Х. Кандинский и О. А. Чечот еще резче выразили мысль о специфичности судебной психиатрии, когда сказали, что: «...роль психиатра-клинициста существенно отличается от роли психиатра-эксперта, так как и между душевнобольными могут встретиться люди, вменяемость которых не может подлежать сомнению...».

Глубина и богатство судебно-психиатрических воззрений Кандинского еще отчетливей раскрывается в его полемике с выступавшими против него психиатрами.

Возражения против точки зрения В. Х. Кандинского заключались в основном в следующем.

Некоторые из его оппонентов считали, что сам факт установления психиатром душевного заболевания является достаточным для признания лица, страдающего этим заболеванием, невменяемым и что психологическая формула вменения является излишней.

Так, И. П. Мержеевский, например, считал, что «раз будет доказано клиническим путем, что человек—душевно болен, то действия его, совершенные под влиянием каких бы то ни было мотивов, не могут уже считаться вменяемыми... потому что раз существует душевная болезнь, она отражается на всех проявлениях психической жизни человека, хотя бы рядом с патологическими поступками у такого больного встречались и нормальные действия...».

Заслуживает внимания позиция, занятая в дискуссии о вменяемости А. Ф. Кони. Этот крупнейший представитель правовой науки, прямо не вступая в полемику с Кандинским, придерживался, как мы уже отмечали, противоположной точки зрения по вопросу о необходимости психологического критерия при решении вопроса о вменяемости. Кони считал наличие душевного заболевания или другой психической аномалии более широким, надежным и научным критерием для решения вопроса о вменении, чем психологический критерий, выражающийся в установлении осознанности поведения и способности управления им.

«Едва ли желательно,— говорил он,— суживать вопрос о невменении тесными пределами односторонних шатких признаков, заменяя ими возможность широкого обсуждения всего душевного строя обвиняемого, одним из болезненных проявлений которого могло быть преступление. Ставя вопрос в эти узкие рамки, мы отодвигаем на задний план психиатрический опыт и науку и предписываем ей видеть душевную болезнь лишь там, где и для нас существуют ее признаки». Особенно резко Кони выступал против тех

аргументов в защиту психологического критерия, которые выражались в признании наличия «светлых промежутков» в течении душевных болезней, «Выдвигание вперед вопроса о *lucida intervalla*,— говорил он,— и перенос центра тяжести вопроса о вменении с заключения представителей науки на фактическую оценку одностороннего признака составляло бы шаг против действующего условия». Психологический критерий вменения А. Ф. Кони трактовал как «не строго научный и специальный, а метафизический» критерий.

О «метафизичности» психологического критерия вменения говорили и другие участники заседаний, например М. П. Литвинов. «Будем ли мы говорить о «разуме», о «свободном волеопределении» или о «правильности сознания и руководства поступками»,— заявлял он,— мы вводим этим опять метафизическое, следовательно, спорное понятие в определении критерия и перестаем держаться естественно-научной точки зрения на подводимые под этот критерий ненормальные проявления душевной деятельности, а между тем естественно-научная оценка происхождения и сущности этих проявлений служит уже сама по себе достаточным критерием их невменяемости».

Не будем приводить других возражений Кандинскому как менее существенных. Позволим только заметить, что в основном и главном спор с Кандинским шел с позиций понимания психиатрии как естественнонаучной (и только) медицинской дисциплины, способной самой самостоятельно решать правовые и юридические вопросы на основе лишь клинических методов исследования без привлечения психологической оценки поведения лица, совершившего правонарушение.

Мы полагаем, что огромную роль в победе В. Х. Кандинского в этом случае сыграли его высокая судебно-психиатрическая компетенция и тот факт, что он стоял на более передовых, чем его оппоненты, позициях в области философии, психологии и правовых наук при надлежащем, разумеется, уровне клинической подготовленности.

Кандинский убедительно показал, сколь нереалистичны попытки опереться при решении вопроса о вменении только на клиничко-психиатрический диагноз. Психические расстройства крайне разнообразны и следует иметь в виду, что один только диагноз психического заболевания недостаточен для определения вменяемости лица им страдающего и совершившего правонарушение. Вопрос о вменении при клиничко-судебно-экспертном исследовании лиц с одним и тем же диагнозом может быть решен по-разному в зависимости, например, от стадии болезни. Нельзя не считаться и с тем, совершено ли правонарушение в остром периоде заболевания

или в его светлом промежутке, в период полноценной глубокой ремиссии при периодическом, ремитирующим течении. Необходимо иметь в виду, что ряд психических заболеваний может протекать, с одной стороны, с психопатологическими проявлениями, с другой — в так называемых непсихотических формах. Кроме того, весьма распространены и психические нарушения, когда границы между патологией и нормой весьма неопределенны, очень условны (так называемые пограничные состояния — неврозы и психопатии); только использование психологического критерия вменяемости может в таких случаях помочь избежать ошибок.

Интересно, что А. Ф. Кони в своих воспоминаниях о судебно-психиатрической экспертизе пишет о «неутешительности» этих воспоминаний. В статье «Присяжные заседатели» он, вступая в известное противоречие с приведенными нами выше его же высказываниями, резко критикует практику расширенного применения критерия невменяемости к лицам с психическими нарушениями (типа пограничных состояний — неврозов и психопатий) и наследственно отягощенным с «признаками вырождения».

В. Х. Кандинский возражает против огульного отнесения всех психологических теорий к разряду спекулятивных, умозрительных, метафизических. Он пишет о существовании научной психологии, в формирование которой на «русской почве» он сам внес заметный вклад своим замечательным переводом «Основ физиологической психологии» В. Вундта.

Вскрывая ошибочность высказываний своих противников, в частности М. П. Литвинова, о том, что «все уложения (о наказаниях) строятся на спиритуалистическом принципе абсолютно свободной воли, принципе, нарушающем всеобщность закона причинности», В. Х. Кандинский обосновывает с материалистических позиций учение о «свободе воли».

Мы не имеем возможности в данной главе привести все соображения Кандинского по данному вопросу тем более, что он освещался в главе «В. Х. Кандинский как психолог». Приведем только короткую выразительную цитату из упомянутого уже нами «Особого мнения». «Одно дело,— писал Кандинский,— учение о свободе воли у спиритуалистов, и другое дело — учение об условной свободе воли у психологов. Спиритуалистическое понятие о воле исключает всеобщность действия закона причинности; у психологов же свободное действие есть ничто иное как частный случай действия этого закона».

Важно здесь подчеркнуть, что Кандинский в этих своих рассуждениях преодолевает ограниченность признания только физиологической детерминированности волевых актов. Ему

было вполне доступно (в противоположность его коллегам) идея их социального детерминирования.

Кандинский проводит тонкий анализ двух составных частей защищаемого им психологического критерия вменения — возможности понимания совершаемого действия, которая определяется им как «свобода суждений», и возможности выбора между различными мотивами действия, определяемой им как «свобода выбора». «Душевнобольные люди очень часто сохраняют свободу суждения, — указывает Кандинский, — но теряют свободу выбора».

Таковы высказывания В. Х. Кандинского в дискуссии, развернувшейся в период становления отечественной судебной психиатрии и оказавшей столь большое на нее влияние.

Нельзя не отметить здесь и ту большую поддержку, которую оказал Кандинскому его большой друг — главный доктор психиатрической больницы св. Николая О. А. Чечот.

На судебно-психиатрические воззрения В. Х. Кандинского и О. А. Чечота большое влияние, мы думаем, оказал Г. Модели. Приведем лишь два его высказывания, подтверждающие, как нам кажется, эту мысль.

«Оправдать преступника на основании помешательства можно лишь тогда, — писал Модели, — когда имеется ясное доказательство того, что во время совершения преступления обвиняемый страдал таким расстройством рассудка, которое не позволяло ему сознавать природу и свойства совершаемого поступка, а если он и мог сознавать их, то был не в состоянии понимать, что совершает нечто противозаконное...». «Сущность преступления, — продолжал он, — заключается в себе два элемента: во-первых, сознание того, что этот поступок противен закону; во-вторых, свободу совершать или не совершать его».

Как видно из этих высказываний, Модели признавал необходимость учета не только «умственного критерия», но и «волевого» для решения вопроса о вменении. Понимал он и то, что при некоторых душевных заболеваниях наблюдаются расхождения между этими критериями, когда «человек может знать, что поступок его противозаконен и все-таки совершит его под влиянием мысли или влечения, которым у него нет воли или силы противостать».

Эти положения Модели и были использованы в суждениях о психологическом критерии вменяемости Кандинским и Чечотом.

Наряду с глубокими расхождениями Кандинского с большинством петербургских психиатров по одной из главных

проблем судебной психиатрии, каковой является проблема вменяемости, можно отметить в то же время единомыслие по этой проблеме Кандинского и ведущих московских психиатров.

Обсуждение предложенной комиссией сенатора Э. Фриша редакции статьи 36-й было продолжено в Московском обществе юристов, где этому было посвящено два заседания общества — 25 и 28. IV 1883 г., проведенных с участием психиатров, работающих в Московской Преображенской психиатрической больнице (В. Р. Буцке, С. С. Корсаков, Ф. А. Савей-Могилевич). От их имени выступил С. С. Корсаков. Опуская детали обширного выступления С. С. Корсакова, укажем только, что в главном оно полностью соответствовало приведенной выше судебно-психиатрической концепции В. Х. Кандинского. Отчетливое сходство в позиции двух классиков нашей отечественной психиатрии видно из вводной части выступления С. С. Корсакова на заседании 25. IV.

«Следует сохранить,— сказал С. С. Корсаков,— как первую часть,— указание на общие причины невменяемости, так и вторую — критерий — потому, что с одной стороны в судебной практике бывают случаи, когда преступник хотя и представляет психические аномалии, но преступление его не вытекает из этих аномалий и следовательно должно быть ему вменено; а с другой стороны, и непонимание совершаемого, и неспособность руководить своими поступками не всегда должны быть условиями невменяемости, а только при существовании определенных причин — в частности душевной болезни. Следовательно, первая и вторая часть так взаимно ограничивают одна другую, что отбросить одну из них нельзя».

Позже В. П. Сербский, сыгравший столь значительную роль в развитии отечественной судебной психиатрии, изложив историю обсуждения статьи 36-й нового проекта Уложения о наказаниях, писал в своей книге «Судебная психопатология»:
«Необходимость установления в законе психологического критерия невменяемости с наибольшей убедительностью разработана покойным В. Х. Кандинским и мне остается лишь присоединиться к доводам этого талантливого врача-психолога».

Выше уже отмечалось, что в выступлениях в дискуссии о вменении раскрывался как стиль научной деятельности В. Х. Кандинского, так и особенности его личности. Прежде всего это глубокая принципиальность, стойкость и убежденность ученого, неутомимого в поисках истины и отстаивания ее. Это глубина и всесторонность в изучении предмета исследования, страстность и беззаветное служение науке, неустрашимость борьбы против господствующих течений и взглядов, если они противоречат научной истине.

Указанные качества удивительно сочетались у Кандинского с исключительной добросовестностью и огромным чувством долга. Ярko иллюстрирует стиль поведения Кандинского факт, который нам здесь хотелось бы привести. Несколько лет спустя после описанной дискуссии о вменении в научных обществах психиатров и юристов, на Первом отечественном съезде психиатров в своем выступлении, посвященном оценке законоположений о душевнобольных в России, Я. А. Боткин вновь высказался против психологического критерия вменяемости: «Критерий душевного расстройства, изображенный в статье 36 проекта нового Уложения о наказаниях,— говорил он,— как критерий психологический, не может обнимать собой всех аномалий душевной деятельности». Отвечая Я. А. Боткину, Кандинский начал свое выступление следующими словами «По недостатку времени я не имею возможности оспаривать 2 е положение д-ра Боткина мотивированно, а потому просто представлю свои положения, которые я уже раньше защищал и устно и в печати. Я делаю это вовсе не с той целью, чтобы убеждать кого-нибудь, но единственно для того, чтобы не носить на себе нравственной ответственности за мнения большинства, в случае, если я их разделять по этому вопросу буду опять не в состоянии».

Жена Кандинского Е.К.Кандинская писала в предисловии к книге «К вопросу о невменяемости» о том, как «терпеливо и упорно он добивался истины и как настойчиво он держался своих убеждений, хотя бы при этом и встречал иногда, по-видимому, непреодолимые препятствия Он неоднократно повторял в таких случаях «*Magna est veritas et prae valebit*» (великое истинно и имеет перевес).

В следующем разделе мы дадим характеристику Кандинского как судебного психиатра-эксперта, остановимся на принципах, которые он положил в основу своих судебно психиатрических заключений, и на том, что даны эти заключения для оценки его как клинициста-психиатра.

Материалом для анализа в указанном плане деятельности Кандинского являются его восемь подробных судебно-психиатрических экспертных заключений по правонарушениям.

Эти судебно-психиатрические заключения содержат истории болезни, которые подвергаются клиническому анализу и судебно-психиатрической оценке. По этим заключениям можно с большей степенью достоверности судить о клинических судебно-психиатрических взглядах Кандинского, о богатстве и совершенстве его клинического опыта и судебно-психиатрической компетентности.

Из восьми заключений 3 относятся к совершившим

преступления психопатам, 1 — к олигофрену, 3 — к лицам с разной степени органическим слабоумием (сифилитическим, эпилептическим, алкогольным) и 1 — к больному алкоголизмом с выраженной алкогольной деградацией, которого Кандинский признал симулянтом.

Касаясь приведенных в этих медицинских заключениях историях болезни и их анализа, данного Кандинским, можно указать на следующее: 1) обращает на себя внимание клинический реализм историй болезни, их полный и всесторонний характер, наличие в них сводного анализа с обязательным включением объективных данных; 2) во всех историях болезни подробно излагаются данные соматических исследований испытуемых; 3) кроме психопатологического анализа, в них, как правило, дается тонкая психологическая характеристика личности испытуемого, указывается на ту или иную психологическую мотивировку его поведения; 4) все судебно-психиатрические заключения Кандинского отражают его принципиальные установки в понимании психической патологии, общих и частных закономерностей, лежащих в ее основе, его теоретические взгляды в области психиатрии и судебной психиатрии.

Важно отметить, что Кандинский, как мы уже указывали, один из первых среди отечественных психиатров стал твердо придерживаться нозологического принципа подразделения психических расстройств. Ему принадлежат большие заслуги в разработке и внедрении этого принципа в отечественную психиатрию. Он понимал также, что психические расстройства проявляются не только в клинических формах, текущих по типу процесса, но могут выражаться в преходящих психопатологических состояниях в виде реакций и в стационарных врожденных аномалиях психики, таких, как психопатии и олигофрении. Различал он также психотические и непсихотические формы расстройств психической деятельности.

Судебно-психиатрическое значение такой дифференциации психической патологии на различные ее классы весьма велико. Она получила полное отражение в экспертной практике Кандинского.

Не будем приводить описание каждого экспертного заключения, опубликованного в монографии Кандинского. Дадим только общую оценку его судебно-психиатрической экспертной деятельности и охарактеризуем основные ее принципы.

Прежде всего укажем, что она глубоко диалектична

и что на ней лежала печать его высокого клинического мастерства, тонкого психологического анализа и широкого

социального кругозора.

Кандинский всесторонне учитывал сложность построения судебно-психиатрического экспертного заключения. В этом плане заслуживает особого внимания экспертное заключение по делу Губаревой. Мы не будем здесь касаться представляющих огромный интерес клинических воззрений Кандинского на психопатию, в выделении и описании которой как самостоятельной клинической формы он вместе с И. М. Балинским и С. С. Корсаковым сыграл выдающуюся роль. Об этом мы уже писали в предыдущей главе. Остановимся лишь на том, что в экспертном заключении по делу Губаревой Кандинский проводил отчетливое разграничение двух видов психической патологии, что имеет принципиальное значение для судебной психиатрии. «В душевной жизни девицы Губаревой я должен был,— писал он,— различить ее постоянное или обыкновенное психопатическое состояние от тех состояний полного и, так сказать, острого душевного расстройства, в которые она впадает по временам...». «Обыкновенное психопатическое состояние» ее определялось Кандинским следующим образом: «...весь строй душевной жизни обвиняемой существенно характеризуется непостоянством, изменчивостью, неустойчивостью, отсутствием внутреннего равновесия, дисгармонией своих отдельных сторон...». Острое же душевное расстройство на фоне столь хорошо описанной психопатичности характеризуется как «транзиторные болезненные состояния... равнозначущим с временным полным умопомешательством или с умоизступлением».

Представляет интерес само прохождение экспертизы Губаревой. Она проводилась дважды. При первой экспертизе точка зрения Кандинского о невменяемости обследуемой не получила в суде подтверждения. Но после второй, окончательной экспертизы его мнение восторжествовало, и суд присяжных признал Губареву невменяемой.

В статье Кандинского об этой экспертизе, можно думать, несколько завуалировано дан глубоко содержательный ответ на выступление А. Ф. Кони в Петербургском обществе психиатров во время дискуссии по поводу проекта статьи 36-й нового Уложения о наказаниях. В этом выступлении А. Ф. Кони противопоставлял при проведении экспертизы анализ «всего душевного строя обвиняемого», «односторонним шатким признаком». В экспертизе Губаревой мы видим, как Кандинский не противопоставлял, а рассматривал в единстве и «весь душевный строй» обвиняемой, ее психопатию и отдельные эпизодические психотические ее состояния, отнюдь не являющиеся «односторонними шаткими признаками».

Важным для экспертной деятельности Кандинского является его

понимание сложных диалектических отношений между психологическими и психопатологическими факторами, определяющими поведение обследуемых.

Кандинский отмечал общность психологии и психопатологии. Имеем ли мы дело с нормальной психической деятельностью или с болезненно измененной психикой, в том и другом случае речь идет о психической деятельности, и в этом отношении психология и психиатрия имеют общий предмет изучения. Общность психологии и психопатологии — явление бесспорно важное. Но следует ли из этого, что она, эта общность, перекрывает различия в отношениях, которые складываются между человеком и внешним миром, и закономерностях деятельности мозга и психического функционирования в условиях психического здоровья и психической болезни.

Попытки психологического толкования психопатологически обусловленного поведения человека являются глубоко ошибочными и по существу приводят к отрицанию психиатрии как науки. При психической патологии имеются нарушения и извращения связей внешнего и внутреннего, ослабление, ограничение и даже полный разрыв их. Кандинский понимал эти сложные отношения психологического и психопатологического. Убедительно это подтверждает его дискуссия с Б. В. Томашевским во время все того же обсуждения в Петербургском обществе психиатров статьи 36 Уложения о наказаниях. Приведя в пример меланхолика, который совершает убийство единственно с целью, чтобы добиться таким путем наказания и «искупить свои грехи», Томашевский видит в таком поведении меланхолика и осознание своих преступных действий и способность управлять ими. Значит, если пользоваться той частью статьи 36, в которой изложен психологический критерий вменения, то следует признать этого меланхолика вменяемым.

Кандинский подвергнул острой критике Томашевского за упрощенчество и психологизирование в оценке поведения больного меланхолией, за то, что он неправомерно сопоставляет меланхолически-бредовое поведение с поведением здорового человека, в норме психологически обусловленным. «Разве можно ожидать какой-нибудь свободы там,— пишет В. Х. Кандинский,— где сущность душевной болезни именно и сводится к явлениям психической задержки, к подавленности, к крайне медленному и тяжелому движению представлений». Но если сложность отношений психопатологического и психологического проявляется в наличии их общности и различий и потому ошибкой было бы отождествлять эти две формы (нормальную и патологическую) психической деятельности, то не следует забывать, что у психически больных могут иметь место различные формы сосуществования психопатологического и психологического. Неадекватное

отношение к окружающему и неадекватное поведение, обусловленное психопатологией, могут сочетаться с адекватным отношением и поведением, обусловленными сохранными сторонами психики (вплоть до осознания имеющейся патологии и вызванных ею нарушений психики).

Кандинский хорошо понимал сложные связи и взаимодействия патологических и здоровых элементов психики у душевнобольных и потому в судебно-психиатрической оценке выдвигал на первый план, как мы уже указывали, степень выраженности психического заболевания, глубину психического расстройства. На этом было основано утверждение о недостаточности одного медицинского критерия — установления психической патологии — для решения вопроса о вменении и о необходимости его дополнения психологическим критерием. Для этого нужно определить степень осознанности поведения и способности его регулирования. Вот почему Кандинский признает больных с органическими психическими заболеваниями, когда последние протекают в непсихотической форме и с неглубоким слабоумием, вменяемыми.

Правильно оценивал В. Х. Кандинский и трудности судебно-психиатрической экспертизы, связанные с тем, что границы между психической патологией и психическим здоровьем в ряде случаев не имеют резкой определенности.

Истоки таких взглядов можно найти в уже цитированной нами книге Модели «Ответственность при душевных заболеваниях», оказавшей, как мы отмечали, влияние на В. Х. Кандинского. Природа, — писал Модели, — «переходит от одной формы к противоположной ей с такой постепенностью, что одна форма незаметно сливается с другой и никто не может указать с уверенностью на точку перехода. Ни в одном случае, однако, истина эта не находит в себе такого полного подтверждения, как по отношению к душевному здоровью и расстройству...». В своем «особом мнении» В. Х. Кандинский в связи с такой неопределенностью границ между психической нормой и патологией по существу выделяет те формы психических нарушений, которые в настоящее время определяются как «пограничные состояния».

К последним он относит терпимую в обществе низшую ступень слабоумия («дураковатость»), случаи психопатии, легкую резонирующую манию, истерию и, наконец, неврастению. Вопрос о вменении лиц — носителей всех этих психических расстройств — решается конкретно, учитывая особенности каждого случая с обязательным использованием психологического критерия. Последний необходим при решении вопроса о вменении независимо от того, определяем ли мы психическое состояние подэкспертного как «ненормальное» или

как «душевное расстройство».

«Едва ли кто может сказать, что озлобление, запальчивость, раздражение,— пишет В. Х. Кандинский,— суть состояния для человека нормальные... не все расстройства душевной деятельности, происходящие от болезни достигают такой степени, что могут исключить вменяемость».

Внедрение как психологического критерия вменения в судебно-психиатрическую оценку, так и психологических исследований в клиническую оценку и диагностику психических расстройств \ подэкспертных лиц содействует повышению уровня клинической диагностики и качеству судебно-психиатрических экспертных заключений. Речь идет не только об экспериментальных психологических исследованиях, положительное значение которых, если они проводятся в рамках общего клинического и психопатологического анализа, не требует доказательств, но и об общепсихологических и социально-психологических методах изучения подвергающихся экспертизе лиц.

Изучение формирования и особенностей личности, той микросоциальной среды, в которой жили, воспитывались и работали испытуемые, анализ характера преступления, его методов и условий совершения, знакомство с судебным делом — все эти необходимые атрибуты клинического и судебно-психиатрического исследования содержат, в тесной, часто неразделимой связи, психологические и психопатологические критерии и методы. В. Х. Кандинский в совершенстве и с удивительным чувством меры владел указанными психологическими методами. Особенно ценен такой психологический, преимущественно личностный и социально-психологический, анализ в экспертизе психопатов, проводившийся В. Х. Кандинским. Показательна в этом отношении экспертиза баронессы Марии Ф. Бр.

Суммируя все приведенные данные о значении В. Х. Кандинского в развитии отечественной судебной психиатрии, можно отметить следующее.

В. Х. Кандинский сыграл выдающуюся роль в развитии судебной психиатрии в России и является одним из ее основоположников. Ему принадлежат огромные заслуги в научной разработке и философско-психологическом обосновании одной из важнейших проблем судебной психиатрии — проблемы вменяемости.

В своей практической судебно-психиатрической экспертной деятельности В. Х. Кандинский дал замечательные образцы сочетания высокого уровня клиницизма и глубокой социально-правовой (психологической) оценки при проведении экспертизы лиц с психическими расстройствами в случаях тех или иных

преступлений.

Научные работы В. Х. Кандинского в области судебной психиатрии и его экспертные заключения обогатили клиническую психиатрию рядом ценных клинических данных. В первую очередь должны быть отмечены его взгляды на психопатию, описание преходящих психических нарушений (экстатических состояний, явлений психомоторного возбуждения, патологических аффективных реакций).

Ряд основных положений В. Х. Кандинского в области судебной психиатрии сохраняют свою актуальность в современной судебно-психиатрической экспертной практике и нашли отражение в правовых законодательных актах. Советское законодательство в статьях, относящихся к правовому положению психически больных и к проведению судебно-психиатрической экспертизы, прямо или косвенно отражает ряд важных, пронизанных гуманизмом судебно-психиатрических воззрений В. Х. Кандинского, в которых ученый проявил себя как глубоко принципиальный, бескомпромиссный исследователь, страстный борец за научную истину.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского

Л.Л.Рохлин

Жизнь В. Х. Кандинского полная самоотречения и сподвижничества, безграничной преданности науке и служения истине, имела трагический конец.

Судьба его научного наследия была также весьма противоречива.

К Кандинскому, как ученому, к творческим его научным идеям в области психиатрии, еще при его короткой жизни пришло уважение и признание со стороны передовых выдающихся отечественных и зарубежных ученых-психиатров. А когда он умер, имя его было надолго предано забвению. Оно как будто стерлось в летописях науки, которой он отдал себя до конца, с тем чтобы много лет спустя вдруг опять получить новую жизнь и войти в историю.

Отбор историей научных ценностей идет не по пути образования мертвых складов сокровищ прошлого, а потому как они живы и действенны в сложной ткани науки настоящего, в какой мере ценные научные идеи получают развитие и оплодотворяют жизнь и практику современности.

Мало того, по-настоящему открытия ученого, его научные достижения и заслуги лучше оцениваются, когда на них смотреть с высоты дальнейшего развития науки, в новом, более

сложном и совершенном контексте действительности. Так произошло и с Кандинским, что мы и постараемся в кратком обобщенном виде показать.

Научное наследие Кандинского богато и многогранно. Оно содержит его философские и психологические высказывания, имеющие большое теоретическое значение для развития психиатрии на правильных методологических основах. В него входят суждения, формирующие психопатологию как самостоятельную научную дисциплину и выдающиеся в ней открытия. Оно включает принципиальные и практически ценные данные, относящиеся к клинике психических болезней. Наконец, в нем имеются руководящие и направляющие идеи, на которых строится современная советская судебная психиатрия.

Как было выше показано, Кандинский является одним из основоположников клинко-нозологического направления в психиатрии и ему принадлежит большая заслуга выделения в числе первых шизофрении как самостоятельной болезни и тонкого психопатологического ее описания. Важно и то, что Кандинский не противопоставлял клиническую нозологию синдромологии, а считал синдромологическое изучение в рамках клинической нозологии оправданным и весьма полезным. «В. Х. Кандинский, — справедливо писал А. В. Снежневский, — дал более правильное понимание психопатологических синдромов, чем существующие, выросшие из концепций экзогенных реакций Бонгеффера». Следует указать, что эти взгляды Кандинского являются весьма злободневными. Современные психиатры, признающие шизофрению отдельной клинко-нозологической единицей, считают исключительно важным углубленный анализ структуры и динамики ее симптоматики, определение в ней специфичности и характерного своеобразия психопатологических проявлений. Соответствует взглядам Кандинского и получающие дальнейшую углубленную разработку, современное синдромологическое изучение разными методами шизофрении с целенаправленностью на определение относительной нозологической специфичности различных, наблюдающихся в ее клинике, синдромов.

То, что научное наследие Кандинского сохраняет свою жизненность и действенность в настоящее время и оплодотворяет психиатрическую науку — подтверждает также судьба его учения о псевдогаллюцинациях и столь важном и распространенном в психиатрической клинике синдроме психического автоматизма, названных и закрепившихся в истории психиатрии за его именем.

Эти психопатологические феномены привлекают в последнее время большое внимание советских и зарубежных психиатров.

По вопросам их клинической сущности проводятся научные конференции и симпозиумы, на которых ведутся творческие дискуссии, осуществляются многочисленные научные, в том числе диссертационные, исследования.

Если в период выхода в свет знаменитой монографии Кандинского «О псевдогаллюцинациях», последняя получила живой отклик у выдающихся психиатров (Сегла, Ясперс, Шюле и другие), то в настоящее время можно отметить вновь повышенный интерес к поставленным в ней и других трудах Кандинского проблемам. В ряде появившихся работ уточняется структура, варианты и динамика синдрома психического автоматизма, определяются его границы, клинические и психопатологические особенности при разных психических заболеваниях, дается возрастная характеристика, выясняются сложные отношения с различными близкими (родственными) и отдаленными (чуждыми) психопатологическими синдромами. В работах, посвященных специально псевдогаллюцинациям, изучаются разграничительные признаки последних от истинных галлюцинаций, образных представлений, проводится сравнительный анализ псевдогаллюцинаций у здоровых и психически больных, в рамках расстройств сознания и вне их. Специально выясняются возможности промежуточных феноменов между псевдогаллюцинациями и истинными галлюцинациями, перехода одних в другие. По всем этим и многим другим вопросам мы находим в трудах Кандинского ряд ценных суждений и мыслей, то в порядке постановки исследований, то на основе анализа тонких психопатологических наблюдений.

Сила творческих и оригинальных научных концепций В. Х. Кандинского оказалась столь велика, что они во многих областях такой разветвленной науки, как психиатрия, живут и сейчас, созвучны современности и получают дальнейшее углубление, развитие и разработку.

ПРИЛОЖЕНИЯ. В. Х. КАНДИНСКИЙ

**Жизнь и творчество
В.Х.Кандинского**
Л.Л.Рохлин

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА К КНИГЕ «КРИТИЧЕСКИЕ И КЛИНИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ ИЗ ОБЛАСТИ ОБМАНОВ ЧУВСТВ»

ПОЯСНЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ. Предлагаемая читателю работа В. Х. Кандинского на русском языке публикуется впервые. Она представляет собой вступительную главу его монографии, напечатанной в 1885 году на немецком языке под названием «Критические и клинические соображения в области обманов чувств». Как известно, основные положения этой монографии Кандинского получили отражение в его посмертно изданной

книге на русском языке «О псевдогаллюцинациях». Сличение немецкого и русского текстов этих книг Кандинского показало их неполную идентичность. Так в русском издании опущена вступительная глава, напечатанная в немецком оригинале, и в то же время ему предпослано предисловие Кандинского, с указанием места и даты его написания (С. — Петербург, апрель 1885). «По моему первоначальному плану, пишет Кандинский в этом предисловии, очерк «о псевдогаллюцинациях» предполагался в качестве члена целого ряда очерков, совокупность которых должна была бы обнять собою все учение об обманах чувств».

Такому проекту написания серии очерков соответствует в подзаголовке немецкого издания книги Кандинского «Первый и второй этюд». Первый этюд — «Предварительные замечания» — мы и печатаем ниже. Второй этюд получил название «Псевдогаллюцинации». Он почти полностью идентичен тексту книги «О псевдогаллюцинациях». Мы пишем «почти» потому, что в русском издании кроме отмеченного выше предисловия, добавлена еще одна глава (одиннадцатая). Эту главу Кандинский начинает следующими словами:

«Привожу резюме представляющее точный смысл этого этюда и главнейшие из тех результатов, к которым я пришел».

Изложенное на 5 страницах это резюме содержит поразительно четко и ясно в 20 тезисах, концепции Кандинского о псевдогаллюцинациях.

Еще до выпуска на немецком языке его книги Кандинский напечатал это резюме в виде статьи в журнале «Медицинское обозрение» с названием, идентичным названию немецкого издания его книги. Касаясь первоначального опубликования основного труда Кандинского на немецком языке Н.В. Иванов справедливо указывает, что это был вынужденный шаг, обусловленный исключительными трудностями, с которыми встречалось издание научных монографий в России в то время. «Хорошо известно, пишет он, - упорное стремление В.Х. Кандинского увидеть свой труд, опубликованным на русском языке». Сам Кандинский в своей статье, помещенной в ж. «Медицинское обозрение» писал: «Предположив сделать, на основании собственных клинических наблюдений ряд очерков критического пересмотра имеющегося в литературе материала по вопросу об обманах чувств я недавно закончил первый очерк, трактующий о псевдогаллюцинациях и надеюсь, что он в непродолжительном времени появится в немецкой печати. Следуя указанию друзей, я хочу вперед представить здесь точный смысл этого моего этюда и изложить главнейшие из тех результатов, к которым я пришел». Здесь уместно кратко изложить те трудности, с которыми столкнулись при издании

книги Кандинского на русском языке.

В протоколе С Петербургского общества психиатров от 26 октября 1885 года мы читаем «Секретарь сообщил, что В Х Кандинский представил председателю Общества научное исследование «О псевдогаллюцинациях» для соискания премии врача А.Ф. Филиппова. Для разбора означенного труда избрана комиссия из пяти членов, а именно И.П. Мержеевский, М. Н. Попов, А. Е. Черемшанский, О. А. Чечот и А. Ф. Эрлицкий.

В протоколе заседания общества от 25/1 1886 г. указано, что «Профессор И. П. Мержеевский от имени комиссии, которая была избрана в октябрьском заседании для оценки сочинения, представленного на соискание премии врача Филиппова, доложил, что комиссия эта признала сочинение д-ра В. Х. Кандинского «О псевдогаллюцинациях» достойным присуждения означенной премии». Передав далее, в главных чертах, содержание этого сочинения, профессор Мержеевский сообщил подробную мотивировку, которыми руководствовалась комиссия принимая свое решение. Затем путем баллотировки общество единогласно постановило присудить премию врача Филиппова В. Х. Кандинскому и напечатать его труд, как приложение к протоколам общества. Для выполнения этого решения была назначена комиссия, в состав которой вошли П. А. Дюков, П Я. Розенбах и А. Я. Фрей. Однако общество не смогло изыскать средств на издание монографии Кандинского в течение ряда лет, и возвращается вновь к вопросу о ее печатании уже после смерти автора.

Очень красноречивы в этом отношении 2 протокола общества. В протоколе заседания от 23/IX 1889 г. читаем: «Председатель сообщил о кончине действительного члена Общества В. Х. Кандинского и предложил почтить его память вставанием. Д-р Черемшанский указал на то, что постановление Общества психиатров, принятое в январском заседании 1886 г. о том, что сочинение д-ра Кандинского «О псевдогаллюцинациях», удостоенное премии врача Филиппова, должно быть напечатано на счет Общества, до сих пор не приведено в исполнение. Постановлено поручить комиссии из гг. членов Нижегородцева, Розенбаха, Фрея и Черемшанского представить соображения о том, каким образом произвести печатание означенного труда». Но протокол заседания общества от 28/X 1889 г. сообщает о письме вдовы В. Х. Кандинского, в котором она предлагает напечатать книгу за свой счет, просит отдать ей рукопись. Она сохраняет права издателя. Удовлетворено ее желание, так как у общества нет средств. Такова грустная сторона из жизни Петербургского общества психиатров, которое не смогло издать, за неимением средств, замечательной книги Кандинского.

Переходим теперь непосредственно к краткому анализу

предлагаемой публикации Кандинского. Мы думаем, что эта публикация представляет для читателя большой интерес. Основное содержание ее раскрывается самим Кандинским в подробном оглавлении его книги. Как видно из текста самой публикации, отдавая дань глубокого уважения основоположникам учения о галлюцинациях, таким «талантливым и эрудированным исследователям», как Байарже, Кальбаум и Гаген, Кандинский в то же время солидаризируется с теми психиатрами, которые считают, что это учение «не завершено» и даже «само понятие галлюцинации, столь частого феномена, в психиатрии не всегда уточнено, а чаще остается зыбким и неопределенным». Дальнейшее изложение посвящено критическому анализу основной, психиатрической литературы того времени об обманах чувств. Здесь уместно отметить ряд черт Кандинского — выдающегося исследователя, психопатолога. Как исследователь Кандинский поражает прежде всего своей взыскательностью и требовательностью в установлении фактов и особенно тонкостью дифференцированного подхода, если это касается определения психопатологических понятий. Обращают внимание его принципиальность и непримиримость когда дело касалось выяснения научной истины, пусть ему приходилось сталкиваться даже и с очень большими авторитетами в области науки.

Об этом говорят, например, критические замечания Кандинского касающиеся неразборчивого использования современными ему авторами казуистики и отдельных высказываний Эскироля, Гризингера. Только будучи убежденным, глубоким ученым, для которого «истина превыше всего», только являясь подлинно высоким и тонким знатоком предмета своего исследования, он мог «осмелиться» утверждать, что научный интерес из казуистики галлюцинаций «покамест представляет лишь 3 случая, описанных Зандером, случай Пика, да еще 20—30 наблюдений, включая, как прежние, так и более новые, обычно приводимые в учебниках». В число авторов таких учебников Кандинский включает, в частности, немецкого психиатра Генриха Шюле.

На отношениях между Кандинским и Шюле следует кратко остановиться. В 1880 году Кандинский опубликовал свою статью «К учению о галлюцинациях», одновременно в ж. «Медицинское обозрение» и в немецком журнале «Архив психиатрии и нервных болезней». В этой статье опираясь на самоописание приступа у него душевной болезни, он дал критический анализ немецкой литературы о галлюцинациях, высказался в защиту «подкорковой» теории галлюцинаций Мейнерта и сформулировал положение о двух видах бреда (интеллектуальном и чувственном) и их последовательной смене. Эта статья нашла отклик во французской и немецкой литературе. В частности, Шюле в данном им обзоре

психиатрической литературы за вторую половину 1880 года обратил внимание на указанную работу Кандинского и поставил перед ним вопрос: «Чем объясняется появление так называемых псевдогаллюцинаций и что обуславливает их объективность?».

Об этом и пишет Кандинский в разбираемой нами публикации, называя Шюле «одним из своих немецких учителей». Он указывает также, что интерес Шюле к псевдогаллюцинациям послужил для него толчком к написанию о них монографии. Об этом же он еще раз упоминает в 1886 г. в своем предисловии к русскому изданию этой монографии.

Об установившейся «искренней дружбе» между Шюле и Кандинским пишет также Чиж. Дружеские отношения Кандинского и Шюле, хотя они лично не были знакомы, определялись их большой духовной близостью. Вообще Шюле, находившийся под влиянием материалистических концепций и физиологических взглядов Гризингера, благодаря своему широкому философскому кругозору, высокому уровню клиницизма, своим чрезвычайно гуманным социально-психиатрическим взглядам, весьма импонировал русским психиатрам конца XIX столетия. Заслуживает внимания тот факт, что на заседании Петербургского общества психиатров 29. XI 1886 г. Шюле был избран в почетные члены общества Харьковские психиатры в 1880 и 1881 гг. дважды издали учебник психиатрии Шюле, о котором Ю. К. Каннабих писал, что он представляет собой «не только научный, но по своему блестящему стилю и крупный литературный памятник». Этот учебник был долго настольной книгой русских психиатров.

Подвергая острой критике высказывания многих своих современников о галлюцинациях, Кандинский однако хорошо понимал как трудно больным бывает их точно описать. Он дает всесторонний и тонкий психопатологический анализ этих трудностей. Объяснение Кандинского, почему больные представляют врачу неточный субъективный отчет о своих галлюцинаторных переживаниях, скрывают их, или описывают весьма аморфно и иносказательно, оставило в психиатрической литературе заметный след и в последующем ряд видных психиатров уделяли этому вопросу большое внимание. Так, например, видный французский психиатр Сегла (который очень ценил Кандинского и называл его произведения классическими) писал, касаясь критериев ограничения психических галлюцинаций Байарже от псевдогаллюцинаций Кандинского, о слове «слышу» в речи больных, рассказывающих о своих болезненных переживаниях: «Что касается слова «слышу», то в бытовом языке наших больных оно имеет многозначный смысл: «Слышать, как кто-то говорит, значит, прежде всего испытывать звуковое впечатление чьего-то голоса, но это также означает воспринимать мысль, формулируемую вашим собеседником,

иначе говоря, принадлежащую не вам. Тут есть разница, которую многие люди игнорируют, употребляя слово «слышать» безразлично и в том и в другом значении»!

Принципиальность и требовательность в научных изысканиях сочетались, как видно из печатаемой публикации Кандинского, с большой его скромностью. В этом отношении весьма характерны следующие его слова «Знакомясь с литературой о галлюцинациях — несколько эта проблема живо меня интересует, я убедился, что имеющийся казуистический материал нуждается в серьезной проверке. Такая задача мне не по силам». Мы полагаем, что это не так. Оставленное нашим замечательным отечественным ученым научное наследство в области психопатологии убедительно говорит, как велики были его «силы».

«Когда в наши дни выступаешь с работой о галлюцинациях, то имеется достаточно оснований для того, чтобы подробно объяснить, для чего понадобилось увеличивать эту литературу» — указывает Гаген.

Я тоже чувствую необходимость предпослать моей работе небольшое предисловие, в котором мне придется объяснить, почему я не счел за лишнее приложить свои силы к изучению предмета, над которым задолго до меня потрудились такие талантливые и эрудированные исследователи, как Байарже, Кальбаум и Гаген.

Но так ли уж невозможно сказать ничего нового о галлюцинациях, что не было бы обнаружено прежними авторами? Ежегодно литература на эту тему обогащается новыми работами, и сам по себе факт появления этих последних, независимо от их внутренней ценности, доказывает, что потребность в дальнейшем исследовании этой важной темы далеко еще не исчерпана. «То, что учение о галлюцинациях, несмотря на многократную разработку, отнюдь не завершено, в доказательствах не нуждается; но можно пойти дальше и утверждать, что правильное понимание этого столь часто встречающегося болезненного симптома вообще до сих пор отсутствует...» — заявил в 1877 г. Вильгельм Зандер. С тех пор, однако, положение по существу не изменилось, иначе не пришлось бы в 1881 г. Эд. Полю сказать по этому поводу следующее: «С трудом верится, но само понятие галлюцинации, столь частого феномена, в психиатрических работах не всегда уточнено, а чаще остается зыбким и неопределенным».

Итак, оказывается, что при всем изобилии литературы на эту тему смысл даже самого термина «галлюцинация» до сих пор окончательно не установлен. Причины этого понятны, если принимать во внимание многообразие явлений, обозначаемых

понятием галлюцинации. Вот почему так необходимо дальнейшее накопление клинических фактов, точное, скрупулезное наблюдение галлюцинаторных явлений, изучение условий, в которых возникают эти явления, и исследование их взаимосвязи с другими симптомами психического недуга.

Много ли у нас таких наблюдений? Бросим беглый взгляд на совокупность имеющегося казуистического материала и признаемся, что изрядная доля описаний не поднимается над уровнем «анекдотов». Такой материал, конечно, не может служить основанием для сколько-нибудь серьезных выводов о природе галлюцинаторных явлений.

В качестве примера того, что я подразумеваю под «анекдотическими» сообщениями, приведу следующее описание «конкретного случая»: «Некто несчастливый в любви впал в глубокую меланхолию, завладевшую всеми его мыслями: ни о чем более он не в состоянии думать, кроме как о предмете его страсти. Внезапно возникает психическое расстройство, нарушающее все представления пациента: он падает на колени и обращается со страстной мольбой к «явившейся» ему возлюбленной».

Никакой теоретической ценности такое неопределенное описание не имеет. Непонятно, что это «психическая» галлюцинация, обман чувств, просто сон или, наконец, яркое чувственное воспоминание? Ответа на эти вопросы описание данного случая не дает. Судя по комментариям автора, он приводит его не как пример «галлюциноидного» состояния, а как образец настоящей галлюцинации (в том смысле, как он понимает этот термин). Поэтому лишь косвенно можно заключить, что речь в данном случае идет о грезоподобном галлюцинаторном феномене, сопровождавшемся помрачением сознания. Приведу еще один образчик этого рода описаний из диссертации Готье де Боваллона: «Жак Клеман имел небесное видение. С неба спустился ангел и повелел ему убить короля Франции и приготовиться к мученической смерти».

Более новые наблюдения, если они и не страдают излишней краткостью и недостатком подробностей, при ближайшем рассмотрении зачастую оказываются недостаточно точными, да к тому же нередко несут отпечаток теоретических пристрастий автора. Я думаю, что не погрешу против истины, сказав, что бесспорный научный интерес покамест представляют лишь три случая, описанных Зандером. Случай Пика да еще 20—30 наблюдений, включая как прежние, так и более новые, обычно приводимые в учебниках психиатрии. Среди этих учебников исключение составляют лишь «Руководство по душевным болезням» Шюле и «Учебник психиатрии» Арндта, в которых имеется немалый и поучительный собственный вклад

авторов в казуистику галлюцинаций.

Правда, недостаток точных и подробных клинических описаний в значительной мере связан с естественными, если можно так выразиться, трудностями, с которыми в этой области неизбежно сталкивается наблюдатель. Галлюцинация — явление субъективное и не может быть наблюдаемо непосредственно, без сотрудничества с больным. Но, как известно, больные не всегда хотят, а чаще просто не могут рассказать о своих переживаниях вследствие недостаточного общего развития, неумения наблюдать за собой, забывчивости и т. п. Даже те из числа выздоровевших, которые могли бы быть полезными в этом отношении, нередко отказываются сообщать подробности своих галлюцинаторных переживаний, стремясь поскорее забыть прошлое либо из чувства ложного стыда (поскольку содержание галлюцинации часто затрагивает интимные стороны внутренней жизни). Определенную роль играет и боязнь оживить в душе пережитые некогда страдания. «Совершенно очевидно, что добыть точные и достоверные сведения о таких вещах вообще трудно, так как трудно найти для них точные слова... и никогда нельзя быть уверенным, что исследователь правильно понял исследуемого». Эти слова Фехнера относятся к явлениям нормальной психики, но с еще большим правом их можно применить к патологическим явлениям.

Неудивительно, что недостаток свежего материала заставляет исследователей обращаться к описаниям старых авторов. Чаше всего при этом ссылаются на случаи Эскироля, а также некоторые примеры из работ Бриер де Буамона. Однако использование старого казуистического материала легко может привести к ошибкам, если не подвергать его строгой критической оценке. Чтобы не быть голословным, приведу первые пришедшие на память примеры. Некоторые новейшие авторы, описывая иллюзии, приводят в качестве иллюстраций наблюдения Эскироля. Между тем отнесение этих случаев к разряду иллюзий в высшей степени сомнительно. Гризингер рассуждает о возможности прерывания зрительных галлюцинаций, когда пациент закрывает глаза, и ссылается на случай, описанный Эскиролем. А на самом деле у больного не было ни галлюцинаций, ни иллюзий. Сам Эскироль квалифицирует этот случай как делирий, помещает его в первую главу своего труда, в параграф, озаглавленный «Симптомы помешательства» и ни словом не упоминает о нем в главах, специально посвященных иллюзиям и галлюцинациям. Пациент, о коем идет речь, видел вокруг себя придворных — совершенно так же, как это было у некоторых наших, отнюдь не галлюцинирующих больных, «видевших» во враче бога, государственного деятеля или начальника тайной полиции.

Что касается Бриер де Буамона, то этот автор использует

наблюдения разной степени достоверности: наряду с надежными, убедительными случаями у него фигурируют и сомнительные, и совершенно неправдоподобные. Приведение подробных цитат заняло бы слишком много места. Наблюдение No 25 вполне могло бы сойти за бред преследования (хронический психоз) со слуховыми и иными галлюцинациями, если бы автор совершенно произвольно не обмолвился о «лицах, одинаково видимых днем и ночью, от которых пациент якобы слышал угрозы и брань по своему адресу. Но если он постоянно видел своих преследователей перед глазами, непонятно, зачем ему понадобилось искать их «за занавеской, в шкафу и под кроватью». Чуть ли не все авторы, не только французы, но и немцы, цитируют наблюдение, приводимое Буамоном под No 1 и в свою очередь заимствованное у Вигана. Наблюдение это совершенно неправдоподобно. Слова больного: «Я принял этого человека в своей душе» вовсе не дают права заключить о наличии галлюцинаций. Вернее всего, речь идет просто об очень ярком воспоминании. Правда, тут же говорится, что больному, художнику по профессии, не нужно было поворачивать голову, чтобы сверить позу своей мнимой модели. Но означает ли это, что имела место истинная галлюцинация? Трудно поверить, чтобы сложные зрительные галлюцинации с заранее заданным конкретным содержанием можно было бы вызвать у себя по собственному желанию, в любой момент, да еще распоряжаться по своему усмотрению галлюцинаторными образами, например заставлять мнимого человека садиться в реально существующее кресло, принимать разные позы и т. п. Не менее странным кажется утверждение автора, будто больной поведал ему о своих необыкновенных способностях после того, как провел в лечебнице добрых тридцать лет, причем обо всем этом времени, если не считать последних шести месяцев, у пациента не осталось никаких воспоминаний. В каком бы он ни был состоянии, навряд ли по истечении 29 с половиной лет он мог остаться в здравом уме и памяти. Во всяком случае принять за чистую монету все рассказы больного о событиях тридцатилетней давности невозможно. Скорее, нужно представить себе дело таким образом, что художник еще до болезни развил в себе способность вызывать в памяти настолько живые образы, что ему нетрудно было воспроизводить их на полотне; впоследствии же, проболев тридцать лет и впадя отчасти в состояние вторичного слабоумия, он вполне мог дать повод Вигану усмотреть наличие галлюцинаций там, где их в действительности не было. Принять на веру все, о чем больной рассказал Вигану, значило бы согласиться и с теми случаями, приводимыми Бриером, которые смело можно отнести «к области предчувствий и духовидения» (Гаген), но уж никак не к галлюцинациям.

О том, что получается, когда одни и те же истории болезни переписывают из книги в книгу, насколько при этом искажаются

факты, говорит следующий случай: имя автора, у которого Бриер де Буамон заимствовал историю болезни художника, в работе Готье де Боваллона превратилось в... имя самого больного! Боваллон пишет: «Когда передо мной оказывается модель, говорит художник Виган...» и далее: «Вигаи видел лишь те части кресла, которые не были закрыты сидящим человеком».

Следует указать, что Бриер вообще не видит разницы между галлюцинацией и фантазией: его определение галлюцинации («восприятие чувственных знаков идеи») таково, что охватывает, очевидно, и галлюцинации в собственном смысле слова, и псевдогаллюцинации, и даже обычные воспоминания и образы чувственной фантазии.

«В литературе о галлюцинациях отвлеченных рассуждений гораздо больше, чем конкретных данных»,— говорит Зандер. И действительно, контраст между обилием теорий и скудостью точных клинических наблюдений бросается в глаза. «Теориям нет числа, каждый автор предлагает новое толкование и в конце получается, что сколько авторов, столько и концепций». Правда, в некоторых случаях расхождения не столь существенны, однако встречаются и полностью противоречащие друг другу теории.

Знакомясь с литературой о галлюцинациях, поскольку эта проблема меня живо интересует, я убедился, что имеющийся казуистический материал нуждается в серьезной проверке. Такая задача мне не по силам. Однако мне представилась возможность накопить достаточное количество собственных наблюдений на основе богатого клинического материала психиатрической больницы св. Николая в Петербурге, а также благодаря некоторым другим обстоятельствам. В частности, я располагаю весьма ценными, на мой взгляд, наблюдениями слуховых галлюцинаций. В своей статье о галлюцинациях слуха я не мог, не рискуя сбить с толку читателя, останавливаться на явлениях, близких к галлюцинациям, но принципиально отличных от них. Этому вопросу будет посвящена настоящая работа. Мне особенно приятно, что я получил, наконец, возможность ответить на вопрос, заданный мне д-ром Шюле: Чем объясняется появление так называемых псевдогаллюцинаций и что обуславливает их «объективность»? Интерес, проявленный к этой проблеме д-ром Шюле, одним из моих немецких учителей, послужил толчком для настоящей работы. Предлагая ее взыскательному читателю, я позволю себе заметить, что явления, описанные мной под именем «псевдогаллюцинаций», имеют, как мне кажется, прямое отношение к патогенезу галлюцинаций в собственном смысле слова.